

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ОТНОШЕНИЕ К РОССИИ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
(история, политика, культура)

Москва
ИВ РАН
2021

ББК 63.3(5)
О-84

Ответственный редактор: к. э. н. Н. П. Космарская

Рецензенты: к. и. н. А. В. Воробьев, к. и. н. А. В. Грозин

*Утверждено к печати Издательской комиссией
Ученого совета Института востоковедения РАН*

О-84 **Отношение** к России в Центральной Азии (история, политика, культура) : (Коллективная монография) / отв. ред. Н. П. Космарская; Ин-т востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2021. – 202 с.

ISBN 978-5-907384-94-1

Книга посвящена различным аспектам восприятия России жителями трех стран Центральной Азии — Казахстана, важнейшего стратегического и экономического партнера России, имеющего с ней огромную по протяженности общую границу, а также Киргизии и Узбекистана. Их связи с Россией исторически обусловлены и разнообразны, но сейчас определяются в первую очередь многолетним притоком в страну сотен тысяч трудовых мигрантов. Исследование основано на эмпирических материалах, собранных авторами в 2014–2019 гг. качественными методами (экспертные и биографические интервью, фокус-группы, контент-анализ сетевых публикаций).

Все представленные в книге сюжеты неразрывно связаны с Россией в ее различных ипостасях — как бывшей империи, колонизовавшей бескрайние пространства азиатского материка; как преемницы государства, когда-то общего для многих людей разных национальностей, населяющих сейчас страны региона; как движущей силы в рамках существующего в регионе экономического объединения (ЕАЭС); наконец, как части сохраняющегося в этих странах, но во многом живущего здесь своей собственной жизнью русскоязычного культурного пространства.

Издание рассчитано на историков, социологов, политологов; на студентов и аспирантов этих специальностей, на преподавателей вузов, а также на всех читателей, которых могут заинтересовать искренние и непредвзятые мнения о России, высказанные обычными жителями стран — наших бывших соседей по общему дому.

На лицевой стороне обложки: празднование Дня Победы в Парке имени 28-ми гвардейцев-панфиловцев в Алма-Ате, 9 мая 2015 г. Фото Е. Садовской.

На задней стороне обложки: Российский центр науки и культуры в Бишкеке. Фото Н. Космарской, 2017 г.

© Коллектив авторов, 2021

© ФГБУН ИВ РАН, 2021

Содержание

Введение.....	5
Глава I. Россия глазами казах(стан)ских студентов: между личным опытом, семейной памятью и официальным дискурсом (Н. Космарская).....	12
«Россия здесь не присутствует, Россия здесь просто есть».	
Историко-культурный контекст формирования мнений о России	14
Мнения студентов о России сквозь призму личного опыта.....	22
«Страна говорит на каком-то языке, и государство говорит на каком-то языке, и этот язык называется русский».	
Этнолингвистические проблемы Казахстана глазами студентов.....	28
Праздновать или скорбеть?	
Память о войне и отношение к Дню Победы.....	32
Основания для оптимизма и пути работы над ошибками.....	42
Глава II. Молодежь Казахстана и Киргизии о роли России в национальной истории (И. Савин).....	54
Образ России в истории: общее в восприятии жителей двух стран	62
Молодежь Казахстана.....	62
Молодежь Киргизии.....	63
Образ России в истории: различия в восприятии жителей двух стран	68
Молодежь Казахстана.....	68
Молодежь Киргизской Республики.....	72
Взгляды студентов как отражение национальной политики памяти.....	75
Глава III. Отношение жителей Казахстана к Евразийскому экономическому союзу (И. Савин).....	85
Эксперты в поддержку ЕАЭС: мнения и аргументы.....	89
Экспертные мнения «против» ЕАЭС.....	93
«Обычные люди»: мнения в поддержку ЕАЭС.....	98
«Обычные люди» против ЕАЭС.....	101
Глава IV. Русскоязычное культурное пространство в Казахстане: что зависит от России? (Н. Космарская, И. Савин)	109
Русский язык в Центральной Азии: историко-культурный аспект	112
Русский язык в Казахстане в период независимости: взгляд «сверху»	114

Между эмоциями и прагматизмом. Русский язык в Казахстане в период независимости: взгляд «снизу».....	118
Судьба русского языка в Казахстане: эффективна ли российская политика «мягкой силы»?.....	125
Глава V. Латинизация казахского языка (постколониальный аспект) (Г. Дадабаева).....	138
Латинизация и постколониальность: методология исследования	139
Постколониальный дискурс: теория	142
Казахстан как национализирующееся государство.....	144
Языковая политика национализирующегося государства.....	148
К истории латинизации казахского языка.....	151
Нужна ли была латинизация империи?	154
Пост-империя: какой язык нам нужен?	157
Глава VI. Правовой статус и сферы применения русского языка в постсоветском Узбекистане (Ю. Цыряпкина)	170
Правовой статус русского языка в Узбекистане.....	173
Русский язык – один из «укоренившихся» языков Узбекистана.....	174
Русский язык в системе школьного образования.....	178
Русский язык в производственной сфере Узбекистана.....	185
Русский язык в культуре	191
Сведения об авторах.....	198

ВВЕДЕНИЕ

Любому человеку важно знать, какого мнения о нем окружающие, как и почему это мнение сформировалось. Тем более это относится к отдельным народам и государствам, в том числе и к России. Научная и практически-политическая значимость изучения отношения к России в различных регионах мира, в первую очередь в зонах ее стратегических интересов, куда входит Центральная Азия, в последние годы многократно возросла. Имеется в виду период, отмеченный углубляющимся российско-западным геополитическим и экономическим противостоянием, которое было спровоцировано кризисом на Украине 2013–2014 гг. и последующими событиями в мире и на постсоветском пространстве.

По мнению М. Ларюэль и Д. Ройса, попытки изучить отношение к ведущим мировым державам в стратегически важном для них центральноазиатском регионе уже предпринимались, однако упор делался на позиции разных групп элит, а не рядовых граждан¹. К российским исследованиям этот вывод относится не в полной мере, используемые подходы были довольно разнообразными. Тут стоит вспомнить о появившейся в 2005–2008 гг. серии публикаций, посвященных отношению к России в различных странах Центральной Азии, и в первую очередь, что вполне ожидаемо, в Казахстане – наиболее развитой стране, являющейся главным стратегическим партнером России, членом важнейших региональных экономических и военно-политических объединений².

¹ *Laruelle M., Royce D. Kazakhstani Public Opinion of the United States and Russia: Testing Variables of (Un)Favourability // Central Asian Survey. 2019. Vol. 38. N2. P. 197, 198.*

² *Бочкарева И., Есимова А., Замятин Д. Образы Центральной Азии в России и России в Казахстане (анализ ответов студентов и публикаций в СМИ) // Вестник Евразии. 2005. № 3. С. 30–47; Есимова А., Панарин С. Образ и имидж России в Казахстане (по материалам газеты "Казахстанская правда" и опросов студентов) // Россия и ЕС в Центральной Азии / Отв. ред. М.Г. Носов. М.: Институт Европы РАН, 2008. С. 40–66; Мустафаев Н. Восприятие России в Казахстане: политическое измерение // Вестник Евразии. 2008. № 1. С. 112–128; Разумов Я., Панарин С. Как воспринимают Россию в Казахстане? // Вестник Евразии. 2008. № 1. С. 129–148.*

Эти статьи, в которых эмпирическим материалом служили мини-опросы студентов, контент-анализ казахстанских газет, а также анализ казахстанскими экспертами мнений различных групп элит, были познавательными для своего времени, но сильно устарели с содержательной точки зрения, поскольку анализировали ситуацию в Казахстане (РК) и его взаимодействие с Россией фактически в другую историческую эпоху. Разнобой в методах препятствует сравнению изложенных в этих статьях результатов друг с другом и с исследованиями отношения к России в других странах региона.

Две статьи данной серии публикаций, хотя и содержат немало любопытных наблюдений, привлекают наше внимание к такому недостатку «экспертных» работ об отношении к той или стране, как субъективность индивидуальных оценок, их зависимость от политической позиции автора. Из статьи Н. Мустафаева, например, следует, что отношение правящей элиты и большой неполитизированной части казахстанского общества к России в течение всего постсоветского периода было стабильно позитивным³. А авторы следующей статьи того же номера «Вестника Евразии», напротив, приходят к выводу, что, «несмотря на поступающие от власти сигналы, восприятие России, бытующее в Казахстане, далеко не всегда оказывается позитивным»⁴.

Более объективную картину представлений о России рядовых жителей постсоветских стран могут дать количественные исследования – в частности, регулярные массовые опросы Евразийского банка развития (ЕАБР), затрагивающие многие грани взаимодействия стран СНГ, включая членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

Опираясь на данные ЕАБР (2012–2017 гг.), серию ежегодных опросов фонда Гэллапа об отношении жителей разных стран к политическим лидерам ведущих мировых держав (2006–2017 гг.), а также ряд менее масштабных исследований, М. Ларюэль и Д. Ройс проанализировали разнообразные мнения казахстанцев о России и США. Практически по всем пози-

³ Мустафаев Н. Восприятие России в Казахстане... С. 113, 125.

⁴ Разумов Я., Панарин С. Как воспринимают Россию в Казахстане?... С. 131.

циям Россия значительно опережает США в качестве предпочитаемого для жителей Казахстана политического партнера, поставщика товаров, услуг, культурных продуктов, инвестиций; как место для временного трудоустройства, учебы, для переезда на ПМЖ и пр.⁵ Еще значительно разрыв по показателям оценки политического руководства (по данным Гэллага). Так, например, в 2016 г. одобряли деятельность властей США и России 19 и 75% опрошенных казахстанцев; не одобряли 52 и 8%; затруднились с ответом 29 и 17%. В 2017 г. соответствующие цифры выглядели следующим образом: 24 и 69%; затруднились с ответом 35 и 21%; относились с неодобрением 41 и 9%⁶.

Однако авторы статьи не объясняют причины представленных ими различий в оценках двух стран; аналитическая часть их работы посвящена в основном тестированию факторов, теоретически способных повлиять на позиции респондентов (возраст, этническая принадлежность, доступ к различным видам СМИ).

На наш взгляд, при изучении восприятия различных стран на микроуровне важным дополнением к массовым опросам могут служить качественные методы, обладающие значительным объяснительным потенциалом. При их использовании в ходе свободного общения с информантами интересующие исследователей сюжеты раскрываются сквозь призму биографической истории, культурной и семейной памяти людей, их жизненных стратегий и личного опыта (в нашем случае – общения с россиянами, пребывания, проживания в России в советское и/или постсоветское время). Все это позволяет уйти от упрощенной дихотомии оценок страны в стиле «негативно versus позитивно» (представленной, в частности, в упомянутых выше русскоязычных статьях) и получить пусть противоречивую, зато стереоскопичную картину ее восприятия обычными людьми.

Именно такое исследование отношения к России в Казахстане и Киргизии с помощью «мягких» методов было пред-

⁵ Laruelle M., Royce D. Kazakhstani Public Opinion of the United States and Russia... P. 200–202.

⁶ Там же, p. 199–200.

принято Н. Космарской и И. Савиным в 2016–2017 гг. в рамках международного проекта «Образы России в Евразии: память, идентичность, конфликты» (PREMIC)⁷, который стал частью программы научного сотрудничества России и Европейского Союза ERA.Net RUS Plus. В Алма-Ате и Петропавловске (город в Северо-Казахстанской области, у границы с Россией) было собрано 50 глубинных (биографических) интервью с обычными жителями и 15 интервью с экспертами. В Бишкеке в конце 2017 г. названными участниками проекта было собрано 15 экспертных интервью и 15 глубинных интервью с рядовыми жителями города.

Как показывают исследования в странах Восточной Европы, новые поколения демонстрируют заметный разрыв в ценностях по сравнению с теми, кто жил при социализме. Аналогично западные исследователи предполагают, что и молодежь постсоветских стран, в частности, в Центральной Азии, будет скорее проамериканской, нежели пророссийской, подобно старшим поколениям⁸.

На стадии подготовки проекта, в частных беседах с коллегами участникам проекта PREMIC не раз приходилось слышать, что молодёжь в Центральной Азии, выросшая и получившая образование уже в условиях независимости, скорее всего, не разделяет позитивное видение России или, по меньшей мере, не проявляет интереса к ней – её культуре, истории, к русскому языку – интереса, который отличает многих представителей старших возрастных групп. Причём подобная динамика может относиться не только к странам с чётким антироссийским курсом во внешней политике, но и к тем, чьи элиты настроены вполне пророссийски и находятся с Россией в отношениях стратегического партнёрства.

Соответственно, возникают опасения, что новые поколения элит, формирующиеся за счёт такой молодёжи, будут определять в кратко- и среднесрочной перспективе геополитические и внешнеэкономические ориентиры развития своих стран (которые могут быть не в пользу России), а также официальную

⁷ "Perception of Russia in Eurasia: Memory, Identity, Conflicts". Российские участники проекта проводили исследование при поддержке РФНФ (2016 г.) и РФФИ (2017 г.), № гранта 16–21–19003/16 и № 16–21–19003/17-ОГОН.

⁸ *Laruelle M., Royce D. Kazakhstani Public Opinion of the United States and Russia... P. 203.*

позицию по отношению к проживающему на их территории русскому и русскоязычному населению (не принадлежащему к титульной группе). В случае Казахстана предположение о том, что возможны существенные разрывы в мировосприятии казахстанской молодёжи и более старших поколений (в том числе и касающиеся отношения к России), может подпитываться фактором многовекторности геополитического курса РК.

Для проверки данной гипотезы автором совместно с И. Савиным в рамках проекта PREMIS были проведены десять дискуссий в фокус-группах со студентами различных вузов Алма-Аты (октябрь 2016 г., май 2017 г.) в дополнение к экспертным интервью и интервью с жителями РК. Позднее, в октябре 2019 г., Н. Космарская провела еще две фокус-группы.

В октябре 2017 г. в ходе полевых исследований в Бишкеке были проведены восемь фокус-групп со студентами различных столичных вузов.

Внимание, уделенное в исследовании именно этой части молодежной аудитории, определяется тем, что студенчество – динамичная, мобильная часть населения, «локомотив социальных перемен»; еще на уровне обучения мнение этой прослойки значимо для ближайшего окружения, а позднее, когда многие выпускники вузов волеются в элиты всех уровней, занятые в бизнесе, политике, управлении, их возможности влиять на общественное мнение возрастают⁹.

В Алма-Ате в дискуссиях, проходивших на русском языке, приняли участие студенты «русских потоков» следующих вузов (как государственных, так и частных): нескольких факультетов Казахского национального университета (КазНУ), в том числе студенты, обучающиеся по специальностям «филология», «социология», «этнография», «история», а также по техническим дисциплинам; Казахской академии транспорта и коммуникаций; Университета Нархоз (бывший Алма-Атинский институт народного хозяйства); Евразийского технологического университета; Казахстанско-Британского технологического университета; Университета КИМЭП (в двух последних

⁹ Есимова А., Панарин С. Образ и имидж России в Казахстане... С. 53; Тишков В. А., Бараш Р. Э., Степанов В. В. Идентичность и жизненные стратегии студенчества в России // Социологические исследования. 2017. № 8. С. 81.

вузах обучение проводится на английском языке). В 2019 г. состоялась еще одна дискуссия в Университете КИМЕП, а также в Казахстанско-Немецком университете (с обучением на русском, английском и немецком языках).

Поскольку, по нашим наблюдениям, в среднестатистической университетской группе столичных вузов РК доля неказахов примерно соответствовала их доле в населении страны (около 20–25%), участниками фокус-групп оказались в основном казахи (среднее число участников – 7–8 человек; продолжительность дискуссии – от полутора до двух часов).

Вузы, отобранные для проведения фокус-групп в Бишкеке, также различались по своему юридическому статусу (государственные или частные), уровню достатка студентов (учеба платная или за счет бюджета), использованию разных языков обучения (киргизский, русский, английский) и по составу студентов (горожане или выходцы из сел): Киргизский национальный университет (КНУ), специальность «история»; Бишкекский государственный университет (БГУ), специальность «социология»; Киргизский государственный университет им. Арабаева, специальность «история»; Киргизский государственный университет строительства, транспорта и архитектуры; Американский университет в Центральной Азии (AUCA) – две фокус-группы, специальности «социология» и «культурология»; Киргизско-Российский (Славянский) университет, две фокус-группы, специальности «информатика» и сборная группа, обучающаяся по нескольким гуманитарным специальностям.

Что касается этнического состава участников фокус-групп, проведенных в Бишкеке, во всех вузах среди них преобладали киргизы, за исключением Славянского университета и Американского университета, где русские и другие «европейцы» составляли около 30% респондентов.

Основой данной книги являются главы, в которых анализируются материалы, собранные Н. Космарской и И. Савиным в Казахстане и Киргизии. В первую очередь это дискуссии на фокус-группах со студентами; использованы также интервью с экспертами и обычными горожанами.

Тематика глав разнообразна, но неразрывно связана с Россией, с тем, как ее воспринимают жители изучаемого региона в ее различных ипостасях – как бывшей империи, колонизовавшей бескрайние пространства азиатского материка; как преемницы государства, когда-то общего для многих людей разных национальностей, населяющих сейчас страны ЦА; как застрельщицы и движущей силы в рамках существующего в регионе экономического объединения; наконец, как части сохраняющегося в этих странах, но во многом живущего здесь своей собственной жизнью русскоязычного культурного пространства.

Книга дополнена главами, написанными Г. Дадабаевой (Алма-Ата) и Ю. Цыряпкиной (Барнаул). Они также много лет занимались разработкой проблем, близких к тем, которым посвящено данное издание. В частности, речь идет о различных аспектах этноязыковой политики в Казахстане и Узбекистане; о сдвигах, в этом контексте, в характере использования русского и государственного языков и отношении к этим сдвигам разных этносоциальных групп в двух странах.

Фактически сбор полевого материала, который проходил в 2012–2015 гг. (в Узбекистане) и в 2016–2017 гг. (в Казахстане и Киргизии), завершился в конце 2019 г. (поездки Н. Космарской в Алма-Ату и Ю. Цыряпкиной в Ташкентскую область), т.е. непосредственно перед началом пандемии COVID-19. О возможных сдвигах в восприятии России в самые последние годы можно будет судить только после проведения специальных исследований. Однако, учитывая помощь России странам региона в борьбе против пандемии, а также инерционность рассмотренных в книге ментальных комплексов, которые во многом определяют отношение к России (представления об общей истории, семейная память, культурные предпочтения, языковые компетенции и др.), можно предположить, что сделанные авторами книги выводы сохраняют свою актуальность.

Наталья Космарская

Глава I

РОССИЯ ГЛАЗАМИ КАЗАХ(СТАН)СКИХ СТУДЕНТОВ: МЕЖДУ ЛИЧНЫМ ОПЫТОМ, СЕМЕЙНОЙ ПАМЯТЬЮ И ОФИЦИАЛЬНЫМ ДИСКУРСОМ

Данная глава посвящена анализу восприятия России особой группой казахстанского общества – студенческой молодежью. Эмпирической базой этого анализа стали 12 дискуссий на фокус-группах, организованных в Алма-Ате Н. Космарской (совместно с И. Савиным) в 2016 и 2017 гг. и Н. Космарской – в 2019 гг.¹⁰

Важнейшим источником разного рода сведений о той или иной стране являются в современный период средства массовой информации, в первую очередь телевидение, а для молодежи особо важен Интернет и социальные сети. Чтобы учесть и иные факторы, формирующие позицию информантов, а также снизить воздействие на мнение студентов транслируемых СМИ представлений (хотя в полной мере это вряд ли возможно), дискуссии были построены таким образом, чтобы большинство обсуждаемых тем (три из пяти¹¹) апеллировали к альтернативному СМИ источнику знаний о России – это личный опыт самих студентов и их ближайшего окружения, а также история семьи и семейная память.

¹⁰ Подр. об организации фокус-групп и исследования в Казахстане в целом см. Введение.

¹¹ Остальные темы касались сотрудничества России и Казахстана в рамках Евразийского экономического союза, а также болезненных эпизодов в истории отношений двух стран и народов (анализ мнений студентов Казахстана и Киргизии по этому вопросу представлен в главе 2).

Темы, результатам обсуждения которых посвящена глава, были представлены участникам следующим образом: 1) впечатления от пребывания/проживания в России; 2) ситуация вокруг русского языка в Казахстане: оценка его настоящей и будущей роли в сравнении с казахским языком; личные и наблюдаемые языковые практики, лингво-культурные предпочтения и пр.; 3) интерпретации темы ВОВ как исторического события, отношение к Дню Победы, наличие/отсутствие личной сопричастности с этой исторической датой. Эти темы были выбраны также потому, что в них изначально заложен заряд дискуссионности. Кроме того, они побуждали к иностранному нарративу, в отличие от вопросов, традиционно задаваемых в ходе массовых опросов (в частности, инициируемых Евразийским банком развития) и предполагающих ответ «да»/«нет» (вопросы о желании учиться, работать в другой стране, обмениваться с ней товарами, услугами и пр.).

Организация фокус-групп в Алма-Ате – высокоразвитом культурно-образовательном центре, где в вузах обучаются не только жители «южной столицы», но и выходцы из городов и сел многих регионов страны, различающихся этнокультурным составом, уровнем экономического благосостояния и интенсивностью связей с Россией, делает нашу «выборку» более представительной, чем, к примеру, проведенные ранее А. Есимовой опросы студентов в Чимкенте. Кроме того, по признанию последней, слабые миграционные связи жителей этого южного региона с Россией и очень незначительное присутствие здесь русских и других «европейцев» нивелируют для местных студентов значимость личного опыта при оценках нашей страны и, соответственно, «оборачиваются возрастанием вклада СМИ» в формирование ее образа¹².

Исследовательские вопросы были сформулированы автором данной главы следующим образом. Есть ли сходство и различия в позициях студентов и остальных казахстанцев (имеются в виду не эксперты, а обычные люди, мнения которых

¹² Есимова А., Панарин С. Образ и имидж России в Казахстане (по материалам газеты "Казахстанская правда" и опросов студентов) // Россия и ЕС в Центральной Азии / Отв. ред. М.Г. Носов. М.: Институт Европы РАН, 2008. С. 54.

изучались методом глубинных интервью)? Может ли этничность считаться фактором, существенно влияющим на восприятие России в Казахстане (среди членов изучаемой группы)? Можно ли провести какие-то параллели между мнениями казахстанских и российских студентов – там, где это логически обосновано – например, когда речь идет о таких сюжетах, как память о ВОВ и современные практики коммеморации?

Перейдем к обсуждению результатов дискуссий со студентами, но сначала обрисуем кратко историко-культурный и социальный контекст, определяющий форматы и масштабы «присутствия» России в повседневной жизни казахстанцев.

«Россия здесь не присутствует, Россия здесь просто есть». Историко-культурный контекст формирования мнений о России

Россию и Казахстан (РК) связывают разнообразные и интенсивные торгово-экономические отношения, ведь две страны являются ведущими членами Евразийского экономического союза (ЕАЭС), в рамках которого осуществляется свободное движение товаров, капиталов и рабочей силы. Однако здесь нам важно отметить наличие у двух стран общего культурно-ментального пространства и всего того, что в одном из последних докладов «Интеграционного барометра» Евразийского банка развития (ЕАБР) называется «феноменальной плотностью... социальных связей стран ЕАЭС»¹³. На наш взгляд, к Казахстану данный вывод относится в наибольшей степени.

Как поддерживается и чем проявляет себя эта «связанность» с Россией с казахстанского берега? Для 81% опрошенных ЕАБР в 2016 и в 2017 г. граждан РК Россия является наиболее дружественной страной, «на поддержку которой в трудную минуту можно рассчитывать». Показатели «дружественности» по отношению к России очень высоки для большинства стран СНГ, охваченных ежегодными опросами (Армения, Белоруссия,

¹³ Интеграционный барометр ЕАБР – 2017. Доклад № 46. СПб: Центр интеграционных исследований Евразийского банка развития, 2017. С. 15.

Казахстан, Киргизия, Молдавия, Таджикистан), но Казахстан находится в числе лидеров, уступая лишь Киргизии¹⁴.

«Дружественность» обычно предполагает как наличие интереса к «партнеру», так и интенсивность контактов. Собственно, об этом и говорят данные опросов ЕАБР, касающиеся разных граней отношения казахстанцев к России. Она продолжает быть наиболее предпочитаемым для Казахстана партнером в сфере научно-технического сотрудничества (41 и 51% опрошенных в 2016 и 2017 г.) – это наиболее высокие (вместе с Белоруссией) показатели среди стран СНГ, жители которых считают приоритетными научные связи именно с Россией¹⁵.

Казахстан на фоне других членов СНГ – экономически весьма благополучная страна, привлекающая трудовых мигрантов из соседних более бедных государств Центральной Азии. Понятно поэтому, что местом временного трудоустройства Россию чаще всего называли жители не Казахстана, а Киргизии и Таджикистана, откуда в Россию уже более 15 лет двигаются многотысячные потоки мигрантов (30 и 37% в 2017 г.), а предпочитаемым направлением выезда на ПМЖ Россия чаще всего видится жителям Таджикистана (26% в 2017 г.). Однако, если отвлечься от двух этих стран, соответствующие цифры для Казахстана достаточно велики: поработать в России на временной основе хотели бы 24 и 21% опрошенных в 2016 и 2017 г. (для сравнения, Германию выбрали 11 и 10%, США – 10 и 13%); самым востребованным направлением возможного выезда на ПМЖ Россию назвали 16 и 17%, в сравнении с 4 и 5% для Германии и США)¹⁶.

Из всех стран СНГ, охваченных ежегодными опросами ЕАБР, именно в Казахстане (за ним следует с небольшим отрывом Белоруссия) проявляется самый большой интерес к приглашению артистов, писателей, музыкантов из России, к закупкам и переводам российских книг, кинофильмов, сериалов и пр. (48 и 58% в 2016 и 2017 г.)¹⁷.

¹⁴ Там же, с. 30.

¹⁵ Там же, с. 51.

¹⁶ Там же, с. 56, 58.

¹⁷ Там же, с. 74.

Что касается получения высшего образования в России, наибольший интерес к его получению на прожективном уровне демонстрировали жители Таджикистана и Киргизии (36 и 29% в 2017 г.), а далее следовал Казахстан (24% опрошенных)¹⁸. Однако если речь идет не о предпочтениях, а о реализации конкретных планов конкретными людьми, то именно граждане Казахстана являлись в 2009–2018 гг. самым крупным по численности отрядом иностранных студентов на дневных отделениях российских вузов. Так, в 2018 г. их было 39,6 тыс. (на втором месте китайские студенты – 26,8 тыс. человек)¹⁹. Число студентов из Казахстана сильно превышало в указанный период масштабы образовательной миграции в Россию из других стран Центральной Азии (для сравнения, в 2018 г. в нашей стране обучалось 16,0 тыс. выходцев из Узбекистана, 14,4 тыс. из Таджикистана и 4,9 тыс. – из Киргизии²⁰).

Эти данные нужно оценивать с учетом того, что потенциальные студенты в РК имеют достаточно большие возможности для учебы за рубежом, в том числе и на Западе, при поддержке государственных программ.

Реальные контакты жителей РК с россиянами дополняют картину «плотности социальных связей» между двумя государствами. По последнему опросу «Интеграционного барометра» 2017 г. доля респондентов, поддерживающих постоянные связи с друзьями, родственниками и коллегами в России, была наиболее высокой в странах, активно поставляющих сюда трудовых мигрантов (75% в Армении, 69 в Киргизии, 49 в Таджикистане и в Молдавии, 46% в Белоруссии). То же самое относится и к данным о личном опыте посещения других стран за последние пять лет со служебными, личными и туристическими целями: для Армении это 32 и 29% в 2016 и 2017 г.; 31 и 33% для Киргизии, 31 и 25% для Таджикистана и Молдавии. Однако цифры по Казахстану

¹⁸ Там же, с. 69.

¹⁹ Что Россия и Казахстан значат друг для друга? // Коммерсант. 20.03.2019 (URL: https://www.kommersant.ru/doc/3917333?from=main_spec); Внешняя молодежная миграция в странах Центральной Азии: анализ рисков и минимизация негативных последствий. МОМ, Алма-Ата, 2019. С. 16.

²⁰ Внешняя молодежная миграция в странах Центральной Азии... С. 16.

лишь немногим более низкие (особенно по частоте посещений России), хотя оттуда в Россию не двигаются временные мигранты в сопоставимых масштабах. Так, 39 и 40% в 2016 и 2017 г. опрошенных в РК отметили, что постоянно общаются с друзьями и родственниками в России, а 26 и 28% побывали там в течение последних пяти лет²¹.

Еще более показательны данные учета пограничных служб России и Казахстана: в 2016 г. на Россию приходилось 47,3% выездного потока из РК. Само количество выезжающих казахстанской стороной оценивалось в 4,61 млн человек²². В 2017 г. из Казахстана в Россию было совершено 3,5 млн поездок, а в обратном направлении – 3,0 млн²³. Эти огромные цифры отражают исторически сложившееся многообразие человеческих контактов через границу России и РК, являющуюся самой длинной сухопутной границей в мире (около 7 тыс. км), а также этнодемографические особенности двух стран.

Несмотря на мощные миграции в Россию русских и других «европейцев» (представители этнических групп, историческим ареалом расселения которых является Россия) в 1990-е гг., их численность в РК все еще значительна. Так, в 2018 г. в республике проживало около 3,5 млн русских (более 6 млн по последней советской переписи 1989 г.). Кроме того, в России издавна проживают казахи (647 тыс. чел. по переписи 2010 г.).

Многообразные контакты казахстанцев разных национальностей с российскими казахами и россиянами, ранее проживавшими в РК, как раз и составляют основу той плотной сети социальных связей, которая сложилась между двумя странами еще в советское время. Эта сеть одновременно и способствует сохранению прежнего чувства культурно-языковой общности, и во многом существует благодаря сложившейся в советское время схожести культурных кодов и менталитета. Речь идет именно об общении с россиянами,

²¹ Интеграционный барометр ЕАБР – 2017... С. 67.

²² Что Россия и Казахстан значат друг для друга?...

²³ Туристические потоки между Россией и Казахстаном в 2017 году // Вести. Экономика. 13.11.2018 (URL: <https://www.vestifinance.ru/infographics/11561>).

а не со слабо интегрированными в российскую социокультурную жизнь трудовыми мигрантами, с которыми поддерживают контакты жители Киргизии, Таджикистана и других стран, где такие мигранты доминируют в выездном потоке. А это значит, что личный опыт казахстанцев более разнообразен и дает более стереоскопичное представление о России (хотя не обязательно позитивное).

Говоря об историко-культурном контексте формирования мнений о России среди казахстанцев, необходимо учитывать роль российских СМИ, в частности, телевидения, доминирующего в медийном пространстве РК и, по мнению многих респондентов разных национальностей и разного статуса, привлекающего зрителей своим качеством. Это относится как к политической аналитике, так и к развлекательным передачам. Вот как красочно описал ситуацию один из экспертов: «Российские каналы вещают. Наши скучнее воспринимаются. Аналитические программы, мы тут с папой ужинали и полностью посмотрели, 15 минут – поездка Назарбаева в Монголию, 15 минут – о поездке его в Китай, 15 – о поездке в одну из областей, и за две минуты быстренько проговорили все остальные новости. Что это такое? Мы находимся в российском информационном пространстве» (казах, историк, 2016 г.).

Если говорить о политической аналитике, в западном экспертном сообществе и правительственных кругах, удивленных и «шокированных массовой поддержкой позиции Москвы, а не Киева, общественным мнением в странах Центральной Азии» после событий 2014 г., это обстоятельство во многом связывают с эффективностью русскоязычных (российских) СМИ, в том числе и в Казахстане. Как отмечалось в одном из докладов Государственного департамента США, «огромное большинство казахстанцев видит мир глазами российских медиа»²⁴.

Ожидания западных политиков, связанные с развитием Интернета как источника информации, способного «перебить» влияние российских СМИ и их интерпретаций международных событий, согласно количественному исследованию

²⁴ Laruelle M., Royce D. Kazakhstani Public Opinion of the United States and Russia: Testing Variables of (Un)Favourability // Central Asian Survey. 2019. Vol. 38. N2. P. 204.

М. Ларюэль и Д. Ройса, вряд ли оправданы: (не)доступность Интернета, судя по имеющимся данным опросов, не оказывает значимого воздействия на политические симпатии респондентов. Авторы резонно отмечают также, что содержание российских источников информации может не сильно отличаться от собственно казахстанских²⁵.

Однако есть более весомое объяснение популярности в РК тех СМИ, которые транслируют, при всех нюансах, в целом пророссийскую интерпретацию международной политической повестки. Дело не в отсутствии или труднодоступности альтернативных источников. Такие СМИ, будь то российские или казахстанские, в условиях схожести политической культуры, системы ценностей и менталитета жителей двух стран сеют зерна в уже подготовленную почву, подкрепляют уже сложившиеся предпочтения (тем более что люди обычно ищут в источниках информации скорее возможность утвердиться в своих привычных взглядах, нежели узнать принципиально иные мнения).

О подобной схожести неоднократно говорили в интервью казахстанские эксперты: «И экономика взаимосвязана, и менталитет населения один, по большому счету, поэтому вся современная идеология... построена на таких разработках, которые имели отношение к старым идеологическим дискуссиям» (казах, политолог, 2016 г.). Еще одно высказывание на эту же тему: «Пока Евразийский союз действительно экономике Казахстана не принес чего-то такого глобального,

²⁵ Там же, р. 209–210, 213. Судя по имеющимся публикациям, авторы которых проводили контент-анализ русскоязычных газет Казахстана в разные периоды времени, Россия и все связанное с ней обычно рассматривались с доброжелательных или нейтральных позиций (см.: Бочкарева И., Есимова А., Замятин Д. Образы Центральной Азии в России и России в Казахстане (анализ ответов студентов и публикаций в СМИ) // Вестник Евразии. 2005. № 3. С. 40–43, 46; Есимова А., Панарин С. Образ и имидж России в Казахстане... С. 66; Космарская Н.П., Савин И.С. Что думают казахстанцы об отношениях с "северным соседом"? // Центральная Евразия. 2018. № 1. С. 191–192). Это отличает ситуацию в Казахстане от других постсоветских стран, в частности, от Грузии. По мнению молодых участников фокус-групп, в стране действуют "целенаправленные" факторы формирования негативного восприятия России – "государственная антироссийская пропаганда, социализация в системе образования (издание и использование новых учебников по истории с тенденциозными оценками российско-грузинских отношений)" (Патарая Г.Г. Восприятие имиджа России современной грузинской молодежью // Теория и практика общественного развития. 2010. № 4. С. 166).

отчего люди бы стали жить лучше. Но есть и положительная точка зрения, она больше ориентирована не на экономическую составляющую, а на более гуманитарные ценности – сохранение единства евразийского культурного, и таких людей очень много» (русский, активист НПО, 2016 г.).

Что касается неполитических (развлекательных) телепередач и иных аналогичных культурных продуктов (книги, журналы), судя по собранным в Казахстане интервью и по свидетельствам экспертов, они особенно популярны среди людей разных возрастов, чем также поддерживается эффект «присутствия» России:

«Р. (респондент): Россия действительно не ушла, не успела уйти, и она присутствует, поэтому никому не нужно специально думать, какое у них отношение к России. Она вот – книжки, журналы, газеты.

И. (интервьюер): И всякие 'желтые' издания?

Р.: Все, что выходит в России, все у нас то же самое. Потом, нет у нас литературы развлекательной, детективы, мелодрамы.

И.: Все это в российских изданиях?

Р.: Все это есть. Кто читает на казахском языке, тому практически нечего читать, кроме патриотических...» (казашка, преподаватель вуза, 2017 г.).

Эту мысль подтверждают наблюдения исследовательницы из Германии Н. Фриесс; она отмечает, что 85% потребляемой в Казахстане книжной продукции привозится из России; книжный рынок в стране не развит, печатаются в основном учебники²⁶.

Многочисленные высказывания «обычных людей» придают новые краски данным опросов об интересе к российским культурным продуктам (см. выше) и рейтингам популярности доступных в РК телеканалов²⁷.

²⁶ Friess N. Young Russophone Literature of Kazakhstan and the "Russian World" / Resignification of Borders: Eurasianism and the Russian World. Ed. by N. Friess, K. Kaminskij. Berlin: Frank & Timme, 2019. P. 155.

²⁷ Laruelle M. In Search of Kazakhness: the Televisual Landscape and Screening of Nation in Kazakhstan // Demoktizatsiya: the Journal of Post-Soviet Democratization. 2015. Vol. 23. N3. P. 327–328; 339.

«Р.: Россия для меня не политика, это эстрада в первую очередь. Максим Галкин сразу. И мелодрамы. Я каждый вечер смотрю российские мелодрамы. Они более реалистичные.

И.: Есть же казахстанские такие.

Р.: Казахстанские я вообще не смотрю.

И.: Есть разница?

Р.: Есть. Российские сериалы, мелодрамы смотришь, там более правдоподобно, они не переигрывают, они разговаривают, как дома с матерью» (казашка, продавец на рынке, 2017 г.).

Отмечается низкая конкурентоспособность местной телепродукции для массового зрителя: «По телевизору что предлагают? Вот такие каналы, вот такие ток-шоу, такие у нас сериалы снимаются глупые, ниже плинтуса, вообще ужасные» (казашка, научный сотрудник, 2016 г.).

Вот более обобщающее высказывание: «Если хочется что-то развлекательное посмотреть, то на Первом канале российском... мне кажется, это нормально, и могу подтвердить, что в каждой семье нет-нет да и поглядывают, может, даже больше смотрят российские каналы... Мы очень ощущаем это присутствие и достаточно органично. Если бы этого не было, наверное, мы бы ощущали себя обделенными. Наоборот, это воспринимается населением как нечто само собой разумеющееся и необходимое» (казашка, учитель, 2016 г.).

Молодые респонденты говорили о своем интересе в первую очередь к современным российским фильмам, сериалам, ток-шоу и пр.; из этих бесед автор почерпнула немало новой для себя информации о самых захватывающих российских премьерах. Люди среднего и старшего возраста чаще всего вспоминали советские фильмы («Про вторую мировую могу сутками смотреть» (русский, бизнесмен, 2017 г.); «Это те фильмы, если они начинаются по телевидению, все дела откладываются, и сидим, смотрим» (русский, риэлтор, 2016 г.)), в том числе ставшие культурным символом того или иного десятилетия: «Мне очень нравится, могу несколько раз, хоть сколько раз смотреть 'Служебный роман'. Нравится 'Москва слезам не верит'. 50 раз, 100 раз могу смотреть, хоть с начала, хоть с конца. Сама удивляюсь, сколько

можно смотреть фильм, и он тебе не надоедает» (казашка, преподаватель вуза, 2016 г.).

Сохраняющийся интерес и/или привычка казахстанцев к просмотру советско-российских фильмов, сериалов и пр. поддерживают, в первую очередь для людей среднего и старшего возраста, существование общих с жителями России культурных кодов; уютный и знакомый мир узнаваемых героев, шуток, метафор, социально (не)одобряемых моделей поведения; узнаваемую стилистику описания и интерпретации различных событий.

Посмотрим теперь, как отражается описанный историко-культурный контекст формирования мнений о России в рассказах студентов, основанных на их личном опыте пребывания в нашей стране и свидетельств ближнего окружения.

Мнения студентов о России сквозь призму личного опыта

Обсуждение этого сюжета на фокус-группах показало, что для студенческой молодёжи, подобно информантам более старших возрастных групп, Россия отнюдь не чужое пространство; это страна, у которой немало общего с Казахстаном. Кроме собственных впечатлений о поездках в Россию, для молодежи, вряд ли увлеченной просмотром телепередач или чтением газет, это чувство подпитывается через каналы семейной памяти; зигзаги личных биографий, связанных с советским временем. По наблюдениям А. Есимовой, позитивная тональность казахстанских СМИ, пишущих о России, воспринималась не читающими газет студентами Чимкента опосредованно, через общение с родителями и другими представителями старшего поколения²⁸. Российские ученые также пришли к выводу о главенствующей роли института семьи (а не Интернета и молодежных субкультур, как принято думать) при формировании у студентов культурной, граж-

²⁸ Есимова А., Панарин С. Образ и имидж России в Казахстане... С. 66.

данской идентичности, базовых представлений о социальной реальности²⁹.

На дискуссиях со студентами Алма-Аты о своих ощущениях общности с Россией они говорили либо в констатирующем ключе, либо позитивно.

– «А вот насчет России, я считаю, что это часть нашей страны общей. Я в России бываю не с такими намерениями [имеется в виду – не работать или учиться]. У меня там друзья, я туда еду, отдыхаю, что надо, делаю, а так, чтобы чувствовать себя как на чужбине – такого нет».

– «И то, что другая страна, такого ощущения нет. Как-то неделимы Россия, Казахстан; Казахстан, Россия...».

– «Для меня как-то Россия – это не другая страна, это все свое. Не то что свое, но у меня нет такого, что я на чужой земле. Мы очень часто ездим в гости в Омск, в Тюмень, в Курган... Наверное, все люди советского времени. Я не много общалась с молодежью, но все советские люди такие же, как у нас в Казахстане... Я не могу сказать, что это иностранцы какие-то, это все свое».

– «Двадцать пять лет мы не одно государство, а просто соседи, и у нас есть различия. Но я бы сказала, если бы я поехала в Россию, я уверена, я не заметила бы там различия, потому что и у нас имеются такие же русские, почти такой же менталитет. Это очередной раз доказывает, что казахи и русские – у них отношения более плотные, потому что даже некоторые казахи плохо знают свой родной язык, они свободно владеют русским».

Чувство близости с Россией могло актуализироваться при попадании в незнакомую среду: «Моя сестренка, со школы пять человек ездили в Германию; они скучали по дому, ничего казахского не было, и они нашли большое русское кафе и побежали туда, что-то такое родное, близкое...».

Обращает на себя внимание и отличие от нарративов, представленных в интервью с «обычными людьми». У студентов ощущение схожести с Россией, если выйти за пределы

²⁹ Тишков В. А., Бараш Р. Э., Степанов В. В. Идентичность и жизненные стратегии студенчества России // Социологические исследования. 2017. № 8. С. 85.

представленных выше описаний, менее эмоционально и более рефлексивно: именно студенты много говорили об общности социально-политических упущений, отставаний двух стран, подчеркивая тем самым сходство стоящих перед ними задач. Имеются в виду социальные характеристики России и Казахстана – пассивность населения, неразвитость гражданского общества, политических институтов; недостатки выборной системы и пр. В интервью с казахстанцами (кроме экспертов) такого рода размышления практически отсутствовали.

– «Больше всего мне в России нравится настойчивость руководства, с которой оно проводит внешнюю политику. Все-таки подобает, державный статус надо отстаивать, в этом и настойчивость кроется. Слабые стороны – это общество. Мне не нравится, что оно настолько пассивно, инертно, особенно когда показывали прошлые выборы. У нас то же самое».

– «Р.: Лично я тоже считаю, у нас общие проблемы, все так похоже, многие проблемы, и насчет выборов. У нас тоже все уверены: Назарбаев выиграет. Все знают. Так же и в России: Путин, конечно.

И.: Вам это не нравится?

Р. Просто я отмечаю, что у нас общие проблемы, которые надо решать».

– «У нас очень много полицейских и в России, и у нас. А полицейские – такие же ребята, как мы, только они чувствуют себя выше... Нам надо аккуратно поднимать народ, чтобы он становился сильнее и мог отстоять по документам, на языке, в суде, везде. Всегда мог свои права отстоять».

– «У нас почти все проблемы одинаковые – начиная с коррупции до семейно-бытовых».

– «Мне кажется, все равно в Америке народу дают высказаться, у нас – нет. Ни здесь, ни в России. Потому что собираются маленькие группировки митингов, их сразу грузят, нет свободы слова. Возможно, это и хорошо; тем не менее, немножко нужно прислушиваться к народу».

Подобного рода умозаключения выглядят не как критика социального устройства или властей России и Казахстана, а скорее как фиксация положения дел. Ту осторожность,

которая проскальзывает в некоторых высказываниях, на наш взгляд, не стоит связывать с опасениями, вызванными записью дискуссий на диктофон – при обсуждении иных сюжетов мнения участников нередко формулировались в весьма резкой форме.

Содержание и тональность рассуждений студентов на политические темы хорошо дополняют и конкретизируют результаты инициированного американскими учеными опроса населения РК по репрезентативной выборке (2012 г.). Среди его целей было выяснение возможных различий в политико-идеологических взглядах «советских» поколений и молодежи³⁰. Один из главных выводов – «поколение Назарбаева» отличают прагматизм и аполитичность, в частности, примиренческая позиция по отношению к распространенным в стране неформальным практикам. Авторы исследования, в частности, констатируют: «Судя по всему, политические уроки, усвоенные молодежью, состоят в том, что nepoтизм является нормой, а ценность демократии в реальной жизни намного ниже, чем на уровне деклараций»³¹. Пока трудно сказать, как высказанные участниками фокус-групп мнения, которые можно назвать критическими с большой натяжкой, будут «работать» тогда, когда их носители вырастут, а кто-то из них войдет в узкий круг лиц, принимающих решения на государственном уровне.

На негативном полюсе оценок происходящего в России оказались и рассказы студентов о том, «какие в России люди»: как они относятся к казахам, жителям страны в целом (в том числе и к русским) и к Казахстану как к государству. При чем здесь наблюдается единодушие во мнениях участников фокус-групп, экспертов и жителей двух городов, с которыми были проведены биографические интервью. Можно выделить три аспекта данной темы. Во-первых, отмечалось, что в России недружелюбные люди, в первую очередь в Москве.

³⁰ Junisbai B., Junisbai A. Are Youth Different? The Nazarbayev Generation and Public Opinion in Kazakhstan // Problems of Post-Communism. 2018. DOI: 10.1080/10758216.2018.1520602.

³¹ Там же, p. 8.

– «Р.: У меня близкий друг учится в Высшей школе экономики в Москве. Сам он по национальности русский, но ему там не особо нравится.

И.: Он сам из Казахстана?

Р.: Да, алмаатинец коренной. Он говорит, что очень большой город, очень много пробок, часто грубые люди там».

– «Москва. Мне не понравились люди. Мне показалось, что люди там какие-то высокомерные. Здесь, если с людьми общаться, то совсем все по-другому».

– «Да, люди там недружелюбные, особенно в Москве, хотя у меня сложностей в общении не было».

Во-вторых, говорилось о том, что «в России много национализма, плохо относятся к людям других национальностей».

– «Друг рассказывал такую историю, как он с другом-армянином пошел на футбольный матч, они попали в сектор рядом с фанатским, то ли 'Локомотива', то ли 'Спартак', и там были нацисты, неонацисты, которые кидали зиги, кричали: 'Россия для русских', и его друг-армянин весь матч испуганно прятал голову».

– «Р.: Все они [близкие друзья – Н.К.] хотели в Россию поехать, а некоторые из них столкнулись там с дискриминацией по национальному признаку, большинство из них.

И.: Это недавно было?

Р.: Да, прямо в этом году. Но, столкнувшись с этим, они все равно не обращали на это много внимания, сказали, ну, это некоторые люди. Те, кто в Москве были, они больше сталкивались; те, кто в Новосибирск поехали, в Казань, вот они никогда... Говорят, гостеприимство там и все такое».

– «Р.: Я слышала, что казахстанских русских дискриминируют даже больше, чем другие национальности.

И.: В городах или в селах?

Р.: В городах».

– «Р.: И мои знакомые, которые именно казахи, они ездили учиться в Россию, и многие возвращались обратно, потому что они чувствовали национализм, который там есть.

И.: Со стороны россиян?

Р.: Да, именно к казахам. По этим же вопросам я не хочу ехать».

Наконец, говорилось не просто о недружелюбии россиян или их неприязни к людям других национальностей, а о том, что они мало интересуются жизнью соседних стран, считают их «младшими», «подчиненными», «третьими странами», «каким-то аулом», что ощущается и при личных, и при официальных контактах.

– «Р.: Просто русский народ не очень притягивает к себе, поэтому мне не хотелось бы с ними работать...

И.: В каком смысле?

Р.: Они на другие народы смотрят свысока. Это я так думаю.

И.: У вас есть какой-то опыт, вы были в России, или кто-то вам рассказывал?

Р.: Смотря в Алматы, многие русские приходят... по идее, я от них ничего плохого не получал, наоборот, хорошее, а вот сама страна, народ, чиновники, вот они так думают, и они направляют свой народ. Они настраивают свой народ, что они самые-самые, на вершине».

– «Мне кажется, надо не что-то такое улучшить, а отношение людей друг к другу... Хотя многие наши едут в Россию учиться и вообще переезжают туда, а все равно у некоторых есть очень враждебное отношение к казахстанцам, независимо, русский он или нет, если у него гражданство Казахстана».

Наряду с зафиксированным в собранных полевых материалах ощущением «единого пространства», которое коренится в том числе и в памяти казахстанцев о советском времени, на стороне россиян имеет место контртенденция. Отзвуки «советского» в их представлениях о бывших союзных республиках, игравших в прежней иерархии подчиненную роль при доминировании Центра (а сейчас эта роль традиционно приписывается России), могут способствовать отчуждению от неё жителей Казахстана.

**«Страна говорит на каком-то языке, и государство
говорит на каком-то языке, и этот язык называется русский».**

**Этнолингвистические проблемы Казахстана
глазами студентов**

Дискуссии на фокус-группах³² в полной мере отразили сложившуюся за годы независимости Казахстана этнолингвистическую ситуацию – если рисовать ее крупными мазками. Это поступательное завоевание государственным (казахским) языком новых сфер применения при сохраняющейся (несмотря на постепенное снижение численности русских и других «европейцев») роли русского языка в качестве важнейшего инструмента приобщения к мировой культуре, науке, технологиям.

Судя по самоописаниям лингвистических навыков и практик, студенты широко используют русский язык в учебе, для приватного и профессионального общения в университетской среде. Многие участники, давая более обобщенные оценки, говорили о важной роли русского языка в стране: *«и до сегодняшнего дня место русского языка в нашей стране велико, он большое значение имеет»; «насчет будущего русского языка в Казахстане – мне кажется, он, как и сейчас, будет иметь свое место, свой статус в Казахстане»; «у нас русский язык очень развит, это необходимо»* и т. п.

В ходе дискуссий, однако, выявились и заметные различия в интерпретациях участниками этноязыковых проблем в РК. Студенты элитных вузов, где учатся за плату в основном жители «южной столицы» из обеспеченных семей и где обучение проходит в том числе и на английском языке, продемонстрировали ярко выраженный прагматизм при обсуждении сюжетов, связанных с нынешней ролью и будущим русского и титульного языков в Казахстане.

Именно студенты таких вузов чаще всего говорили о ценности русского как инструмента для решения разно-

³² Более подробно взгляды студентов, в контексте этнолингвистической ситуации в стране и особенностей ее складывания в имперско-советский период, рассмотрены в главе 4.

образных задач аккумуляции знаний и социального продвижения. В похожем инструментальном ключе многими участниками упоминалась и Россия, где, по мнению студентов, лучше развиты наука, образование; много хороших учебников и другой литературы по разным областям знаний.

– «Русский язык – один из языков ООН, так что, думаю, он спокойно сохранит [свою роль]. Интеграция, пересечение с Россией очень большое, мы постоянно общаемся, то есть гражданам Казахстана нужно знать этот язык».

– «Все труды, книги, даже современные писатели Казахстана также пишут на русском языке».

– «Насчет русского языка: это очень богатый язык, мне очень нравится читать, писать на русском языке. Я люблю стихи Анны Ахматовой, Есенина больше читаю».

– «Язык межкультурного общения, межэтнического общения. И даже несмотря на то, что количество казахоязычного населения будет расти, русский язык все равно сохранит свои позиции. И как международный. На чем в Узбекистане, в Киргизстане говорят?»

С тем же прагматизмом обсуждался казахский язык. Признавалась значимость этого языка «вообще» при одобрении политики массового двуязычия в стране, но при обращении к личным планам улучшить знание казахского языка подчеркивалось, зачем ставились подобные цели (чтобы занять государственную должность, получить место в китайской фирме и пр.). При этом недостаточное знание казахского не сопровождалось, судя по словам участников, какими-либо переживаниями: «Казахский я знаю не очень хорошо. В принципе я не считаю, что это зазорно, как говорят, что, если ты живешь в Казахстане, то должен знать казахский язык. Я не считаю, что мне должно быть стыдно, что я не знаю казахского языка. Но я все равно буду изучать казахский – в будущем мне это пригодится».

Для студентов рассматриваемой группы также характерно неприятие давления, которое на них оказывает социальное окружение (в частности, в лице родственников), недовольное их ориентацией на русский и слабым знанием «род-

ного языка»: «Обидно слышать такие заявления – типа, вот, ты казашка, но не знаешь свой язык. Я не считаю, что это такой уж сильный минус».

Мыслящие в данном направлении студенты акцентировали внимание на необходимости личной свободы каждого индивида при выборе языка общения и профессиональной деятельности, а возможное давление среды считали недопустимым и связывали с «национализмом».

– «...говорят, что нужно знать родной язык. Я считаю это первым шагом к национализму, то есть ты должен знать свой родной язык, иначе ты никто в этой стране. Такого не должно быть. На каком человек разговаривает, пусть на таком он и разговаривает».

Студенты из регионов, которые обучались в том числе и на «национальных потоках» и за государственный счёт (фокус-группы с такими студентами прошли на нескольких факультетах КазНУ), участвуя в дискуссии о языковой ситуации в РК, продемонстрировали гораздо меньше прагматизма и больше эмоций. Отмечая, как и остальные участники дискуссий, пользу от знания русского языка (обычно весьма лапидарно), именно о казахском языке они говорили более пространно и более эмоционально: «Сейчас очень престижно и, я бы сказала, очень круто знать казахский язык, владеть в совершенстве. В моем понимании. Для некоторых это, может, не так... Хотя я рада, что владею и тем, и тем языком, больше хотелось бы, чтобы был казахский язык. Именно казахский язык, на самом деле, очень богат в литературном плане, там очень много красивых слов».

Кроме радости, связанной с красотой языка, его нынешнее состояние, по мнению другой группы участников, ассоциируется со стыдом, грустью, печалью.

– «Печалит, что у нас казахи во многом забывают свой родной язык и общаются на русском. Даже в Китае есть тесты: укажите, пожалуйста, народ, который не разговаривает на своем родном языке. Там был правильный ответ – казахи. Это очень печально. Но все-таки я думаю, что русский язык нам нужен и необходим».

– «Иногда мне стыдно того, что я, гражданин Казахстана, неполноценно знаю казахский язык».

Оценки этноязыковой ситуации в Казахстане, воспроизводящие дискурс национал-патриотов и апеллирующие к исторической ответственности России за нынешнее состояние казахского языка, звучали в ходе дискуссий очень редко (один-два раза), причем в них отразилась противоречивость ситуации (в чем-то имперская политика принесла пользу, а в чем-то – навредила): «То, что у нас были отношения с Россией, это вело к просветительской деятельности в Казахстане. И сейчас я вижу, я сама училась в казахском заведении на казахском языке, и люди, которые говорят на русском и общаются на русском, они думают иначе, чем люди, которые общаются на казахском языке. Как бы ужасно это ни звучало, но те, у кого есть русское образование, они намного шире мыслят, они более глубокомысленные, что ли. Я думаю, это прежде всего из-за того, что мы вышли из-под России, и казахский язык очень плохо развивался и развивается до сих пор».

На наш взгляд, по материалам наших дискуссий можно сделать вывод о том, что национал-патриотическая риторика не оказывает значительного влияния на взгляды студентов (об этом говорит обсуждение этноязыковых проблем, а также темы военной памяти, см. ниже).

В целом выявленные различия в отношении разных категорий студентов к этнолингвистической ситуации в РК демонстрируют значимость социально-статусного фактора, определяющего восприятие связанных с Россией исторических и культурных явлений. Причем ситуация в студенческой среде воспроизводит похожие социальные разломы в отношении к русскому языку и культуре среди более старших возрастных групп казахов – различия в первую очередь по социальному статусу (сельские жители *versus* образованные горожане). Русскоязычие (часто идущее рука об руку со слабым владением казахским языком) является одним из основных маркеров, отличающих «городских» казахов от их сельских соплеменников (наряду с более высоким социальным и профессионально-образовательным статусом).

Праздновать или скорбеть? Память о войне и отношение к Дню Победы

Судя по всем собранным в РК полевым материалам, восприятие Дня Победы в качестве «красного дня календаря» является важнейшим проявлением общности, единения жителей России и Казахстана, где 9 мая продолжает отмечаться и как государственный праздник, и как дата, затрагивающая сердца множества людей разных возрастов и национальностей: «Мы говорим о скрепах, условно говоря, между двумя нациями. Безусловно, это Великая Отечественная война» (казах, политолог, 2016 г.).

При обсуждении сдвигов в календаре официальных праздников (перенос Дня защитника Отечества с 23 февраля на 7 мая) другой эксперт отметил: «Назарбаев тут старается и так, и так. Он никогда не отменит праздник Победы». И продолжил: «Как минимум, 70 процентов в любом случае позитивно ориентированы на Россию. Соответственно, все праздники и ценности, те же георгиевские ленточки. Посмотрите по городу (меня самого в достаточной мере удивляет): на достаточно большом количестве машин повязаны георгиевские ленточки. Люди сознательно демонстрируют. Они понимают, что кое-кому это сильно не нравится, но они так ездят. Некая позиция... 'Бессмертный полк' в Алма-Ате такое же массовое мероприятие, как в любом российском городе» (русский, экономист, 2016 г.).

Представления о войне «встроены» в восприятие советской эпохи в целом: «В принципе для большей части, для них остается советский период как позитивный. И в основном это связано с Великой Отечественной войной... Отношение к войне очень позитивное. И никто не собирается среди масс переименовывать парк...» [городской парк им. 28 гвардейцев-панфиловцев в Алма-Ате, где 9 мая проходят массовые гуляния – Н.К.] (казах, преподаватель вуза, 2016 г.).

Конечно, в России День Победы занимает в празднично-мемориальном календаре совершенно особое место, ведь сегодня в нашей стране это один из главных символов наци-

ональной идентичности, причем его уникальность на фоне других российских праздничных дат – в сочетании идеологии с мощным воодушевлением «снизу». «Сколько государство ни старалось, 'сверху' ни одного сильного праздника не родилось, зато все, что сильно, все, что отзывается настоящим чувством, жизнью, рождалось или видоизменялось в календаре 'снизу'. И здесь инициатива, очевидно, на стороне общества... Григорий Юдин вполне обоснованно называет День Победы 'единственным гражданским праздником', включенным в пантеон государственных и только потому таким успешным»³³.

Хотя в Казахстане энергетика воодушевления на низовом уровне не сосредоточена на одном празднике, а сопрягается и с другими важными для населения датами (например, связанными с провозглашением независимости, обретением государственности или с национальными традициями казахов), значимость 9 мая и в «верхах», и в «низах» сопоставима с российской.

Социально одобряемые праздничные ритуалы вполне узнаваемы для россиян: «День Победы – выходной. Акция 'Бессмертный полк', цветы ветеранам, возложение венков к вечному огню, фильмы про войну – традиции празднования мало отличаются от российских»³⁴. Изложение истории Великой Отечественной войны в казахстанских учебниках в целом аналогично российским³⁵. Такова социально-идеологическая атмосфера, в которой формировались позиции студентов, принявших участие в дискуссиях на фокус-группах, а также других респондентов.

У студентов военная тема вызвала массовый и эмоциональный отклик, многие участники хотели высказаться,

³³ Филина О. Охота к перемене дат. Праздничный календарь на пороге новых перемен // Коммерсант. 12.06.2020 (URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4373025?query=%D0%93%D1%80%D0%B8%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%B9%20%D0%AE%D0%B4%D0%B8%D0%BD>).

³⁴ См. раздел "Казахстан" в выпуске журнала "Коммерсантъ Власть", посвященном отношению к советскому наследию в бывших республиках: Токарев А. Казахстан // Коммерсантъ Власть. 25.04.2016 (URL: <http://kommersant.ru/Doc/2968021>).

³⁵ См.: Денисенко К. Война за историю // Эксперт. 27.04.2020 (URL: <https://expert.ru/expert/2020/18/novyye-vojny-i-pamyati/>).

некоторые девушки рассказывали о родственниках-ветеранах со слезами на глазах. Возможно, такой всплеск эмоций был связан со свежестью впечатлений: эти студентки выступали на фокус-группах, прошедших в мае 2017 г., через неделю после самой памятной даты.

Повторяющейся темой в высказываниях студентов стал сюжет, который можно назвать «Мы сделали это вместе!». Мотив общности со всем населением бывшего СССР, победившим фашизм, звучал и в интервью с жителями страны разных возрастов, однако студенты и здесь продемонстрировали более высокий уровень рефлексии и способность к обобщениям, дополнив тем самым обычный рефрен высказываний казахстанцев: «мы помним...», «мы всегда отмечаем» и т. п.

– «В этот день люди забывают о разнице, кто откуда был, кто воевал с нашей стороны, кто с российской; это день, когда все разногласия, которые были между нашими странами, в этот момент это все меркнет».

– «Для меня лично это святой праздник. Мы все должны помнить наших ветеранов, должны уважать их, быть благодарны им. Я считаю, только сплотившись – Россия, Казахстан, весь Советский Союз, – мы смогли одержать победу в войне».

– «Так как мы страны бывшего Союза, я так думаю, что все-таки наши деды заслужили почести и славу».

– «Р.: Думаю, это надо обязательно отмечать. Думаю, это глупо, когда говорят 'наши', 'ваши'. Тогда все воевали за Красную Армию».

И.: Вы имеете в виду русские, казахи?

Р.: Никто не говорил, что мы за наш народ воюем, у нас был общий СССР тогда, за Красную Армию воевали.

И.: За 'нашу советскую Родину'?

Р.: Да».

– «Потому что это наш праздник, в сердцах у всех гордость есть».

– «Из позитивных моментов, я считаю, нас объединяет Великая Отечественная война, память о ней. Почти в каждой семье в Казахстане и в России есть ветераны или люди, которые работали в тылу во время войны».

Повествования студентов, как и интервью с жителями двух городов РК, четко фиксируют зависимость вызываемых данной памятной датой эмоций и личностно окрашенного интереса к прошлому от наличия в семье или среди родственников ныне здравствующего ветерана или хотя бы людей, которые с ветеранами много общались. Причем у студентов такого рода эмоции были не только положительными. Видимо, общение в семье с ветеранами способствует размышлениям, нередко весьма критическим, об отношении к выжившим участникам войны на государственном уровне.

– «Мы в парк не ходим, но у нас рядом с бабушкой живет еще одна бабушка, она участница Второй мировой войны, и мы постоянно к ней в этот день ходим с цветами, с подарками, говорим спасибо за это всё. А вообще, именно в государственном смысле, мне кажется, к ветеранам должно быть отношение получше, их и так осталось довольно мало, а относятся просто откровенно».

– «В моей семье у нас традиционно каждое 9 мая собираются все родственники, и мы идем к дедушке. Он рассказывает, что было, что он видел. И мы сидим и понимаем, насколько тогда было плохо, насколько это было жестоко».

– «В нашей семье эта традиция сохраняется. У меня есть прабабушка, ей 95 лет, она до сих пор жива. В то время они обеспечивали солдат едой, рыбой, она этим занималась. 9 мая мы ее поздравляем, и к ней приходят люди, дарят цветы, но особой помощи ей не предоставляют, только на один день приходят с телевидения, снимают, про нее говорят, а потом на целый год про нее забывают. Я считаю, что это неправильно, нужно каждый день благодарить, что мы сейчас свободны, живем в независимом государстве. Это все из-за них».

– «От культуры моего дома у меня есть уважение к этим ветеранам. Даже больше: я буду относиться ко всем ветеранам так, как к своему родному дедушке и бабушкам, но тот факт, что все происходит очень формально, наигранно, меня это очень угнетает. Надеюсь, сделают когда-нибудь так, чтобы ветераны до конца своих дней жили

в хорошем состоянии... Не хотелось бы, чтобы у молодежи был такой мейнстрим, что они якобы уважают, а после 9 мая забывают об этом».

В исследованиях идентичности российской молодежи и, в частности, ее отношения к войне и к Дню Победы особо подчеркивается значимость семейной памяти³⁶. На наш взгляд, в Казахстане механизм трансляции семейных воспоминаний от старших поколений к молодежи действует пока еще эффективнее, чем в России. Во-первых, здесь большую роль играют родственные связи как элемент сохраняющейся коллективистской культуры. Во-вторых, здесь слабее ощущается давление государственной идеологии, ведь в сегодняшней России День Победы – один из главных символов национальной идентичности.

Однако фокус-группы с молодежью уже фиксируют отход от эмоционального к более историческому пониманию связанных с войной событий: «У меня в семье не особо отмечается. Наши ветераны, которые воевали, наши родственники, давно уже умерли, и такой традиции уже нет... Я этому празднику придаю больше историческое значение, чем эмоциональное, у меня особых эмоциональных связей нет». Во многом этот отход связан с утратой эмоциональной сопричастности по демографическим причинам – уход ветеранов и других людей, помнивших войну.

С течением времени в этой сфере будет нарастать значимость поколенческих различий. Наши материалы показали, что по мере того, как война и связанные с ней события уходят всё дальше в историю, у новых поколений казахстанцев возникает желание переосмыслить их; усиливаются, например, сомнения в правомерности ассоциирования с «праздником» событий, сопряжённых с огромными человеческими жертвами.

– «Это не праздник, это траур. Полегло столько людей, а они веселятся».

³⁶ Снежкова И.А. Великая Отечественная война в представлениях российских старшеклассников // Феномен идентичности в современном гуманитарном знании: к 70-летию академика В.А. Тишкова / Сост. М.Н. Губогло, Н.А. Дубова. М., 2011. С. 623; Тишков В.А., Бараш Р.Э., Степанов В.В. Идентичность и жизненные стратегии студенчества... С. 85.

– «Для нас всех болезненная тема – и для Казахстана, и для России, Белоруссии, Украины... Во всех семьях, в большинстве, 9 мая – это такой... не праздник, это такой траурный день, потому что у тебя родственники погибли, прадедушка, прабабушка, но ты понимаешь, что это же не просто так все было сделано...».

– «Я также согласен, что это не совсем праздник. Это день, когда мы должны просто благодарить этих людей, дать им какие-то блага, теплыми словами их поддерживать. А праздновать, ходить на парады и махать цветами и радоваться, что когда-то была война – я считаю, это неправильно».

– «Я согласна, что 9 мая – это не праздник, не должно так праздноваться, что там концерты ставят, отмечают каждый день. Да, нужно благодарить наших ветеранов, и всё. В нашей семье эта традиция сохраняется».

– «Я считаю, что это не праздник. Так же, как говорили до этого, это, скорее всего, траур. Множество людей умерло, благодаря им мы сейчас живы. Я считаю, нельзя забывать об этом. Мы должны помнить, потому что благодаря этому у нас сейчас есть то, что мы имеем, все благодаря тому, что мы победили. Благодаря этой войне произошел прогресс, можно сказать, появились технологии».

Отмечалось также беспокойство по поводу того, что официально принятый формат праздника подразумевает некое единение с государством: «В этом празднике всегда какая-то идеологическая подоплека. Все равно война и празднование победы – это всегда стимул для того, чтобы соединиться и быть более лояльным к государству. Если и праздновать окончание войны, то только в том плане, чтобы запомнить, насколько это было ужасно».

Подобные критические размышления на фокус-группах можно было услышать даже от тех студентов, чьи родственники (прадеды) получили звание Героя Советского Союза за подвиги, совершенные в годы войны.

Такого рода высказывания говорят о том, что по меньшей мере в рядах одной из социально-демографических

групп Казахстана, причем весьма продвинутой с точки зрения интеллектуального развития и социального статуса, зреет стремление к переоценке коллективных мифологий, связанных с войной. Пока трудно сказать, в какой степени эти настроения распространены в республике в целом. А в России, также проходящей через естественную смену поколений, достаточно активно ведутся дискуссии о том, как преодолеть сложный переходный период, связанный с неизбежным угасанием «огня живой причастности», и «превратить Великую Победу из мифа коллективной памяти в предмет объективного исторического знания»³⁷.

Исследования в среде российского студенчества фиксируют аналогичные казахстанским тренды в интерпретациях военных событий и оценках современных общепринятых практик «вспоминания» и «празднования». Приведем несколько примеров таких исследований. По результатам общероссийского опроса студентов, охватившего 45 вузов (2015 г.), для 8,2% респондентов День Победы был «просто выходным днем»; 42,3% считали этот день «праздником», а для почти половины (49,5%) 9 мая – «день памяти о родных, прошедших войну»³⁸.

Опрос³⁹ представителей трех разных поколений («детей войны», их детей и внуков) имел своей целью понять различия в параметрах памяти о войне у различных возрастных когорт. Были выявлены следующие типы носителей памяти о войне: 1) патриот-традиционалист; 2) размышляющий критик; 3) государственник; 4) скептик. Мнения «патриотов» и респондентов третьего типа в той или иной степени совпали с идеологическими постулатами о войне и победе, транслируемыми государственными СМИ. Респонденты вто-

³⁷ Денисенко К. Война как историческая данность // Эксперт. 29.04.2019 (URL: <https://expert.ru/expert/2019/18/vojna-kak-istoricheskaya-dannost/>).

³⁸ Инкижинова С.А., Муратова А.В. Социальная память: российское студенчество и Великая Отечественная война // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2016. № 1. С. 126.

³⁹ Участники заполняли детализированную анкету с составленными в ходе предварительных интервью 40 утверждениями и выражали свое согласие/несогласие с ними с помощью пятибалльной шкалы.

рого и четвертого типа продемонстрировали критичность или даже явный скептицизм в оценке последних (в частности, они подчеркивали чрезмерно высокую цену победы с точки зрения человеческих жертв). При этом «критики» и «скептики» оказались почти поголовно представителями младшей возрастной группы (93 и 70%), а «патриоты» и «государственники» – старшей и средней (65 и 80%)⁴⁰.

Похожие результаты о поколенческих разломах показал и опрос населения Белоруссии по общереспубликанской выборке (2013 г.). Именно молодежь до 30 лет в наибольшей степени разделяла представление о Дне Победы как о дне скорби по всем погибшим и как о празднике в первую очередь ветеранов, а менее всего поддерживала идею о том, что это государственный, официальный праздник⁴¹.

Своеобразным итогом этих исследований стал опрос жителей нескольких регионов России (июнь–сентябрь 2019 г.) об их отношении к государственным праздникам, в том числе и к Дню Победы. По мнению организаторов опроса (Институт прикладных политических исследований НИУ ВШЭ), через ряд лет перед государством встанет задача трансформации этого праздника: «Такой запрос есть у подрастающего поколения пацифистов. Молодые люди скорее хотели бы увидеть историческую реконструкцию Парада Победы 1945 года, почтить память, как деды воевали, но не смотреть демонстрацию военного потенциала страны»⁴².

Обсуждение со студентами РК темы войны и памяти выявило еще один интересный тренд – оно в большей мере отразило российские, нежели внутриказахстанские общественные дискуссии о военных событиях и о том, чему история может в данном случае научить современные поколения.

⁴⁰ Емельянова Т.П., Мишарина А.В. Великая Отечественная война: типология представлений коллективной памяти // Информационный гуманитарный портал "Знание. Понимание. Умение". 2015. № 2. С. 9.

⁴¹ Лашук И.В. Социальный компонент исторической памяти о Великой Отечественной войне в общественном сознании жителей Беларуси: поколенческие различия // Социологический альманах. Вып. 6. 2015. (URL: http://socio.bas-net.by/wp-content/uploads/2016/04/soc_alm6.pdf). С. 210–220.

⁴² Галанина А., Винокуров А. Дню Победы предложили новый формат // Коммерсант. 28.01.2020 (URL: https://www.kommersant.ru/doc/4234062?from=four_strana).

Трактовки связанных с войной сюжетов, популярные в кругах так называемых национал-патриотов (в Казахстане и в Центральной Азии в целом) звучали при общении со студентами очень редко. Речь идет, в частности, не о консолидирующих мнениях, доминирующих в дискуссиях на фокус-группах, а о разъединяющих: «мы тоже воевали, а русские этого не ценят»; «это не только русские победили»; о попытках заместить нарратив борьбы против фашизма нарративом борьбы за независимость.

По мнению экспертов, подобного рода идеи не пользуются популярностью и среди населения в целом: «Я согласен, что это очень важная связующая с прошлым и консолидирующая сейчас нить. Утверждение, что это не наша война – это маргинальное, штучное утверждение» (русский, экономист, 2016 г.). Вот еще одно описание общественных настроений: «По-моему, для большей части все равно остается советский период как позитивный. И в основном это связано с Великой Отечественной войной. И все равно, как бы ни хотели, как бы ни грозились, что не надо отмечать, я помню, в 15-м году и в 14-м году, я сам ходил, в парк всё равно приходили, народ... И даже некий показатель – Интернет, комментарии, сразу начинают гасить этих всех, кто начинает отрицать, что это была наша общая победа» (казах, историк, 2016 г.).

Оценивая значимость идеологического багажа казахстанских национал-патриотов для широких масс населения страны, нужно учитывать два момента – внешний по отношению к их дискурсу и внутренний, касающийся содержания последнего. Власти страны в течение всего периода независимости сознательно стремятся избегать обсуждения чувствительных эпизодов российско-имперской и советской истории на официальном уровне и в контролируемых государством СМИ, чтобы не усиливать культурное размежевание между русскими и казахами, а также между городскими русскоязычными казахами и сельскими казахоязычными. Кроме того, успехи властей на ниве социальной консолидации и формирования национальной идентичности (по меньшей мере, объединяющей разнящиеся между собой по лингвокультурным пред-

почтениям и образу жизни группы самих казахов) существенно обесценивают апелляции национал-патриотов к ценностям аула как к основе «истинной казахскости»⁴³. На этом фоне редкость обращения студентов к аргументации национал-патриотов выглядит вполне ожидаемой.

Итак, позиции казахстанских студентов по политически чувствительным сюжетам, связанным с войной, сближены с настроениями (альтернативными официальным трактовкам), заметными в среде российского студенчества. Дискуссии на фокус-группах отразили скептицизм студентов, неприятие ими патриотического официоза; их стремление к осмыслению войны с точки зрения цены, которой была оплачена победа над фашизмом, и того позитивного, что она принесла стране и человеческой цивилизации. Оценивая сложившиеся практики «празднования», студенты говорили о неприятии формализма и показухи, о необходимости сконцентрироваться на помощи ветеранам, а на семейном уровне – больше думать о своих погибших родственниках и всё ещё живых участниках войны. Подобные настроения, видимо, связаны с присутствием в РК российских СМИ, с включенностью казахстанской молодежи в русскоязычные интернациональные социальные сети, где активно обсуждаются острые темы, а также с естественным демографическим замещением поколений в двух странах со сходными социально-политическими условиями.

«Идущие против течения» размышления казахстанских студентов можно интерпретировать как проявление своего рода общности с Россией – в том смысле, что исследования позиций российской молодежи свидетельствуют о наличии тренда к переосмыслению истории войны и практик коммеморации в аналогичном направлении. Однако с практически-политической точки зрения это позволяет поставить вопрос о том, как выявленные взгляды представителей

⁴³ Подп. см.: *Laruelle M.* In Search of Kazakhness: the Televisual Landscape and Screening of Nation in Kazakhstan // *Demoktizatsiya: the Journal of Post-Soviet Democratization*. 2015. Vol. 23. № 3. P. 339; *Laruelle M.* Which Future for National-Patriots? The Landscape of Kazakh Nationalism / M. Laruelle (ed.). *Kazakhstan in the Making. Legitimacy, Symbols and Social Changes*. Lanham, MD: Lexington, 2017. P. 174–175.

будущих элит могут в среднесрочной перспективе повлиять не только на формат празднования Дня Победы в Казахстане и его место в календаре «национально значимых» дат, но и на формат отношений с Россией в целом.

С научной же точки зрения проведенный анализ позволяет говорить о включенности наблюдаемых в Казахстане и России поколенческих сдвигов (в восприятии войны и одобряемых государством мемориальных практик) в мировые тренды развития коллективной памяти. Оппонирующие официальным трактовкам мнения студентов двух стран отдают их память от «суверенной» модели, замкнутой в рамках собственной истории, и приближают к иной, «глобальной», ярким примером которой является, например, выходящая за пределы национальных границ память о Холокосте (не праздник, а день скорби; внимание не к героям-воинам, а к жертвам)⁴⁴. Это говорит о том, что различия «глобальной» и «суверенной» моделей коллективной памяти могут иметь как пространственное (разные страны, территории), так и временное измерение (прежние – новые поколения).

Основания для оптимизма и пути работы над ошибками

Результаты фокус-групп со студентами Алма-Аты свидетельствуют о сохраняющемся пространстве историко-культурной, языковой, ментальной общности двух стран – пространстве, которое пока ещё охватывает и молодые поколения, из которых будут рекрутироваться новые элиты. Рабочая гипотеза о том, что в условиях многовекторности геополитического курса РК возможны существенные разрывы в мировосприятии казахской молодёжи и более старших поколений (в том числе и касающиеся отношения к России), не получила обоснованного подтверждения. Исследование мнений сту-

⁴⁴ Интересный анализ двух моделей коллективной памяти на примере празднования памятных дат, связанных с военными победами в России и Финляндии, содержится в работе О. Давыдовой-Менге (см.: Davydova-Minguet O. The Dividing National Days' Celebrations in the Transnational Russian-Finnish Border Region / T. Kuharenoka, I. Novikova, I. Orehovs (eds.). Memory. Culture. Identity. Vol. 2. Riga, LU Apagads, 2018. P. 226–243).

дентов не выявило также заметных этнических различий в их трактовках тех или иных связанных с Россией социально-политических и культурно-языковых проблем.

К аналогичным выводам (о слабой значимости возраста и этнической принадлежности) пришли М. Ларюэль и Д. Ройс на основе анализа массивов количественных данных, собранных в течение нескольких последних лет ЕАБР и фондом Гэллапа. Рассматривая центральный для нашей работы сюжет о мировосприятии новых, постсоветских поколений в Казахстане, эти ученые фиксируют полное несоответствие действительности господствующих в американских политических и экспертных кругах представлений о том, что «...казахстанская молодёжь, естественно (*naturally*), должна быть более проамериканской, тогда как старшие поколения ожидаемо больше ностальгируют по СССР и более склонны к поддержке России»⁴⁵.

На основе регрессионного анализа данных опросов эти авторы делают следующий вывод: «Молодежь Казахстана не является автоматически более благосклонной к либерализму или Западу в целом, чем другие возрастные когорты. Очень немногие молодые казахстанцы считают США или Запад примером для подражания, которому должна следовать их страна... Несмотря на то, что их социализация пришлась уже на постсоветские годы и на тот факт, что численность русских в стране постепенно сокращается, молодые жители страны не в меньшей степени, чем их старшее окружение, благоволят к России, и не в меньшей степени желают иметь с ней более тесные отношения»⁴⁶.

Социолог из Алма-Аты Г. Илеуова при обсуждении в экспертном интервью темы поколенческих различий (2016 г.) упомянула еще об одном исследовании под эгидой ЕАБР, посвященном восприятию истории XX в. и исторических деятелей этого периода населением постсоветских стран: «В Казах-

⁴⁵ Laruelle M., Royce D. Kazakhstani Public Opinion of the United States and Russia. Testing Variables of (Un)Favourability // Central Asian Survey. 2019. Vol. 38. N2. P. 203.

⁴⁶ Laruelle M., Royce D. Kazakhstani Public Opinion of the United States and Russia... P. 207; об аналогичных выводах других исследований см. также с. 206–207.

стане, в отличие, например, от Грузии или Молдовы, где перевернутая диаграмма – вверх положительно стоят взрослые и вниз отрицательно стоят дети, у нас был плюс до 30 лет. Мы специально строили гипотезу, что в этих поколениях идет отторжение российского/советского периода истории и, соответственно, тех же лидеров, событий и т.д. Только на двух странах это было видно из тех, кто участвовал, в Молдове и в Грузии. В Казахстане практически полное совпадение. Не было отторжения. Взрослое и молодое поколения демонстрировали одинаковые картины».

Посмотрим, как М. Ларюэль и Д. Ройс объясняют свои результаты анализа позиций казахстанской молодежи. Они успешно преодолевают упрощенную черно-белую схему, рисующую геополитические симпатии казахстанцев как ориентацию молодежи на «прогрессивный Запад», а старших поколений – на «отсталую Россию», ссылаясь на международный опыт молодежных движений, а также на сложность и противоречивость тех процессов, которые обычно формируют политические взгляды людей. Так, справедливо отмечается, что молодежь может выступать ниспровергателем общественного статус-кво как во имя либеральных, так и противоположных им ценностей. Об этом говорит ее активное участие в событиях «арабской весны» в роли приверженцев усиления политического ислама, а также в выборах последних лет в ряде стран Западной Европы, где радикальные националистические партии получили широкую поддержку в том числе благодаря голосам молодых возрастных групп⁴⁷.

Трудно не согласиться и с тем, что люди, вполне преданные либеральным идеям, могут опасаться Америки из-за ее внешнеполитических шагов, считая, что эта страна не всегда следует провозглашенным ею самым ценностям. Далее, антиамериканизм может питаться не только идеалами, противоположными западным, но также и стремлением сохранить национальный суверенитет, в особенности если он был провозглашен/завоеван сравнительно недавно.

⁴⁷ Там же, р. 206.

Аналогично можно симпатизировать России, не разделяя принципов ее политического руководства, а также, наоборот, негативно относиться к России, не будучи при этом носителем либеральных прозападных взглядов⁴⁸. Ярким примером последней позиции можно считать немногочисленную, но заметную в публичном и медийном поле Казахстана прослойку так называемых национал-патриотов.

Однако авторы цитируемой статьи не видят главного обстоятельства, определяющего позиции казахстанской молодежи и представителей других поколений по отношению к России (и на этом фоне – к США). Речь идет о той рассмотренной в данной главе схожести двух стран в политико-экономической, историко-культурной, языковой и ментальной сферах, которую продемонстрировали студенты в ходе дискуссий на фокус-группах и наши информанты в ходе биографических и экспертных интервью. Это все то, что нас продолжает объединять, – через преемственность советского и постсоветского опыта – с их во многом общими достижениями и пороками; через русскоязычное культурно-языковое пространство, охватывающее, хотя и в разной степени, обе страны, взаимные поездки с многообразными целями сотен тысяч жителей России и Казахстана; потоки товаров и услуг, информационный и культурный обмен; через незримые связи в виде семейной памяти, ностальгии, виртуального общения; наконец, через во многом общие культурные коды и общность пережитого...

На этом фоне, на наш взгляд, не вполне корректной выглядит сама предпринятая М. Ларюэль и Д. Ройсом попытка поставить рядом на чашу весов Россию и США и сравнить отношение к ним в Казахстане как к двум якобы равновесным по отношению к РК «иностранным державам» (*external powers*). Подобным образом было бы логичнее сравнивать мнение казахстанцев о таких равноудаленных от их страны объектах, как США и Евросоюз, США и Индия и т. п. Россия же резко выступает из этого ряда.

⁴⁸ Там же, р. 206, 207.

Для казахстанцев Россия – это фактически часть (бывшего) целого, объединяющего две страны исторически, экономически, культурно, на уровне родственных, дружеских связей и иных форм человеческого общения; это что-то хорошо знакомое, с известными достоинствами и недостатками. В распоряжении жителей страны разнообразные источники информации о происходящем в России (причем без языкового барьера), включая массово потребляемую продукцию российских телеканалов и опыт пребывания/проживания там для значительной части населения, тогда как США – это один из важных контрагентов РК в сфере внешней политики, а на бытовательском уровне – «далекая мечта»; страна, знания о которой во многом основаны на мифологии и стереотипах. Поэтому демонстрируемый в статье разрыв в цифрах, на наш взгляд, вполне ожидаем и фактически запрограммирован этой все еще сохраняющейся общностью России и Казахстана.

Обращает на себя внимание то, что при обсуждении сюжетов, обладающих высокой актуальностью и в самой России (в частности, это память о войне и практики коммеморации), казахстанские студенты обнаружили свою включенность именно в российский дискурс, а также близость к позиции российских студентов, оппонирующей официальным трактовкам.

Дискуссия о языках выявила заметные различия в подходах и интерпретациях студентов, которых можно отнести к выходцам из разных социальных групп (с одной стороны, уроженцы Алма-Аты, обучающиеся на английском или русском языке в элитных вузах; носители русско-титульного билингвизма или преимущественно русскоязычные, с другой – студенты, приехавшие в вузы Алма-Аты из различных регионов страны, в том числе выпускники сельских школ, обучающиеся на «русских» или «национальных потоках»; носители титульно-русского билингвизма). Ситуация в студенческой среде воспроизводит похожие социальные разломы в отношении к русскому языку и культуре среди более старших возрастных групп казахов – различия в первую очередь по социальному статусу (сельские жители *versus* образован-

ные городские старожилы)⁴⁹. В этой связи нужно подчеркнуть, что наша работа была сфокусирована именно на студентах и, шире, в рамках программы углубленного интервьюирования – на горожанах, в том числе молодых, а изучение взглядов сельской казахоязычной молодежи не являлось нашей целью и требует новых исследовательских подходов.

В целом можно заключить, что существует немалый и пока слабо используемый Россией потенциал сохранения и укрепления того многообразного, питаемого как эмоциями, так и взвешенным прагматизмом чувства общности с нашей страной, которое продемонстрировала наиболее продвинутая, городская молодежь Казахстана в лице студентов алматинских вузов. В какой мере это обстоятельство осознается в России? Что мешает и что может помочь продуктивному использованию этого потенциала? Многогранный анализ российской политики в гуманитарно-образовательной и социальной сферах по отношению к странам Центральной Азии и, в частности, к Казахстану, не может быть предпринят в рамках этой работы. Здесь мы коснемся лишь нескольких аспектов темы, навеянных результатами исследования в Казахстане.

Что мешает – один из очевидных ответов на этот вопрос уже затрагивался выше. Речь идет об отмечаемой многими информантами неприязни россиян к приезжим на уровне бытового общения и сохраняющееся, в том числе и среди официальных лиц, отношение к соседним странам как к «младшим братьям» и/или как к «отрезанному ломтю». Тут просматриваются три отдельные проблемы разной степени «связанности» именно с Россией и разной степени «решаемости».

Если говорить о том, что воспринимается со стороны как «недружелюбие» москвичей, тут, скорее всего, мы имеем дело с описанным урбанистами городским эскапизмом, проявляющим себя в виде «закрытости» жителей огром-

⁴⁹ Наличие подобных "разломов", безусловно, требует вариативных действий со стороны российских структур, нацеленных на сохранение русского языка и культуры в странах региона. Подробнее возможные направления корректировки российской политики "мягкой силы" в этой области, с учетом результатов предпринятого качественного исследования, рассмотрены в главе 4.

ного мегаполиса, ежедневно подвергающихся испытанию «толпами»⁵⁰. Для приезжих из небольших, по сравнению с Москвой, городов и городков, где стиль общения гораздо более персонализирован, атмосфера в городе неизбежно выглядит «недружелюбной».

Тяжело поддающаяся решению проблема бытовой ксенофобии и мигрантофобии существует во многих странах, и Россия не является исключением⁵¹. По данным ЕАБР, в России традиционно фиксируется высокий уровень неприятия работников (иными словами, трудовых мигрантов) из других стран (такую позицию выразили 53% респондентов в 2017 г.). Трудно не согласиться с выводом авторов доклада: «С учетом значимости российского рынка труда для стран Союза и региона СНГ, такой тренд является проблемой не только экономического, но и гуманитарного характера, что может негативно отразиться и на России, и на ЕАЭС»⁵².

Однако устойчиво присутствующие в представлениях казахстанцев о России мотивы ксенофобии далеко не всегда опираются на личный опыт информантов, а отражают, через общедоступные СМИ и социальные сети, собственно российский дискурс. Как справедливо отметил И. Савин, информационное поле о ксенофобии создается в России, а потом страстно интерпретируется в Казахстане через «домысливание» полученной оттуда информации на основе собственного субъективного опыта.

Для преодоления представлений о России как о «шовинистической стране» (мнение одного из экспертов, в целом настроенного разумно-доброжелательно) необходимы реальные изменения в отношении к выходцам из Центральной Азии, а это процесс длительный и сложный, либо «слом» доминирующих тенденций в дискурсе. Например, появление большого

⁵⁰ Космарская Н. П. "Коррупция", "толпы" и "лезгинка": региональная специфика отношения россиян к мигрантам (на примере Москвы и Краснодара) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. № 2. С. 196–197.

⁵¹ Подр. см.: Космарская Н. П. Изучение низовых представлений о мигрантах в России и Европе: методы, концепты, локальные контексты // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные проблемы. 2022 (в печати).

⁵² Интеграционный барометр ЕАБР – 2017. Доклад № 46. С. 14.

числа положительных материалов о жизни в России граждан различных стран региона, скорее всего, будет с одобрением воспринято потребителями российских информационных продуктов, проживающими в том числе и в Казахстане⁵³.

Проблема бытовой ксенофобии имеет, судя по собранным материалам, еще одно измерение: неприязнь россиян к «другим» бывает направлена не только на этнических других (в данном случае казахов), но и на формально «своих» («европейцев» из Казахстана, включая собственно русских)⁵⁴. Это довольно типичный пример внутриэтнических трений, который пока слабо исследован в российском контексте.

Наконец, в головах многих россиян сохраняется негативно-снисходительное восприятие стран Центральной Азии и их жителей, воспроизводящее прежнюю иерархичность в положении союзных республик (на фоне проблемы ксенофобии, об этом пишут редко). Отсюда отсутствие интереса россиян «к каким-то далеким и неведомым -станам»; слабая информированность, на грани невежества, об их истории и культуре, о современных проблемах и достижениях; о том, как там живут и выживают люди, бывшие еще относительно недавно нашими согражданами. Если речь идет о бедных странах региона, из которых с начала 2000-х гг. в Россию направляются потоки трудовых мигрантов, занятых здесь отнюдь не почетным трудом и наиболее заметных для наших граждан именно в таком качестве, подобный «равнодушно-невидящий» взгляд можно объяснить, хотя, конечно, не оправдать. Но это явно не случай Казахстана – достаточно развитая страна сама принимает много трудовых мигрантов из соседних стран региона, а люди, которые едут работать в Россию из РК, в основном являются квалифицированными специалистами⁵⁵.

⁵³ Космарская Н. П., Савин И. С. Что думают казахстанцы... С. 186.

⁵⁴ Свидетельства о подобном опыте русских Казахстана (на примере жителей Петропавловска) представлены также в: Jašina-Schäfer A. Where Do I Belong? Narratives of *Rodina* Among Russian-Speaking Youth in Kazakhstan // *Europe-Asia Studies*. 2019. Vol. 71. N1.

⁵⁵ Feakins M., Zemnukhova L. "I'm not a Gastarbeiter Anymore": Liminal Mobility of Young Kazakh IT Professionals in Russia // *Discourse: Studies in the Cultural Politics of Education*. 2018. Vol. 39. N5. P. 752–766.

В самом Казахстане описанная ситуация давно вызывает беспокойство. Еще 15 лет назад авторы одной из статей в «Казахстанской правде» (КП) отмечали: «Участившиеся сетования казахстанских политологов на то, что в России уровень информированности населения о нашей стране неуклонно снижался все постсоветские годы и сейчас приближается к критической черте (примерно такой, как примитивная осведомленность многих американцев о русских, которая чрезвычайно задевает самолюбие последних и вызывает обвинения в высокомерном и неадекватном отношении к их великой державе), явно не лишены оснований»⁵⁶. Авторы статьи, в которой цитируется это высказывание из газеты, выявили в ходе своего исследования «информационную асимметричность образов» соседних стран, сложившихся у опрошенных ими студентов России и Казахстана. Ученые объяснили подобную асимметрию различиями «внешнеполитических стратегий России и Казахстана... В России последние 15 лет налицо явно прозападная ориентация, что, естественно, способствует размыванию образов центральноазиатских государств у молодых российских граждан»⁵⁷.

С тех пор, как был сделан этот вывод, немало воды утекло и очень многое изменилось в России, а также в мире вокруг нее и в связи с ней. Однако описанный настрой россиян по отношению к Казахстану и его жителям, судя по собранным нами материалам, в своих основных чертах остался прежним. О значимости этой проблемы для РК говорил один из экспертов, переводя ее из ситуации бытового общения в ранг фактора, способного повлиять на геополитический выбор страны: «Понятно, что кто бы ни был у власти, Назарбаев или кто после него, коридор решений очень узок. Мы не можем лечь под Америку, потому что Америка далеко, а Москва рядом. Мы не можем лечь под Китай, потому что китайцев интересует не интеграция, а поглощение. Не хочется ложиться под Россию, потому что с шовинизмом

⁵⁶ Бочкарева И., Есимова А., Замятин Д. Образы Центральной Азии в России... С. 41.

⁵⁷ Там же, с. 46.

практически все сталкивались, и с политическим, и с бытовым. Я особо не чувствовал на себе проявления, в Москве я достаточно часто бываю, но по отношению к Казахстану... Понятно, что презрение много чего может вызывать. Но одно дело, когда это говорит свой, а когда об этом говорит с телеканала другой, это вызывает обиду даже у самых лояльных людей» (казах, историк, 2016 г.).

Заметим, что эксперт сделал упор именно на позиции не рядовых россиян, а людей, в той или иной мере формирующих общественное мнение и принимающих решения (журналисты, исследователи, преподаватели, члены экспертного сообщества, политики и пр.).

Завершить главу хотелось бы красноречивым примером, который, подобно капле океанской воды, дает, на наш взгляд, полное представление об «океане» в целом. «Героями» здесь выступают исследователи и одновременно преподаватели вуза, а ведь они учат и воспитывают молодежь, с которой будут общаться в том числе и выходцы из Казахстана и других стран ЦА.

Читаем статью о миграционных намерениях обучающихся в России студентов из стран СНГ⁵⁸. Авторы с помощью статистических операций доказывают, что русские студенты с большей вероятностью останутся в России, чем, как они выражаются, представители «коренных национальностей» из этих стран (заметим в скобках, термин некорректный, «разделяющий» и неадекватно отражающий реальное положение дел)⁵⁹. Из представленных выкладок делается вывод о том, что

⁵⁸ Зангиева И.К., Сулейманова А.Н. Студенты из стран СНГ в России: предпосылки к миграции // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 5. С. 127–146.

⁵⁹ Русские и другие "европейцы", многие из которых являются представителями далеко не первого поколения жителей стран Центральной Азии, считают себя и в большинстве случаев воспринимаются окружением как "коренные". Приведем в этой связи слова одного из экспертов: «У нас в Казахстане живет уже пять поколений казахов; в частности, у меня по маме потомки именно столыпинских переселенцев, и они считают себя такими в доску казахами, что они любому нашему нацпату готовы в морду дать, они настолько коренные...» (русская, блогер, 2016 г.). По логике авторов статьи, видимо, полагающих, что в России живут/могут жить одни только русские, сотни тысяч издавна населяющих ее казахов (в том числе территории вдоль российско-казахстанской границы) – это не представители "коренных национальностей"?

государственные деньги лучше выделять на обучение русских из постсоветских стран, чем казахов, киргизов, молдаван, армян и пр., которые потом все равно покинут Россию⁶⁰. Лучше для кого? Какие благие цели могут быть этим достигнуты?

Авторы не понимают, что получившие образование в России представители разных этнических групп из постсоветских стран самим фактом своего возвращения на родину укрепят давно сложившуюся там и связывающую эти страны с Россией культурно-языковую полифонию, то пространство ментальной общности, о котором много говорили наши информанты в Казахстане. А это в любом случае будет помогать взаимопониманию, развитию полезных контактов как на уровне (будущих) элит, так и обычных людей разных возрастов.

Однако авторы мыслят совершенно другими, автономистскими категориями. Так, они далее заявляют в своей статье, что, поскольку многие представители титульных групп не считают русский язык родным, им будет трудно учиться в России – «на иностранном языке в чужой стране» (?!?!)⁶¹. Трудно комментировать выводы исследователей, имеющих весьма туманные представления о культурно-языковой ситуации в тех постсоветских странах, которые поставляют в Россию студентов, и об исторических корнях этой ситуации. Если говорить о владении языками, представители титульных групп в той же Киргизии и Казахстане, не говоря о Белоруссии и Украине, массово отвечали и отвечают на вопросы анкет и переписных листов, что их родным языком является титульный – из соображений психологически-патриотических. Однако на уровне лингвистических компетенций подобная декларация нередко сопровождается, особенно у горожан, хорошим или даже свободным знанием русского (на уровне родного), а также слабым владением титульным языком.

Если преподаватели с подобными взглядами и с подобными «знаниями» об истории, культуре постсоветских стран,

⁶⁰ Зангиева И.К., Сулейманова А.Н. Студенты из стран СНГ в России... С. 139, 143.

⁶¹ Там же, с. 137.

о живущих там людях будут воспитывать студентов в аналогичном духе в ведущих российских вузах (куда, кстати, стремятся многие абитуриенты из Центральной Азии, чтобы услышать, что Россия для них – «чужая страна»), а выступая в роли экспертов – будут формировать взгляды принимающих решения чиновников, то прагматично-доброжелательное отношение к России, которое пока сохраняется у молодежи страны, выступающей нашим главным стратегическим партнером в Центральной Азии, вряд ли сохранится надолго.

Глава II

МОЛОДЕЖЬ КАЗАХСТАНА И КИРГИЗИИ О РОЛИ РОССИИ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

С момента обретения суверенитета в 1991 г. становление нового исторического сознания стало важной частью государственной политики независимых государств Центральной Азии. Это в полной мере относится и к Казахстану, и к Киргизии. Необходимость специальных усилий в этом направлении прекрасно осознавалась руководством еще советского Казахстана. В частности, выступая на научно-практической конференции «Территория Казахстана: история и современность», У. Джанибеков, бывший в то время секретарем по идеологии ЦК КП Казахстана, отметил, что «...исторический опыт, понимаемый как синтез истории, представляет сегодня не только научный, но прежде всего практический, политический интерес»⁶².

Не случайно через несколько лет Национальным Советом по государственной политике при Президенте Республики Казахстан (РК) была разработана «Концепция становления исторического сознания в Республике Казахстан», направленная на освобождение казахстанской исторической науки от «моноцентристского мировоззрения, согласно которому достижения человеческой культуры и техники приписывались исключительно европейской цивилизации. Богатейшее культурное и историческое наследие народов Востока оценивалось как архаичное, традиционалистское, патриархальное»⁶³. Установка на преодоление отживших схем в обла-

⁶² Казахстанская правда, 2 октября 1990 г.

⁶³ Концепция становления исторического сознания в Республике Казахстан. Алматы, 1995.

сти истории выражалась в критике прежних, советских методологических принципов, воспринимаемых теперь в качестве «одномерной установки на толкование отечественного летописания сквозь призму истории доминирующей нации, мессианской идеи доминирующего этноса» (там же). Коль скоро постсоветская Россия воспринималась в соседних государствах как правопреемница СССР, то и преодоление «советского» наследия выглядело зачастую как желание избавиться от традиций российской исторической школы. В частности, демограф М. Татимов, член Национального совета по государственной политике, заявил на одной из конференций: «Нашу историю может написать только наша интеллигенция. Я думаю, что мы в скором времени немножко оторвёмся от российской зависимости»⁶⁴.

За последующую четверть века и в Казахстане, и в Киргизии были опубликованы десятки монографий и учебников, сотни программ и статей, посвященных как новой интерпретации исторических событий, так и организации исторического знания. В Казахстане на самом высоком уровне принимались государственные программы – «Культурное наследие», «Народ в потоке истории». Президент страны часто высказывался о важности исторического знания и исторического сознания в формировании нового облика нации («Рухани жаңғыру. Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания», «Семь граней великой степи»). В Киргизии сходным задачам служили Закон Киргизской Республики (КР) «Об эпосе 'Манас'», принятый Жогорку Кенешем в июне 2011 г.,⁶⁵ указы президента КР «О 100-летию трагических событий 1916 г.» от 25 июля 2015 г. и «Об установлении Дней истории и памяти предков» от 26 октября 2017 г.⁶⁶

⁶⁴ Стенограмма научно-практической конференции "Россия и Казахстан", 16–18 февраля 1995 г. М., Российский центр стратегических и международных исследований, 1995.

⁶⁵ Закон Киргизской Республики от 28 июня 2011 г. № 59 «Об эпосе 'Манас'» // Информационная система "параграф". (URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31019563#pos=2;-59/).

⁶⁶ Президент Алмазбек Атамбаев подписал Указ «О 100-летию трагических событий 1916 г.» // K-news.kg. 25.07.2015 (URL: <https://knews.kg/2015/05/27/prezident-almazbek-atambaev-podpisal-ukaz-o-100-letii-tragicheskikh-sobytiy-1916-goda/>).

На протяжении 2019 г. группой депутатов Жогорку Кенеша совместно с экспертами разрабатывался проект Закона КР «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Киргизской Республики». Проект исходит из необходимости восстановления исторической справедливости при трактовках событий 1918–1953 гг., восстановления доброго имени граждан Киргизии, подвергшихся массовым репрессиям в годы «красного террора» и сталинских репрессий. Предполагается внесение изменений в Закон «О правах и гарантиях реабилитации граждан, пострадавших в результате репрессий за политические и религиозные убеждения, по социальным, национальным и другим признакам».

Законодательная инициатива также связана с тем, что в ноябре 2017 г. Киргизия была официально принята в число 75 стран – участниц международного Партнерства «Открытое правительство» (Open Government Partnership, OGP). В рамках принятого Национального плана действий «Ачык Өкмөт» страна взяла на себя обязательство реализовать ряд инициатив, в том числе по открытию архивной информации, касающейся политических репрессий советского периода, и совершенствованию законодательства о реабилитации репрессированных⁶⁷.

Все это свидетельствует о том, что мероприятия, связанные с актуализацией исторической памяти, открытием доступа к новым историческим источникам, интересуют не только профессиональных историков и преподавателей. Работой по формированию исторического сознания всерьез озабочены и парламентарии, и органы исполнительной власти в обеих странах. А если учитывать, что история Казахстана и Киргизии на протяжении последних 200–300 лет была во многом связана с российским государством (Российской империей, СССР), понятно, что новые работы современных историков в этих странах во многом посвящены пересмотру взаимоотношений с Россией. Сотрудниками Киргизско-Российского (Славянского) университета был даже выпущен

⁶⁷ Информация из электронной рассылки одного из инициаторов законопроекта – общественного фонда "Гражданская инициатива Интернет политики".

специальный учебник «Россия – Киргизстан: история взаимоотношений: учебник для вузов»⁶⁸.

Однако раньше эта тема и раньше привлекала внимание исследователей. Так, Н. Масанов и И. Савин в статье «Россия в казахстанских учебниках истории» ставили перед собой задачу рассмотреть «образ России как субъекта российско-казахских отношений, создаваемый в учебниках истории; риторические средства повествования, с помощью которых он конструируется, а также возможное влияние этого образа России на восприятие современных общественно-политических реалий, как российских, так и казахстанских»⁶⁹.

Несколько позже Ж. Кундакбаева анализировала процесс создания «исторического нарратива» Казахстана в более широком контексте – таким, каким он предстает на страницах учебников истории. Она обратила внимание и на важность «нового подхода к истории русско-казахских отношений в имперский период, который позволяет отойти от однозначных оценок политики Российской империи»⁷⁰. Солидаризуясь с мнением Н. Масанова и И. Савина, она подчеркивает, что «задача авторов учебников состоит не только в том, чтобы донести до учащихся информацию о событиях далекого или близкого прошлого, но и так ее интерпретировать, чтобы у учащихся не возникало соблазна отождествлять современное государство с действиями его одноименного предшественника в прежние времена»⁷¹.

По мнению автора цитируемой статьи, казахстанской исторической науке и историческому образованию в целом удалось избежать этих соблазнов. В заключение статьи она

⁶⁸ Воропаева В. А., Джунушалиев Д. Д., Плоских В. М. Россия – Киргизстан: история взаимоотношений. Учебник для вузов / Под ред. акад. А. Ч. Какеева. 2-е изд., испр. и доп. Бишкек: изд-во КРСУ, 2016.

⁶⁹ Масанов Н., Савин И. Россия в казахских учебниках истории // Старые и новые образы в современных учебниках истории / Под ред. Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. М.: АИРО–XXI, 2003. С. 302.

⁷⁰ Кундакбаева Ж. В поисках исторического нарратива Казахстана: "диалог памяти" или "национальная память" // Национальные истории на постсоветском пространстве / Под ред. Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. М.: Фонд Ф. Наумана, АИРО–XXI, 2009. С. 284.

⁷¹ Кундакбаева Ж. В поисках исторического нарратива Казахстана... С. 279.

резюмирует: «Политика памяти не стала инструментом политических манипуляций, она направлена в здоровое русло. Переписывание истории не используется для формирования идентичности за счет кого-то... Память у разных народов всегда была разной, но это не отменяет нормальных, добрососедских отношений. Важно, чтобы политика памяти развивалась в русле диалога, учета памяти разных групп людей и не использовалась для разжигания межгосударственной и межнациональной нетерпимости»⁷².

Судя по публикациям, с такой оценкой отчасти согласны и другие исследователи. Так, в статье «'Новая история' в историографии постсоветских республик Закавказья и Центральной Азии» отмечается, что «в учебниках, изданных в Казахстане, имеются значительные расхождения в оценках пребывания в составе Российской империи для территорий современного Казахстана. В 'Рассказах по истории Казахстана' для учащихся 5-го класса дается перечень позитивных и негативных моментов... Наряду с общей негативной трактовкой истории пребывания киргизов в составе Российской империи, упоминаются и ее позитивные аспекты»⁷³.

Несколько более пессимистичное впечатление у Л. Хоперской: «Все эти учебные пособия при различной степени детализации и особенностях стиля изложения объединяет общий этноцентристский концептуальный подход. Несмотря на то, что в названиях всех изданий фигурирует слово 'Киргизстан', посвящены они истории киргизского народа»⁷⁴.

По мнению О. Сумароковой, учебная литература современной Киргизии включает в себя как нейтральные, так и тенденциозные подходы к освещению имперского периода в истории страны. Так, например, «в современных киргиз-

⁷² Там же, с. 286.

⁷³ Карпенкова Т. "Новая история" в историографии постсоветских республик Закавказья и Центральной Азии // Вестник МИЭП. 2011. № 2. С. 138–142 (URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novaya-istoriya-v-istoriografii-postsovetskih-respublik-zakavkazya-i-tsentralnoy-azii/>).

⁷⁴ Хоперская Л. Россия и Киргизия в учебниках Киргизской Республики // Россия и мусульманский мир. 2012. № 8. С. 98 (URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-i-kirgiziya-v-uchebnikah-kirgizskoy-respubliki-1/>).

ских учебниках истории этот процесс [‘покорение в XIX в. Средней Азии и включение ее территорий в состав Российской империи’, как определяет его чуть выше по тексту автор статьи – И. С.] представлен нейтрально, как ‘присоединение’, даже ввиду того, что на сегодняшний день достоверно установлено, что принятие северными киргизскими племенами с 1855 по 1867 гг. российского подданства носило добровольный характер, в то время как южная часть киргизских земель была включена в состав империи военным путем»⁷⁵. Однако здесь же автор констатирует, что «современные учебники истории Киргизстана безапелляционно инспирируют среди подрастающего поколения догмы, во-первых, далекие от истины, во-вторых, вносящие элементы деструктивизма в межнациональные отношения»⁷⁶.

Многообразие исследовательских оценок того, как формируются образы соседних государств и народов в постсоветских странах, не должно удивлять. Процессы национал-строительства и развития гражданской идентичности в новых независимых государствах, а также традиции их изучения складываются под воздействием многих факторов, отражающих сложный период смены аналитических парадигм и мировоззренческих установок в постсоветских странах.

Важно отметить другое: большинство исследователей, независимо от того, отстаивают ли они преимущественную важность исторического образования и политики памяти для укрепления национальной идеологии страны или же подчеркивают значение этих процессов для сохранения межобщинного согласия и добрососедских отношений с другими государствами – все они концентрируются преимущественно на анализе научных и учебных текстов, публичных высказываний, медийного дискурса, практик и мест памяти. Все это

⁷⁵ Сумарокова О. Киргизско-российские взаимоотношения в имперский период на страницах учебников истории для школ и университетов Киргизии // Символ науки. 2015. № 6. С. 84 (URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kirgizsko-ros-siyskie-vzaimootnosheniya-v-imperskiy-period-na-stranitsah-uchebnikov-istorii-dlya-shkol-i-universitetov-kirgizii/>).

⁷⁶ Там же, с. 86.

важно для понимания механизмов формирования тех или иных исторических концептов, но почти не дает информации о востребованности, степени распространенности этих представлений среди различных категорий населения и об их влиянии на доминирующие типы идентичности. В том числе остается неясным вопрос о том, какими чертами наделен образ России у тех молодых людей, которые выросли в условиях преобладания в школьных программах новых, постсоветских подходов к анализу истории отношений Казахстана и Киргизии с Россией.

Автор исследования о типологии практик памяти в РК К. Медеуова констатирует, что сегодня востребована исследовательская позиция, «в которой память рассматривается не как исторический феномен, а как социальный, и которая акцентирует внимание на общественном характере и одновременно на индивидуальных, локальных культурных практиках памяти, на том, как они воплощаются в речи, популяризируются в средствах массовой информации»⁷⁷. Однако этот автор не приводит примеров того, как эти практики «воплощены в речи» конкретных людей.

Исторические представления очень важны для формирования наиболее распространенных среди граждан Казахстана и Киргизии моделей восприятия современной России, что приобретает дополнительную актуальность в условиях возросшей интенсивности взаимодействий между гражданами наших стран в рамках ЕАЭС. Именно поэтому автор данной главы, совместно с Н. Космарской, задавали в студенческих аудиториях вопросы о характере отношений России с Казахстаном и Киргизией на протяжении XVIII–XX вв. (в рамках дискуссий на 12 фокус-группах в 2016, 2017 и 2019 г. в Алма-Ате и в 2017 г. на 8 фокус-группах в Бишкеке)⁷⁸.

⁷⁷ Медеуова К. К вопросу о типологии практик памяти в Казахстане // Мир Большого Алтая. 2016. № 2. С. 456–457 (URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-vo-prosu-o-tipologii-praktik-pamyati-v-kazahstane/>).

⁷⁸ Описание научного проекта, частью которого были дискуссии со студентами двух стран, а также методологии и целей проведения фокус-групп представлено во введении к книге.

Фокус-группы проходили в виде полуструктурированных групповых интервью. Вопросы исторического характера не выделялись из общей канвы разговора, посвященного образу России в целом, и формулировались наиболее общим образом: «Что вы думаете об истории взаимоотношений Казахстана (Киргизии) и России?», «Какие события представляются вам наиболее значимыми для истории взаимодействия наших стран?».

Отдельные сюжеты в ходе ответов на эти вопросы обсуждались только в том случае, если собеседники хотели что-либо сказать по этому поводу, и опускались, если информантам они были неинтересны. Это делалось для того, чтобы последние специально не концентрировались на исторических сюжетах и не готовились их развивать в разговоре. Нам был интересен тот уровень знаний, образов и представлений, который вплетен в ткань обиходных понятий и актуализируется лишь под воздействием каких-то определенных мотивов. Кроме того, в этом случае создавалась возможность оценить, насколько часто нашим собеседникам приходится задумываться на исторические темы, по каким поводам это происходит.

В ходе анализа отношения к России со стороны молодежи Казахстана и Киргизии были выделены две основные категории, которые и определили логику изложения в данной главе. Во-первых, это те черты образа России в историческом нарративе, которые совпадали у молодых участников дискуссий из двух стран. Во-вторых, это те особенности восприятия России как субъекта отношений с Центральной Азией, которые заметно отличались у информантов. Раздельное рассмотрение очерченных мнений позволит нам выделить, помимо общих, специфические для каждой страны черты, что будет способствовать более полному пониманию факторов, влияющих на конструирование образа России.

Образ России в истории: общее в восприятии жителей двух стран

Молодежь Казахстана

Глубина образа России в истории, наполненность его представлениями, отражающими более частные исторические сюжеты, заметно различаются у студентов разной специализации, разного уровня подготовки и способности формулировать свое мнение. Например, в высказывании студента-этнолога исторического факультета из Алма-Аты есть не только общая оценка влияния России на Казахстан, но и анализ явлений, объясняющих и иллюстрирующих это влияние. Он осведомлен о многих событиях, последовательность которых иногда путает, но которые вряд ли известны среднестатистическому молодому человеку. В его речи присутствуют термины и риторические обороты, характерные для профессионального исторического высказывания; хотя они не всегда используются корректно, но тем не менее создают объемный образ, рисуемый воздействием России на жизнь Казахстана и казахов: «Например, реформы 1867–1868 гг.: Александр III [??? – И.С.] поделил Казахстан на три генерал-губернаторства. С одной стороны, это меняет уклад казахской традиции. С другой стороны, это хорошо, ведь Российская империя была во взаимосвязи с Европой, она была более развитой. Для Казахстана это явилось, наверное, плюсом. Но столыпинская аграрная политика, по моему мнению, была минусом для Казахстана, потому что земли отбирались, казахи убегали со своей родины в Китай, в другие страны, земли давали только переселенцам. Годы Первой мировой войны тоже отрицательно сказались на Казахстане, потому что, поскольку он сырьевая база, ему пришлось все свои силы вкладывать именно в эту войну, хотя он не имел к ней отношения, но ему пришлось помогать Российской империи».

Если говорить о содержательной стороне образа России у этого студента, то в целом он характеризуется отрицательными чертами, хотя и включает ряд положительных моментов.

Совсем по-другому описывается влияние России на Казахстан в высказывании студента технического университета из Алматы: «Россия стала завоевателем. Сколько всего Казахстан потерпел от этого. Это и голодовка была по всему Казахстану еще с XIX в. Если бы Казахстан не находился в составе России, СССР, может, нам бы не приходилось участвовать в Великой Отечественной войне, сколько казахстанцев погибло там. Поэтому Казахстан был использован Россией как сырье. Не только железо, пшеница, но и человеческие ресурсы. Российская культура здесь проникла корнями, казахстанцы, именно казахи, они не знают своего языка. Положительное, может, то, что Казахстан XVII–XIX вв. вел кочевой образ жизни, а в России уже ездили поезда, работали заводы, здесь этого не было. Да. Во-первых, стали появляться города. Монголия считалась великой, а сейчас там ничего нет. А так как время идет, страны развиваются».

Мы видим в этом высказывании общежитейскую лексику, попытку описать довольно сложные и драматические события, происходившие на протяжении двух веков, словами из повседневного обихода. Но и здесь, наряду с доминирующими отрицательными чертами образа России, присутствуют и положительные. Респондент не забыл упомянуть положительную роль России в модернизации жизненного уклада казахов.

Молодежь Киргизии

Сходная ситуация наблюдается и в высказываниях студентов из Бишкека. Независимо от уровня своей осведомленности о событиях прошлого и уровня владения русским языком студенты разных университетов используют для описания образа России в истории как положительные, так и отрицательные характеристики: «Взаимоотношения у нас были еще с XVIII в., как наши первые послы поехали. Изначально это было хорошо. Впоследствии того, что было у нас в 16-м году, это просто один год, у нас было плохо с Россией. А потом, я думаю, как Ленин пришел к власти, кстати, благо-

даря Ленину у нас появились книги, именно азбука наша благодаря Ленину» (киргиз, студент технического вуза).

В речи студентки гуманитарной специальности частного университета оценка влияния России более развернута, хотя используются бытовые выражения: «Есть ли минусы? Я бы даже сказала: 50х50. Потому что, во-первых, Киргизстан – это бывшая колония Российской империи, и со стороны Российской империи было очень много гнета и геноцида, но потом, с приходом советской власти, конечно, геноцида не было, но был национализм небольшой. Благодаря Ленину появился СССР, мы как бы независимые стали. Но Ленин нам и минусы дал: придумал сожительство». В ответ на уточняющий вопрос интервьюера студентка пояснила: «Брак же должен быть по религии, в церкви».

Совсем по-другому выглядит ответ студента-историка из Национального университета. В нем, несмотря на не очень свободное владение русским языком, переданы более тонкие оттенки как негативных, так и позитивных оценок влияния России, раскрываются источники их формирования. Делаются обобщения уже не узко-исторического, а общегуманитарного психологического характера, заметна экстраполяция отстраненных оценок в область индивидуальных эмоций: «В истории любой страны бывают хорошие и плохие моменты. У нас взаимоотношения с царской властью, с царской империей были нехорошие, большинство нехорошие отношения, но время прошло, власть поменялась, монархия распалась, стала советская власть, и тогда нам стало жить лучше, стало все справедливо. К таким народам, как мы, стали относиться лучше. Я ни в коем случае зла не держу, история есть история. Есть и плохие моменты, но хороших – больше. Особого негатива в сторону России нет».

Нетрудно заметить, что во всех высказываниях студентов из обеих стран (это касается не только упомянутых выше) соседствуют как отрицательные (которые в целом доминируют), так и положительные черты образа России в контексте ее роли в истории той или иной страны. Можно предположить, что такое восприятие России сформировано используемыми

в преподавании истории методическими установками, которые определяют, какие именно исторические события, связанные с Россией, включаются в число принятых к изучению и предполагают наиболее желательные варианты их интерпретации. В свою очередь, методические рекомендации опираются на озвученные властью модели восприятия прошлого.

Действительно, если мы обратимся к статье Н. Назарбаева «Рухани жаңғыру. Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания», опубликованной в апреле 2017 г., то увидим, что «во многом трагические для нашего народа уроки XX в.» описаны там следующим образом⁷⁹: «Во-первых, был сломан естественный путь национального развития и навязаны чуждые формы общественного устройства. Во-вторых, нанесен страшный демографический удар по нации. Удар, который сказался на протяжении целого столетия. В-третьих, едва не были утрачены казахский язык и культура. В-четвертых, территория Казахстана превратилась во многих регионах в территорию экологического бедствия».

Но тут же чуть ниже отмечается: «Конечно, в истории не бывает только черного и белого цвета. XX в. принес немало позитивного Казахстану. Это индустриализация, создание социальной и производственной инфраструктуры, формирование новой интеллигенции. Определенная модернизация произошла. Но это была модернизация территории, а не нации». Очевидно, что в этой статье необходимо было показать в целом отрицательный контекст «досуверенного» периода в истории страны, который и обусловил появление нового независимого национального государства. В то же время автору не хотелось, видимо, тотально противопоставлять советский и суверенный Казахстан, поскольку основы экономической и социальной инфраструктуры, политические и культурные институты, наконец, значительная часть ныне живущих граждан страны «родом из СССР», и они вряд ли могут или хотят игнорировать этот факт.

⁷⁹ Назарбаев Н. Рухани жаңғыру. Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания // Сайт Института истории и этнологии РК им Ч.Ч. Валиханова (URL: http://iie.kz/?page_id=1917&lang=ru/).

Близкие подходы к интерпретации истории можно найти и в текстах, рожденных на высшем уровне власти в Киргизии. Так, в своем указе, посвященном 100-летию трагических событий 1916 г., президент КР А. Атамбаев, сказав о «жесткой колониальной политике Российской империи, которая усугублялась злоупотреблениями царских чиновников и местных элит», подчеркнул, что «массовые волнения в Киргизстане приняли характер восстания, причем не против русского народа, а против царского колониализма. Выступления киргизов были поддержаны представителями других этносов. В Приисыккулье отмечались случаи, когда русские крестьяне открывали огонь против царских войск». В тексте указа далее отмечается, что «это национально-освободительное восстание киргизского народа должно занимать особое место в истории Киргизстана. Когда мы говорим об уроках, извлеченных из восстания 1916 г., мы не должны забывать, что суверенный Киргизстан рожден в рамках России и СССР»⁸⁰.

Таким образом, в тексте указа сделан акцент на том, что в современной Киргизской Республике отношение к колониальным властям Российской империи не тождественно отношению к русскому народу. Кроме того, специально оговорено, что в трагичной истории России и СССР лежит исток государственности страны. Конечно, такой подход исключает изображение России в истории КР только черными или только белыми красками.

Как мы видели выше, эта установка реализуется в исторических нарративах об имперском и советском периодах, изложенных в казахстанских и киргизстанских учебниках истории. Процитированные нами исследователи отмечают, что в них присутствуют и положительные, и отрицательные черты взаимодействия с Россией в имперское и советское время.

Содержание усвоенных школьных программ отражается и в представлениях об истории у людей, давно закончивших школы и университеты. Среди проинтервьюированных молодых людей в Алма-Ате (возраст 25–35 лет) встречаются самые

⁸⁰ Ворopaева В. А., Джунушалиев Д. Д., Плоских В. М. Россия – Киргизстан: история взаимоотношений... С. 89, 92.

разнообразные оценки роли России, и почти все они содержат и положительные, и отрицательные коннотации.

Есть мнения, склоняющиеся, скорее, к положительному образу России в национальной истории. Например, сотрудница кафе, казашка 30 лет с трудом подбирает слова, и это происходит не из-за плохого знания русского языка, а из-за того, что ей редко приходится выступать в роли эксперта по такому вопросу. Тем не менее она сразу вспомнила, что важной вехой в истории страны было «присоединение Казахстана к России. Я думаю, об этом помнят сейчас. Я думаю, это было хорошо для Казахстана. В любом случае, казахский народ стал более цивилизным, культура появилась, образование. Это лично мое мнение... Казахи всегда работали чабанами, жили в юртах, а тут началось... как правильно выразиться... Началось становление государства... Если раньше казахи были кочевым народом, то тут оседлые, начали строиться добротные дома».

Некоторые молодые люди сочетают в своем восприятии прошлого как усвоенные извне оценки, мотивы которых им не совсем понятны, так и характеристики, которые вполне ими понимаются и разделяются. Это видно из интервью с менеджером компании, казахом 30 лет:

«Р. (респондент): Конечно, были темные пятна. У казахов были, как бы сказать, политологи – Ахмет Байтурсынов, их пять.

И. (интервьюер): Это, скорее, политики, политолог – это тот, кто изучает, а они-то реальные политики были, они делали историю. Кого еще Вы знаете из этой группы?

Р.: Пятеро их было. Сакен Сейфуллин, по-моему.

И.: Тоже среди них, хотя он писатель. Еще Алихан Букейханов. Почему Вы про них говорите как про темные стороны?

Р.: Их объявили врагами народа.

И.: Вряд ли они были врагами народа.

Р.: Вряд ли.

И.: Вы считаете их невинно обвиненными?

Р.: Да.

И.: Сейчас об этом вспоминается? Как давно Вы про это говорили?

Р.: Если честно, нет.

И. Ваше окружение как-то вспоминает?

Р.: Я даже не знаю.

И.: Наверное, они также знают про эти репрессии?

Р.: Да.

И.: И в их глазах это перевешивает все плюсы?

Р.: Ну да.

И.: А были ли плюсы? Советский опыт Казахстана для нынешнего Казахстана – это хорошо или плохо?

Р.: Думаю, хорошо.

И.: Почему?

Р.: За счет этого у нас промышленность поднялась, пошло развитие в нефти, газе, в недрах наших, то есть уголь, металл; были открыты многие месторождения. Это было взаимосвязано, что мы все были в Союзе».

Заметно, что представление о репрессиях у респондента довольно приблизительное, он лишь помнит, что были осуждены невинные люди, которых он не знает, но сочувствует, возможно, просто по-человечески, не представляя себе их роли в истории страны. И гораздо увереннее он в аргументах, близких ему по роду деятельности: развитие производства, энергоресурсы. Возможно, поэтому люди подобных занятий легче усваивают и помнят позитивные свидетельства по истории советского Казахстана: они хорошо представляют приобретения Казахстана, поскольку окружены ими с детства, и плохо – утраты, поскольку они для большинства носят отвлеченный характер.

Образ России в истории: различия в восприятии жителей двух стран

Молодежь Казахстана

Из многих высказываний заметно, что для молодежи РК нет различий в восприятии советского и имперского периодов истории страны. Они отмечают как светлые, так и темные стороны событий на протяжении последних двухсот лет,

не противопоставляя друг другу царское или коммунистическое правительство в их отношении к Казахстану.

Студентка исторического факультета Национального университета в Алма-Ате, казашка, перечисляя примеры положительного или отрицательного влияния России на Казахстан, берет их из разных периодов истории, не видя разницы между ними и произвольно располагая их на воображаемой шкале времени: «В период голода, в период Первой Мировой войны и Отечественной войны погибло много казахов, именно сократилась численность нашего народа... В этом плане это огромный минус, потому что у нас огромная территория, можно сказать, она пустует. Я много слышала, даже мои родители говорили: 'Вот, у нас в советское время было образование, не то, что у вас', и все такое. Мне кажется, в этом плане огромный плюс для казахского народа. Я иногда думаю, если бы мы не объединились, может, мы и дальше бы ходили, кочевали. Возможно, так. Наверное, это плюс».

В речи студента того же факультета, казаха, советская власть пришла от Российской империи, и для него не важно, какие были отношения между противостоящими режимами в России. Для него важнее, как это сказалось на казахах: «Я считаю, когда в 30-х гг. кочевой образ хозяйства казахов перевели на оседлый образ жизни, это получилось большей частью насильственно советской властью, которая пришла от русских, от Российской империи; я думаю, это одна из главных точек в истории современных казахов. И это, с моей стороны, положительно, но для каждого как. Я считаю, этот процесс рано или поздно должен был произойти. А какой-то более отрицательный момент – это то, что во время колонизации в 1800-х гг. Российская империя начала полностью колонизировать наши земли. Но тут серое такое: были и хорошие, и плохие».

Лишь изредка встречается точка зрения, согласно которой советская власть, давшая возможность самоопределения казахам, сыграла более положительную роль в истории Казахстана по сравнению с предшествующим периодом. Но к этому выводу студент-историк Национального университета, казах, был в какой-то мере подведен интервьюером:

«Р.: Очень главная точка, когда с самого начала отношений, когда в XVIII в. ... хан написал правителю России, что он хочет, чтобы сотрудничали наши нации, и с тех пор у нас пошла интеграция, сблизилась народы. Еще важна точка, когда уже при советской власти Казахстан отделили в отдельную автономную республику сначала, нам дали какое-то право на самоопределение.

И.: По сравнению с предыдущим периодом?

Р.: По сравнению с предыдущим периодом.

И.: Создавать современного типа казахстанское государство?

Р.: Да.

И.: Это, скорее всего, положительно. А то как вы бы определили?

Р.: Присоединение?

И.: Да. Попробуйте определить в терминах хорошо или плохо.

Р.: В общем плане я считаю, что скорее плохо, потому что любая империя всегда пытается подавить какое-то мнение в регионах, свою точку зрения; в Российской империи много таких репрессивных действий прошло, много людей даже погибло из-за некоторых действий».

Чаше встречается мнение, как у студента Евразийского технического университета, казаха, что и «тоталитарный режим», и «монархия» – все это равно плохо, но все это было необходимо для развития Казахстана: «Казахстан и Россию объединяет общая история, начиная с того, как Казахстан вошел в подданство России. С этого момента начались их очень тесные взаимоотношения, Казахстана как колонии. Тем не менее мое личное мнение: без России Казахстан никогда не стал бы такой страной, какой является сейчас. Российская империя в то время оказала очень большое положительное влияние на развитие. Но есть и минусы. Это как в любой колонии, то, что это такой тоталитарный режим, монархия такая плохая, но без этого не было бы порядка, не было бы ничего, мне кажется».

Нужно отметить, что упоминание о темных временах сталинских репрессий, голода в период коллективизации

встречается почти в каждом высказывании казахстанских студентов. Даже если человек, подобно студентке Университета народного хозяйства, казашке, в целом воспринимает влияние России в положительном ключе, в его речи обязательно присутствуют эти характеристики советского времени: «Из негативных моментов хотела сказать про коллективизацию и сталинские репрессии. Последний раз мы их обсуждали в школе. Сталинские репрессии. На уроках казахской литературы мы обсуждали писателей, поэтов, которые погибли в это время. Мы потеряли цвет нашей нации, интеллигенцию. А коллективизация тоже во время уроков казахского языка, когда говорили, что половина населения Казахстана в то время погибла. Из позитивных моментов, я считаю, нас объединяет Великая Отечественная война, память о ней. Почти в каждой семье в Казахстане и в России есть ветераны или люди, которые работали в тылу во время войны. И еще один объединяющий момент – русский язык, русская культура, русская литература; то, что мы ее изучаем в школе, мы знаем всех великих русских писателей, гордимся ими, как нашими».

Говоря о голоде как результате политики насильственной коллективизации в Казахстане, студенты чаще используют слово «голодомор», хотя в казахстанском дискурсе, в том числе русскоязычном, давно существует эпитет «ашаршылык» с тем же содержанием и эмоциональным наполнением. Еще нужно отметить, что, судя по высказываниям молодых людей, исторические темы не являются для них постоянно обсуждаемыми, наполненными семейными историями, личными переживаниями. Вот как это выглядит в речи студентки Казахско-Британского университета, казашки:

Р.: Я бы отметила голодомор и репрессии сталинские.

И.: Когда вы последний раз говорили про голодомор?

Р.: В 2014 г. я была на конференции про голодомор, это было в Канаде, вот тогда последний раз.

И.: Я имею в виду, в семье?

Р.: В семье не помню, когда последний раз.

И.: Но все-таки для вас это актуально. Что еще?

Р.: Из положительных – единый язык, литература, то есть мы знаем авторов, писателей. Для студентов, когда по-иски какой-то литературы, постоянно используем русский язык. Это основное.

И.: Это хорошо или плохо?

Р.: Это, конечно, хорошо в плане обогащения культурой. Через русский язык может быть обмен с иностранным, кто не знает английского языка. Если о себе, я использую и русский, и казахский, и английский, и сравниваю постоянно».

Можно было бы предположить, что обращение к слову «голодомор» в речи данной студентки объясняется ее поездкой на специальную конференцию. Но его используют и другие студенты. Также отметим, что критика темных сторон общей с Россией истории в период колониальной политики царизма и коммунистического тоталитаризма совершенно не означает неприятия русского языка и русской культуры. Нельзя не упомянуть и о том, что ни один из участников 12 студенческих фокус-групп в Казахстане не упомянул о восстании 1916 г., что выглядит контрастным по сравнению с высказываниями молодежи второй изучаемой страны.

Молодежь Киргизской Республики

Здесь практически ни одно высказывание о роли России в истории страны не обошлось без упоминания о событиях 1916 г., вне зависимости от общего контекста разговора, положительной или отрицательной по отношению к России коннотации. При этом почти всегда подчеркивается, что 1916 г. – это время плохих отношений с Россией, а потом, в советское и особенно постсоветское время они стали хорошими: «Наверное, отношения Россией – это для нас полезно, эта дружба для нас полезна. Раньше мы русских ненавидели – в 16-м году, сложные времена были. В истории это было, фильмы есть. Это очень известная дата. Многие киргизы погибли в это время, много потерь было. Но к современной России это

не относится. Раньше же не было такой власти, сейчас другая власть» (студент частного университета, киргиз).

Еще понятнее мотивы противопоставления восстания 1916 г. и хороших в целом отношений с Россией проявились в следующем высказывании: «Раньше тоже так [хорошие отношения с Россией – И.С.] было, только 16 год, когда был Уркун [исход киргизов с мест традиционного кочевания на территорию Китая, подальше от репрессий после подавления восстания 1916 г. – И.С.], а в основном у нас хорошие, потому что у нас мигранты в основном в Москве, в Санкт-Петербурге работают, а в Киргизстане много русских» (студент инженерного факультета частного вуза, киргиз). Для студентов технических специальностей, которые не привыкли к доводам отвлеченного характера, все ясно: «Если мы с Россией взаимно зависим друг от друга, значит, восприятие совместной истории должно быть в целом положительным, чтобы не осложнять современных взаимодействий».

У студентов-историков оценка того или иного периода зависит не от прагматики сегодняшнего дня, а от его роли в становлении страны в целом, но при этом видно, что важной для формирования мнения является также информация, обсуждаемая в семье: «Киргизстан был колонией России. Мы жили в составе России. В составе были с 1809. Это хорошо. Если бы не Россия, сейчас не было бы государства. В советский период – не знаю. Родители говорят, что в советское время было хорошо, все было дешево» (студент Национального университета, киргиз). Его сокурсник формулирует свое отношение к России, исходя из ситуации, складывающейся для «нас» (киргизов) в целом:

«Я считаю, что взаимоотношения Киргизстана и России были по-разному. До советского периода были очень трудные моменты для киргизов. В советский период нам стало немножко легче с экономикой, но нашу культуру русские запретили, нельзя было использовать свои традиции». Советский период воспринимается тут не как исключительно благоприятный для киргизов.

Однако чаще встречаются более однозначные оценки. Колониальный, мрачный и трагический период противопоставлен советскому, который много дал республике:

– «С Россией было плохо, а потом Ленин пришел к власти, появились книги и азбука»;

– «Взаимоотношения с царской империей были нехорошие, но время прошло, власть поменялась, монархия распалась, стала советская власть, и тогда нам стало жить лучше, стало все справедливо».

Даже в речи тех студентов, которые убеждены в общей негативной роли России в истории КР, присутствует подчеркнутое противопоставление досоветского и советского периода, как это своеобразно было выражено в уже приводимом ранее интервью студентки-гуманитария из частного университета. В ее логике Российская империя – это абсолютное зло, «гнет и геноцид». Потом была советская власть – «не геноцид, национализм небольшой». Далее следует признание, что после того как «Ленин создал СССР, мы как бы независимые стали». Но поскольку от России в основном исходит зло, то и от Ленина минус – «разрешил сожительство», т.е. упразднил обязательность фиксации брака в религиозных учреждениях. Возможно, так респондентка выразила свое неудовольствие разрушением прежнего уклада жизни.

В итоге получилась довольно сложная схема, хотя, казалось бы, можно было просто сказать, что Россия всегда негативно влияла на республику. В принципе наша собеседница это и сказала, но в своем ответе не смогла удержаться от упоминания о том, что отрицательное влияние было разным до и после революции. Очевидно, подобное «разведение» двух периодов настолько важно в курсе преподавания истории КР, что оно воспроизводится в ответах абсолютного большинства студентов независимо от глубины знания ими исторического материала и отношения к роли России в истории страны. Это отличает восприятие России как субъекта национальной истории студентами Киргизии от позиции студентов Казахстана.

Взгляды студентов как отражение национальной политики памяти

Таким образом, студентов двух стран объединяет осведомленность и о темных, и о светлых сторонах влияния России на развитие республик; стремление избежать однозначных оценок; отсутствие в большинстве случаев отождествления Российской империи, СССР и современной России, а также перенесения на современную Россию и русских критического отношения к некоторым аспектам казахско-русского взаимодействия в прошлом.

В то же время образ России как фактора национальной истории заметно отличается у студентов двух стран. Во-первых, для студентов КР важно осознание революции 1917 г. как переломного момента в истории отношений с Россией, после которого трагический колониальный период сменился временем обретения и становления национальной государственности. Во-вторых, у студентов разные представления о «краеугольном камне» национального исторического нарратива, структурирующего элемента коллективной памяти. В Казахстане это голод 1930–1932 гг. и, шире, сталинские репрессии, в Киргизии – трагические события 1916 г.

Причины сходства в восприятии образа России как фактора национальной истории у студентов двух стран вполне очевидны. Это следствие целенаправленной политики руководства двух стран в сфере исторической памяти:

- поддержание определенного баланса в критических и комплиментарных оценках общего с Россией прошлого;
- включение в исторический нарратив как трагических событий, призванных представить «наш народ» жертвой колониализма и тоталитаризма и объяснить тем самым стремление к обретению независимости, так и свидетельств положительного влияния России и русских на различные стороны социально-экономического и культурного развития;
- использование в учебных текстах по истории формулировок и комментариев, позволяющих исключить отождествление ныне существующих государств и народов с фактами

национальной истории, имеющими отрицательные коннотации в исторической памяти.

Кроме того, на отсутствие единообразного однозначного восприятия «северного соседа» гражданами двух стран влияет возможность иметь собственное мнение об истории и современной жизни России, возникающая в ходе интенсивного миграционного и информационного обмена в рамках ЕАЭС.

Причины же, обуславливающие отмеченное несовпадение образа России в восприятии студентов из Бишкека и Алматы, не столь очевидны. На первый взгляд, в учебных текстах, которыми пользуется молодежь двух стран, много общего. Перечисляются одни и те же этапы в отношениях с Россией: присоединение/завоевание, колониальная политика, восстание 1916 г., установление советской власти, развитие национальной государственности, политические репрессии и т.д. Но при более пристальном рассмотрении можно заметить, что в киргизстанских учебниках тема становления национальной государственности после событий 1917 г. прописана более основательно, ее изучению уделяется больше времени, а в изложении материала присутствует больше определений нейтрального или даже позитивного характера.

Например, в учебнике для вузов «История Казахстана» А. Кузембайулы и Е.А. Абиля отношение к смене власти в 1917 г. однозначно: «После Октябрьского переворота на территории Казахстана формировался тоталитарный режим, т.е. колониальная система России трансформировалась в советскую»⁸¹. В учебнике «История Казахстана» для 9-го класса средней школы формулировки, соответственно возрасту учащихся, не столь жестки, но и там смена власти в Петрограде описывается в параграфе под названием «Казахстан накануне и в период Октябрьского переворота 1917 г.»⁸².

⁸¹ История Казахстана. Учебник для вузов. 8-е изд., перераб. и доп. Костанай: Костанайский региональный институт исторических исследований, 2006. С. 349.

⁸² Козыбаев М.К., Нурпеис К.Н., Жукешев К.М. История Казахстана (с начала XX в. по настоящее время). Учебник для 9 кл. общеобразоват. шк., 3-е изд., перераб. и доп. Алматы: Мектеп, 2013. С. 27.

В учебнике же «История Киргизстана» М. Иманкулова при описании событий 1917 г. хотя и используется слово «переворот», но тут же отмечается, что «это закрепилось в истории под названием Великой Октябрьской социалистической революции»⁸³. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что в отличие от казахстанских, в киргизстанских учебниках истории заметно желание сохранения преемственности в использовании терминологии в соответствии с традициями советской историографии. Возможно, это объясняется распространенностью в местном обществе представлений о положительном вкладе Октябрьской революции в развитие КР, с привычными для большинства нормами словоупотребления. Не случайно праздничные дни 7 и 8 ноября (годовщина Октябрьской революции) сохранялись в Киргизии до 2017 г., когда были отменены специальным указом президента и стали «Днями истории и памяти предков»⁸⁴. И хотя далее по тексту упомянутого учебника большевики отнюдь не идеализируются, а многие инициативы (особенно в кадровой политике) новой власти на местах жестко критикуются, автор все же признает, что разочарованные во Временном правительстве «киргизы в большинстве своем стали на сторону советской власти и всемерно ее поддерживали»⁸⁵.

Различны в текстах учебников истории двух стран позиции по отношению к советской власти как фактору формирования «национальной государственности». В учебнике «История Казахстана» для вузов авторы признают это вскользь: «При всех очевидных негативных последствиях этого процесса [установления советской власти – И.С.] именно при советском режиме был юридически закреплён новый статус Казахстана как автономного образования, послуживший базой для дальнейшей конституционной эволюции республики,

⁸³ Иманкулов М. К. История Киргизстана (XX–XXI вв.). 9 кл., учебник для общеобразоват. школ. Бишкек, 2014. С. 13.

⁸⁴ Бешенбек кызы Э. Как в России отреагировали на указ о новых праздниках // Радио Азаттык. 27.10.2017 (URL: <https://rus.azattyk.org/a/28819601.html/>).

⁸⁵ Иманкулов М. К. История Киргизстана (XX–XXI вв.)... С. 24.

вплоть до провозглашения независимости»⁸⁶. Единственный параграф, где сообщается об этом, называется «Образование КАССР», а две главы, которые описывают события 1917–1937 гг., соответственно, «Казахстан в годы гражданского противостояния (1917–1921 гг.)» и «Казахстан в период укрепления тоталитарной системы».

В учебнике М.К. Козыбаева для школьников этой теме посвящен один параграф «Восстановление казахской национальной государственности» в главе «Национальное движение. Советы в Казахстане. Гражданская война. Казахстан в первой половине 20-х гг. XX в.», входящей во вторую часть под общим названием «Казахстан в условиях советского тоталитарного режима».

Иной подход в учебнике «История Киргизстана» М. Иманкулова. Становлению национальной государственности посвящены два параграфа: «Установление Советской власти в Киргизстане и попытки создания национальной автономии» в главе «Киргизстан в годы революционных преобразований»; «Становление и развитие киргизской национальной государственности» в главе «Киргизстан в годы новой экономической политики (1921–1928 гг.)». О тоталитарном режиме и репрессиях рассказывает один параграф «Установление тоталитарного режима в Киргизстане» в главе «Киргизстан в решающее десятилетие (1929–1941 гг.)».

Трудно не обратить внимания на два обстоятельства: во-первых, в учебниках по истории Казахстана подчеркивается, что октябрьский переворот не имел судьбоносного значения для государственности Казахстана, а смена власти в России не сильно изменила ситуацию для казахов. Ведь речь шла не о возникновении или создании, а лишь о воссоздании государственности казахов. Очевидно, говоря о воссоздании, авторы учебников имели в виду казахское ханство XV–XVIII вв. Во-вторых, события октября 1917 г. явились лишь частным моментом в общем процессе установления тоталитарного режима, который повлек за собой неисчислимые бед-

⁸⁶ История Казахстана. Учебник для вузов... С. 264.

ствия для казахов, включая массовый голод начала 1930-х гг. и политические репрессии. Понятно, что изучаемый в таком контексте исторический материал не оставляет в памяти студентов и школьников каких-либо представлений о значимости революции 1917 г. для Казахстана и казахов, для последующего развития страны.

Совсем по-другому выглядит ситуация в учебниках истории Киргизии, где речь идет о «создании, становлении и развитии киргизской национальной государственности» в ходе противоречивых событий, определяемых как «революционные преобразования» и «решающее десятилетие». Общую положительную коннотацию материала в таком изложении не изменяет даже присутствие одного параграфа, посвященного тоталитаризму и политическим репрессиям. В такой подаче они выглядят досадными недоразумениями на пути поступательного развития страны и народа. Неудивительно, что для студентов КР все, что связано с Октябрьской революцией и советской властью, имеет большое значение, что и отразилось в их исторических представлениях.

В учебниках обеих стран говорится и о восстании 1916 г., и о политических репрессиях, но масштаб их влияния на судьбы страны и народа воспринимается сегодня по-разному. В Казахстане в ходе подавления восстания 1916 г. погибли несколько тысяч человек и более 200 тыс. были вынуждены откочевать в Китай, но последующие жертвы, понесенные казахами в ходе насильственного оседания и последующего массового голода, который унес более миллиона человек умерших и откочевавших, конечно, оставили в коллективной памяти гораздо более мрачный след. К тому же социалистические преобразования и индустриализация привели к тому, что в результате массовой миграции извне строителей, специалистов, целинников, а также заключенных и депортированных, казахи стали меньшинством в республике.

В период независимости власти учитывали все названные моменты в своей коммеморативной политике. День 31 мая в 1997 г. стал в РК Днем памяти жертв политиче-

ских репрессий⁸⁷, по всей стране открывались и продолжают открываться музеи, посвященные этим событиям⁸⁸, а в 2017 г. в Алма-Ате был открыт Памятник жертвам голода 1931–1933 гг.⁸⁹ С 1996 г. были изданы десятки книг, сотни статей, посвященных как политическим репрессиям в целом, так и трагедии насильственной коллективизации и массовому голоду. Эти события получили свое отражение в художественных фильмах, а в 2019 г. на экраны вышел документальный фильм «Зулмат» («Бедствие»), снятый при участии украинских коллег, что, возможно, наложило свой отпечаток на некоторые оценки создателей фильма.

В Киргизии же основные усилия в рамках политики памяти были направлены на увековечивание памяти жертв Уркуна, т.е. погибших в результате репрессий властей после восстания 1916 г. и в результате откочетов на территорию Китая. По разным данным, тогда погибло от нескольких десятков до нескольких сот тысяч человек. Этому событию был посвящен специальный Указ президента Киргизской Республики⁹⁰, проведено множество конференций, выпущены книги. В Караколе (бывшем Пржевальске), где взаимное ожесточение повстанцев, русских поселенцев и властей достигло наибольшей степени, открыт мемориал жертвам Уркуна⁹¹.

Эти усилия не пропали даром, поскольку апелляции к восстанию 1916 г. встречаются при оценках роли России в истории Киргизии почти у каждого студента – участника исследования в Бишкеке, тогда как в Казахстане это место

⁸⁷ 31 мая в Казахстане – день памяти жертв политических репрессий // Информационное агентство Казинформ. 31.05.2015 (URL: https://www.inform.kz/ru/31-maya-v-kazahstane-den-pamyati-zhertv-politicheskikh-repressiy_a2781739/).

⁸⁸ Садешев А. Музей памяти жертв политических репрессий открыли под Алматы // Новостное агентство nur.kz. 27.12.2018 (URL: <https://www.nur.kz/1770653-muzej-pamati-zertv-politicheskikh-repressij-otkryli-pod-almaty.html/>).

⁸⁹ В Алматы установили памятник жертвам голода 1931–1933 гг. // Sputnik. 31.05.2017 (URL: https://m.ru.sputniknews.kz/society/20170531/2387716/v-almaty-ustanovili-pamyatnik-zhertvam-goloda-1931-1933-godov.html?mobile_return=no&fbclid=IwAR1OgVzn9aLemNhBYBrlu87q9XBOtjy7HPpZvnRJmaBC4dxVkt2tzuvs3Y/).

⁹⁰ См. прим. 26.

⁹¹ В Караколе появился 16-метровый мемориал жертвам Уркуна 1916 г. // Sputnik Киргизстан. 27.08.2016 (URL: <https://ru.sputnik.kg/society/20160827/1028795690.html/>).

занимает голод и политические репрессии. Таким образом, различия в видении России как субъекта национальной истории студентами Казахстана и Киргизии объясняются разными подходами властей двух стран к политике памяти.

Предпочтение того или иного события в качестве ключевого для национального исторического нарратива обусловлено несколькими факторами. Среди них главную роль играет масштаб влияния этого события как на судьбу страны и народа, так и на коллективную память (через семейные истории, предания и т.д.). Важно и понимание того, насколько то или иное событие уместно в конструировании национальной идентичности и укреплении внутреннего единства страны и добрососедских отношений с другими странами. По этим критериям восстание 1916 г. и голод 1931–1933 гг. не могут играть равнозначную роль в политиках памяти в Киргизии и Казахстане, что и отразилось в расхождении мнений студентов.

В то же время существует мнение о том, что меньшая значимость для Казахстана 100-летнего юбилея событий 1916 г. была связана с негласным запретом на его широкое «вспоминание» из-за нежелания обострять отношения с Россией. Так, один из экспертов в Алма-Ате, историк, отметил следующее: «А что касается восстания 16-го года, тут есть такая тонкость. Люди в Киргизии более свободны, но, я бы сказал, они более бестактны. Они поднимают все вопросы; все, что хотят. Восстание 16-го года у нас не поднимали именно потому, чтобы не портить ни в коем случае отношения с Россией. Это такой некий консенсус снизу и сверху. Хотя казахские националисты долго муссировали между собой, они все время поднимали этот вопрос и даже выступали, почему наше правительство оставило эту замечательную столетнюю дату без внимания. Когда я коллег из КазНУ спрашивал: а вы ничего не делаете к столетию, они отвечали: сам знаешь, тема такая...».

По мнению журналиста-политолога (Алма-Ата), «актуализация всех этих процессов – она шла. В этом году [в 2016 г. – И.С.], может быть, впервые за многие годы был большой, мас-

сированный десант российских историков, связанный с 16-м годом. Поскольку много наших друзей-коллег есть и в России... мне сказали, что была записка и отсюда, и оттуда, что 16 год будет воспринят как 'долой Россию' и т.д. Но ничего же не было. Прошло нормально. Огромное количество конференций прошло и т.д.». Действительно, трудно утверждать, что событие активно пытались «замолчать». Были многочисленные публикации, научная конференция, массовые зрелищные памятные мероприятия в некоторых регионах, например, в Алма-Атинской области⁹². Конечно, их масштаб несравним с размахом мероприятий, связанных с памятью о жертвах репрессий 1930-х гг., что объясняется коммеморативной политикой в РК на протяжении последних 20 лет. На наш взгляд, подобные мнения о способности и желании России влиять на содержание мероприятий, проходящих в Казахстане, сами являются составляющей образа России в представлении части экспертного сообщества.

* * *

В качестве выводов отметим следующее. Образ России имеет важное, в чем-то конституирующее значение для национальной истории двух стран. Прибегая к идеям преодоления колониализма и тоталитаризма, власти конструируют логику развития страны от зависимого положения к обретению независимости. Исторический нарратив в обеих странах содержит упоминание о том, что само (вос)создание национальной государственности произошло в рамках процессов, инициированных внутри российского государства.

⁹² Акимбеков С. 1916 г.: сто лет как один день // 365info.kz. 29.10.2016 (URL: <https://365info.kz/2016/10/1916-god-sto-let-kak-odin-den/>); Татия К., Бисенбаев А. Казахское восстание 1916 г.: этнический конфликт или антиколониальная борьба // Central Asia Monitor. 03.08.2014 (URL: <https://camonitor.kz/12579-kazahskoe-vosstanie-1916-goda-etnicheskiy-konflikt-ili-antikolonialnaya-borba-kultprosvet-video.html/>); Национально-освободительное восстание 1916 г. в Казахстане // Портал История Казахстана. 14.11.2017 (URL: <https://e-history.kz/ru/contents/view/287/>); Живая память: 100 лет со дня восстания 1916 г. в Казахстане // MIX Tengrinews. 05.08.2016 (URL: <https://mix.tn.kz/mixnews/jivaya-pamyat-100-let-dnya-vosstaniya-1916-goda-kazahstane-299966/>).

Мнение молодежи отражает сложность и многогранность образа России как важного субъекта национальной истории. Особенности риторики и аргументации студентов говорят о том, что для них невозможна монохромная оптика в восприятии России. Буквально каждый ответ включал в себя поиски баланса плюсов и минусов, темных и светлых сторон. Специфические черты образа России в истории, отличающиеся у студентов Казахстана и Киргизии, обусловлены особенностями политики памяти в каждой стране, а не какими-либо усилиями самой России.

Доминирующие сейчас черты образа России как важного субъекта исторического процесса не способствуют формированию в молодежной аудитории массовых устойчивых фобий в отношении нынешней Российской Федерации, ее граждан, русских и т.д. Большинство ответов продемонстрировали отсутствие переноса эмоций по поводу трагических событий, связанных с Российской империей, СССР и русскими, на уровень личных представлений и стереотипов о современной России и ее жителях (тем более что многие граждане Казахстана и Киргизии имеют опыт регулярного личного общения с ними⁹³). Из ответов студентов также видно, что обсуждение вопросов, связанных с восприятием прошлого, происходит чаще всего в учебное время или на специальных мероприятиях, редко становясь темой частных разговоров.

Однако это не означает, что ситуация не может измениться. Выше было показано, как в Киргизии недавно изменился статус Октябрьской революции (сопряженные с ней даты стали Днями истории и памяти предков, которые все больше будут ассоциироваться с событиями 1916 г.). Это, несомненно, приведет к изменениям общественного понимания роли октябрьских событий 1917 г. в становлении национальной государственности.

Работа в парламенте КР по «открытию архивной информации, касающейся политических репрессий советского пери-

⁹³ Представления казахстанских студентов о современной России и ее жителях, в том числе и основанные на личном опыте посещения нашей страны, проанализированы в гл. 1.

ода, и совершенствованию законодательства о реабилитации репрессированных» с большой вероятностью будет способствовать изменению отношения к некоторым категориям ранее репрессированных («басмачи», террористы и другие борцы с советской властью). Скорее всего, это повлечет за собой иное восприятие советской власти у части граждан и возрастание исторических претензий к стране, ставшей источником страданий новых «жертв режима».

Российским исследователям совместно с казахстанскими и киргизстанскими коллегами необходимо более активно работать над объективным изложением и корректной интерпретацией вновь публикуемых документов, чтобы избежать демонизации советского периода и искажения образа России в восприятии населения стран Центральной Азии, в том числе и в глазах подрастающих поколений.

Глава III

ОТНОШЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ КАЗАХСТАНА К ЕВРАЗИЙСКОМУ ЭКОНОМИЧЕСКОМУ СОЮЗУ

Евразийский экономический союз (ЕАЭС), как и все его предшественники – разного рода межгосударственные альянсы и объединения бывших советских республик, с самого своего основания в 2015 г. находится под пристальными взорами экспертов и жителей как стран-членов союза, так и соседних государств. Это неудивительно, поскольку в рамках ЕАЭС объединены экономические, политические и социокультурные связи 183 млн жителей Евразии.

Тем более не вызывает удивления то разнообразие мнений и оценок деятельности ЕАЭС, которое встречается в научной и публицистической литературе. Если российские авторы особое внимание уделяют экономической составляющей деятельности союза (см., напр., работы и выступления Н. Зиядуллаева, А. Кнобеля, Ю. Кофнера⁹⁴), то коллеги из других стран чаще обсуждают политические и юридические аспекты, считая геополитическую сторону деятельности ЕАЭС основной⁹⁵.

⁹⁴ Зиядуллаев Н. Евразийский экономический союз в контексте российской интеграционной стратегии // Общество и экономика. 2016. № 8. С. 7; Кнобель А. Евразийский экономический союз: перспективы развития и возможные препятствия // Вопросы экономики. 2015. № 3. С. 93; Кофнер Ю. Основы Евразийского экономического союза. 24 апреля 2017 г. // Евразийские исследования (URL: <http://eurasian-studies.org/archives/3346/>).

⁹⁵ Popescu N. Eurasian Union: The Real, The Imaginary and The Likely // Chailott Papers. September 2014. EU Institute for Security Studies. Paris, 2014, P. 43; Petrov R., Kalinichenko P. On Similarities and Differences of the European Union and Eurasian Economic Union Legal Orders: Is There the "Eurasian Economic Union Acquit"? 43(3) Legal Issues of Economic Integration. Kluwer International, 2016. P. 307 (URL: <http://www.kluwerlawonline.com/abstract.php?area=Journals&id=LEIE2016014>»).

Между тем, на парламентских слушаниях «Трёхлетие подписания Договора о ЕАЭС и инициативы российского председательства в 2018 году», при участии министров Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) была обнародована информация о том, что взаимная торговля стран ЕАЭС по итогам января-октября 2017 г. выросла по сравнению с аналогичным периодом прошлого года на 26,7%, причем увеличение произошло по большинству товарных позиций. Особенно это значимо на фоне падения взаимной торговли на 40 и 15% в 2015 и в 2016 г. Положительная динамика, отмеченная в 2017 г., интерпретируется экспертами ЕЭК как результат развития экономических связей внутри ЕАЭС⁹⁶. По итогам 2018 г. был отмечен рост взаимной торговли внутри ЕАЭС еще на 11%⁹⁷.

Осторожный оптимизм вызывала деятельность ЕАЭС в 2017 г. и у жителей Казахстана, насколько можно судить по итогам ежегодного исследования, проведенного Евразийским банком развития (АБР)⁹⁸. Согласно этим данным, в Казахстане в 2017 г. 76% опрошенных относились к ЕАЭС положительно и безусловно положительно. Это на 2% больше, чем годом раньше, хотя все еще меньше, чем в 2015 г., когда так думали 80% опрошенных казахстанцев (с. 9).

Похожим образом выглядит динамика мнений и по другим показателям. Так, 55% респондентов из Республики Казахстан (РК) предпочитают среди иностранных товаров товары из России, страны-инициатора создания ЕАЭС. В 2015 г. таких было 60%, в 2016 – 49% (с. 45). В списке стран, откуда был бы наиболее предпочтителен приток инвестиций, приход компаний, предпринимателей, Россия стоит на первом месте; так думали в 2017 г. 39% казахстанцев (в 2016 г. 37%, в 2015 – 47% (с. 48). Таким образом, можно считать, что по данным Интеграционного барометра ЕАБР, трехлетняя тенден-

⁹⁶ ЕЭК подвела итоги трехлетия ЕАЭС. Сайт Евразийской экономической комиссии. 25 декабря 2017 г. (URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/25-12-2017-1.aspx>).

⁹⁷ ЕАЭС: итоги 2018 года. Международное информационное агентство KAZINFORM. 30 декабря 2018 г. (URL: https://www.inform.kz/ru/eaes-itogi-2018-goda_a3480552).

⁹⁸ Интеграционный барометр ЕАБР – 2017. СПб: ЦИИ ЕАБР, 2017 (URL: <https://eabr.org/integratsionnyy-barometr-eabr-2017>).

ция снижения доброжелательного отношения казахстанцев к деятельности ЕАЭС демонстрирует неустойчивость: в 2017 г. она замедлилась и даже сменилась на противоположную, но пока в незначительных масштабах, поскольку показатели 2015 г. все еще не достигнуты.

Россия и ЕАЭС остаются лидерами предпочтений казахстанцев также в политической и социокультурной сферах. В 2017 г. 81% респондентов назвали Россию «дружественной страной, на которую можно опереться» (в 2016 г. было столько же, в 2015 г. – 84%) (с. 11). Россия на первом месте среди стран мира, куда казахстанцы хотели бы поехать поработать (так думают 21% опрошенных) и переехать на постоянное место жительства (17%) (с. 56), а также среди стран, где жители Казахстана хотели бы получать образование (24% респондентов) (с. 69). По этому показателю она опережает даже Великобританию и США. Нужно отметить, что среди опрошенных в рамках того же исследования жителей Таджикистана и Киргизии популярность России в качестве страны, куда они хотели бы поехать учиться или работать, еще выше.

Тем не менее известно, что не все казахстанцы благожелательно настроены по отношению к ЕАЭС и к сотрудничеству с Россией. Накануне подписания договора об образовании ЕАЭС активисты организовали и провели в Алма-Ате антиевразийский форум, протестуя против вхождения Казахстана в эту организацию⁹⁹. Исследователи отмечали не всегда обоснованное беспокойство части элиты Казахстана по поводу слишком большого влияния России на политические процессы в стране¹⁰⁰. Еще более откровенные страсти кипели и продолжают кипеть в казахстанских социальных сетях по поводу самых разных аспектов взаимодействия Казахстана и ЕАЭС: от невыгодности этого союза для казахстанской экономики до необходимости отказа от совместного с Россией и другими странами празднования Победы в Великой Отечественной войне.

⁹⁹ *Laruelle M.* Which Future for National-Patriots. The Landscape of Kazakh Nationalism // *Kazakhstan in the Making. Legitimacy, Symbols and Social Changes* / Ed. by M. Laruelle. Lexington Books, 2017. P. 164.

¹⁰⁰ *O'Beachain D., Kevlihan R.* Threading a Needle: Kazakhstan Between Civic and Ethno-Nationalist State Building // *Nation and Nationalism*. 2013. Vol. 19. N2. P. 347.

Отдельная тема – слишком большая роль в Казахстане российских СМИ и влияние их на формирование общественного мнения внутри страны. О том, что власти страны озабочены созданием патриотических развлекательных передач для молодежи, чтобы вывести ее из-под влияния Москвы, пишут как зарубежные исследователи¹⁰¹, так и их коллеги в РК. В одном из подобных исследований цитируются высказывания местных журналистов, где они говорят о том, что «казахстанцы сталкиваются с агрессивной кремлевской пропагандой»¹⁰².

Из сказанного понятно, что отношение в Казахстане к ЕАЭС и к России как его главной движущей силе остается весьма неоднозначным. Но как это соотношение негативного и позитивного восприятия распределяется по разным группам населения, какие условия и ситуации влияют на формирование у людей той или иной позиции, из вышеупомянутых исследований понять довольно сложно. Именно поиски ответов на эти вопросы стали задачей данной главы, в которой анализируется восприятие экономической деятельности ЕАЭС, представленное преимущественно двумя категориями казахстанцев. Во-первых, это «обычные люди», т.е. те граждане, деятельность которых не связана с анализом социально-политических сюжетов; во-вторых, это эксперты – исследователи-гуманитарии, преподаватели и журналисты. Иногда в этой роли выступали бизнесмены и люди творческих профессий (художники, режиссеры), равнодушные к сложившейся в стране ситуации и охотно делившиеся своим мнением.

По роду занятости «обычные люди» чаще всего оказывались менеджерами, работниками кафе, секретарями, учителями, таксистами, механиками, студентами. По возрасту среди наших собеседников в обеих категориях преобладали люди 30–50 лет с небольшим включением тех, кто несколько младше

¹⁰¹ *Laruelle M.* In Search of Kazakhness: The Televisual Landscape and Screening of Nation in Kazakhstan // *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*. 2015. Vol. 23. N3. P. 340.

¹⁰² *Маринин С.* Конкурентоспособное телевидение как фактор информационной безопасности Казахстана: проблемы и поиск решений. Программа для молодых исследователей в области публичной политики Фонда Сорос-Казахстан. 2016. С. 27. (URL: http://ru.soros.kz/uploads/user_68/2016_08_11_02_57_07_341.pdf).

или старше. Большинство респондентов имели высшее образование, независимо от профессии. Среди «обычных людей» доля имевших среднее образование не превышала 25%.

Мнения экспертов и «обычных людей» рассматриваются нами отдельно, чтобы отчетливо было видно влияние профессионального статуса респондентов. В отличие от предыдущих публикаций И. Савина и Н. Космарской по материалам исследования¹⁰³, в данной главе не используются высказывания жителей Петропавловска, поскольку территориальная близость границы с Россией создает специфический контекст (взаимодействие с Россией там носит повседневный характер), влияющий на умонастроения и поведенческие стратегии жителей региона.

В отличие от деперсонализированных анкет, используемых при массовых опросах, в ходе проведения фокус-групп и индивидуальных интервью исследователи имели возможность сопоставить ответы респондентов с уже известными обстоятельствами их личной судьбы. Далее, хотя ЕАЭС в публичном пространстве предстает прежде всего как организация, нацеленная на экономическую интеграцию, решено было не исследовать собственно хозяйственные итоги деятельности союза, поскольку большинство людей в своей повседневности вряд ли учитывает макроэкономические показатели из ежегодных отчетов объединения.

Эксперты в поддержку ЕАЭС: мнения и аргументы

Часть экспертов уверена в экономической пользе ЕАЭС для стран-участниц:

«Безусловно, больше положительное [восприятие ЕАЭС, характерное для казахстанцев – И.С.]. Очень не хватает пропаганды и информации, катастрофически не хватает. Я уве-

¹⁰³ Савин И.С. Кому в Казахстане Россия нужна? Россия как ресурс в представлениях жителей Казахстана. Сайт ЦентрАзия. 18 декабря 2017 г. (URL: www.centrasia.ru); Космарская Н., Савин И. Что думают казахстанцы об отношениях с "северным соседом"? // Центральная Евразия. 2018. № 1.

рена, что наверняка есть и политические, и экономические моменты положительные. Например, я занимаюсь маркетингом, я собираю аналитику и вижу, что товарооборот вырос. Вопреки некоторым заявлениям, он в каких-то областях увеличился... Из-за ваших санкций возникли новые рынки в России, например, рынок замороженного теста. Не было раньше покупателей в Европе. Казахи посмотрели на россиян: что мы, лысые, что ли, давайте тоже. И у нас теперь тоже есть рынок замороженного теста» (казашка, 45 лет, журналист). Впрочем, эксперт чувствует, что в обществе не хватает информации об итогах работы Евразийского союза, а это рождает самые противоречивые оценки.

Среди положительных также присутствуют аргументы не только или не столько экономического характера. Нашлось среди них место и тем, которые рождены концепцией «меньшего зла» (лучше потерять экономическую самостоятельность, чем культурную самобытность): «Здесь идет установка на то, что мы за это боролись, это наше самое, ни пяди земли. А когда начинаешь ставить прагматические вопросы, вот, Казахстан выходит из ЕАЭС, что мы будем делать, мы ложимся под Китай? Вы соизмеряйте какие-то факторы внешние, если вы согласны здесь начинать разговаривать на китайском, вы же понимаете, что вы вообще потеряете казахскость и казахскую этническую группу, если мы сейчас ложимся под Китай. В таком контексте никто не мыслит. Они не могут соизмерять факторы извне, которые могут быть еще более негативными, чем сотрудничество с Россией в рамках ЕАЭС».

Не обошлось без восприятия глобальных изменений сквозь призму личных проблем: «Для меня лично, на личном уровне, облегчение в том, что я могу 30 дней прожить в Москве и не должен тащить своих родственников, чтобы они непременно присутствовали при подписании этой бумажки на почте, тем более, куда-то в ФМС. 90 дней можно пребывать, но после 30 дней все равно нужно зарегистрироваться. Для трудовых мигрантов это большое облегчение, что не надо разрешительных процедур. Весь бизнес, все эти

компании бесконечно жаловались на это раньше...» (русский, 57 лет, преподаватель).

На восприятие экспертов из числа бизнесменов влияет ситуация на знакомых им предприятиях, изменившаяся после создания ЕАЭС. Для кого-то это влияние положительное, а для кого-то нет:

«У нас тоже делают сваи, наш, местный завод, но если мне будет выгодно купить в России, я могу сэкономить. Раньше, до Евразийского союза, продает монополист сваи условно за 3 рубля, всё, больше нигде. Это был 2000 год. Сейчас изменилось. Я поехал в Россию, привез эти сваи. Стал обширней выбор стройматериалов, оборудования, техники. Это как ты жил в общежитии, а потом переехал в квартиру» (русский, 59 лет, строитель).

Так же положительно оценивают ЕАЭС сотрудники компаний из других отраслей, которые имеют партнеров в странах-членах союза:

«...нам проще теперь искать партнеров в России, гораздо больше компаний стало работать на экспорт. Например, мы очень хорошо с Киргизией работаем, это тоже влияние ЕврАзЭС. В этом году вообще там доля экспорта у нас порядка 10% в общем объеме продаж. У киргизов, получается, барьеры входов тоже снизились, и теперь все киргизские клиенты легко и просто отовариваются у нас... К тому же упростился обмен товарами... У нас сейчас НДС тот же самый. Свободная зона... закупочная цена у нас уже дешевле» (казах, 30 лет, менеджер).

Аналогичное мнение у его коллег из других алма-атинских компаний: «Теперь стало меньше сертификатов, таможенного оформления нет, просто мы платим НДС, и всё. Транспорт и НДС... Я так думаю, опора сейчас идет на собственное производство, 'сделано в Казахстане', для них это очень хорошо. Кто занимается просто 'купи-продай' – для них это плохо» (уйгурка, 28 лет, менеджер);

«Я думаю, это хорошо, потому что большую часть продуктов и вообще очень качественных продуктов мы поставляем из России. Мы с Россией тесно связаны, и я считаю,

что это очень удачно для Казахстана: меньше таможенные пошлины, меньше таких налогов, это выгодно для Казахстана. И, соответственно, выгодно для России, потому что на рынке Казахстана есть многие продукты, которые хорошо развиваются. Это выгодно как России, так и Казахстану, я считаю» (турок, 31 год, менеджер).

Эксперты также часто приводили примеры положительного влияния ЕАЭС на внутренних производителей Казахстана за счет повышения конкуренции со стороны предприятий из других стран-участниц:

«Увеличились поставки белорусских товаров. Сейчас идет раскрутка казахстанских брендов, раскрутку начал сам президент Назарбаев, сам участвует в рекламе. Я думаю, что и качественно улучшился казахстанский продукт. Вынуждены конкурировать, тем самым улучшают качество, сохраняя ценовую составляющую на том же уровне» (русский, 48 лет, журналист).

Впрочем, такие аргументы в отсутствие экономических выкладок, наглядно демонстрирующих улучшение качества казахстанских товаров, выглядели несколько умозрительно. В лучшем случае они опирались на известные экспертам личные наблюдения покупателей, которые действительно отмечали появление новых казахстанских брендов на рынке потребительских товаров.

Характерными чертами экспертного мнения, положительно оценивающего влияние ЕАЭС на экономику Казахстана, можно назвать следующие:

- позитивное отношение к упрощению экономического взаимодействия казахстанского бизнеса с партнерами из стран-участниц;
- отсутствие страхов по поводу усиления взаимозависимости между Россией и Казахстаном, причем не только в экономической, но и в культурной и политических сферах;
- использование в качестве индикаторов положительного воздействия ЕАЭС на экономику Казахстана тех ситуаций, с которыми респонденты лично знакомы или в которые вовлечены.

Последнее обстоятельство очень важно, поскольку позволяет экспертам увидеть позитивные следствия членства Казахстана в ЕАЭС не в абстрактных показателях макроэкономической статистики, а в ситуациях, пришедших из личной практики. Это означает, что, во-первых, такие примеры достаточно распространены, если о них известно незнакомым друг с другом экспертам, работающим в разных сферах; во-вторых, знание экспертами положения дел «изнутри» повышает степень убедительности их оценок в возможных дискуссиях на эту тему с оппонентами.

Отсутствие страхов по поводу увеличения количества товаров России и Белоруссии на казахстанском рынке позволяет предположить, что у этих экспертов не вызывает активного отторжения предыдущий, советский опыт жизни в условиях общей для разных регионов экономической политики.

Экспертные мнения «против» ЕАЭС

Среди экспертных мнений, негативно оценивающих влияние союза на экономическую ситуацию в стране, также можно выделить несколько наиболее заметных.

Часть экспертов считает, что говорить о его серьезном влиянии на ситуацию в стране преждевременно:

«Это как телевидение, казахское телевидение. Никто не знает о его существовании, а если знают, то хают, креаклы хают, а отдельные люди просто задаются вопросом: где оно? Людям это было бы интересно, креаклам было бы интересно, если бы от него была ощутимая польза. У нас же у всех завышенные ожидания» (казах, 52 года, журналист).

«Считаю, потенциал Евразийского союза бóльший, чем то, что он уже сделал... Потенций больше, но будут ли они воплощены, это дело будущего. Я почувствовала позитив, но на самом деле как были двусторонние основные экономические связи Россия-Казахстан, так они на том же уровне и остались. Я не могу сказать, что прямо все заработало внутри этого экономического союза, потому что смотрю

по индикаторам торговли, миграции и т.д., не так уж все двинулось вперед» (русская, 58 лет, социолог).

К этой точке зрения примыкают те эксперты, которые считают, что никакого реального союза еще не было, а также и те, для которых ЕАЭС не имеет экономического содержания:

«Польза есть отдельная для каких-то бедняков, которые без этого ЕАЭС не работали бы; для них, наверное, есть плюс, но их же единицы. А для большинства... Ну не дураки же мы, слышим постоянно про войны... таможенники» (казах, 44 года, преподаватель).

«Я сторонник такого мнения, что Россия не ищет экономической выгоды от создания Евразийского союза, она рассматривает его в плане дополнительного обеспечения безопасности путем втягивания в свою экономическую орбиту приграничных стран с целью создания приграничного безопасного пространства. ЕАЭС пока негативно отразился на экономической интеграции, особенно это проявилось в валютных дисбалансах, и вместо притока, как ожидалось, в Казахстан из России произошло обратное в прошлом году... Есть объективные оценки экономистов, которые говорят, что пока Евразийский союз действительно экономике Казахстана не принес чего-то такого глобального, отчего люди бы стали жить лучше» (русский, 64 года, политолог). По мнению этого эксперта, гораздо значительнее положительное влияние ЕАЭС «не на экономическую составляющую, а на более гуманитарные ценности – сохранение единства евразийского культурного, и таких людей очень много... Это и русские, и казахи. Казахи тоже понимают, что развитие добрососедских отношений с Россией должно быть первостепенным; имея большую границу с Россией, нельзя, чтобы Россия была врагом».

Есть и те противники ЕАЭС среди экспертов, которые считают, что он наносит прямой вред экономике Казахстана как суверенного государства: «...мы от таможенных сборов получаем 7 процентов. Это же полный абсурд. Нашу внешнюю торговлю контролирует Россия, наши таможенные границы контролирует Россия. Кому такой союз нужен? Цены не снизились...» (казах, 62 года, журналист).

Некоторые эксперты рассматривают ситуацию не с точки зрения экономики в целом, а с позиции конкретных бизнесменов: «С появлением Евразийского союза у нас в Казахстане очень много сфер бизнеса просто на грани катастрофы, например, мебельный бизнес, зерновой бизнес. Зачем такой союз, который просто умертвил нашу промышленность?» (казах, 64 года, режиссер).

Подобные доводы противников ЕАЭС выглядят как попытка объяснить новыми условиями риски для бизнесменов, хотя они всегда присутствуют в такого рода деятельности, и тот, кто не успел приспособиться к изменившейся ситуации, всегда будет проигрывать: «У меня друг занимается бизнесом. Они делают все, что касается бумаги, делают из картона коробки, в общем, такие вещи. Они работали на весь Казахстан. Как стал Таможенный союз, говорит, нас с севера погнали. А кто погнал, спрашиваю? Он говорит: именно россияне, они больше вложили, у них объем больше, и они нас просто выгнали, и мы сейчас работаем: Тараз, Чимкент, Алма-Ата, а работали на всех» (казах, 58 лет, журналист).

Выше уже отмечалось, что снятие таможенных границ между странами, что обычно рассматривается как положительный факт упрощения торговых формальностей, привело в то же время к потере заработка для некоторых фирм и бизнесменов, поскольку они занимались именно растаможиванием и перепродажей российских товаров в Казахстан и наоборот: «Дядя у меня занимается закупкой лекарств, все это было через Россию. Когда стал Таможенный союз, эти россияне сами зашли напрямую и задавили своей массой. И достаточно большая компания тоже потеряла свою работу. Мы большие, круче, у вас нет 100 миллионов, а у нас есть» (казах, 48 лет, политолог).

«Я знаю, у нас были знакомые, особенно когда курс был 2,9, их бизнес пострадал настолько, что они закрылись, потому что клиентов нет, они [клиенты – И.С.] сами все берут в России» (русская, 40 лет, менеджер).

В описанных случаях нелегко определить, что же важнее для Казахстана с точки зрения экспертов: упрощение про-

цедур торгового взаимодействия с Россией или потеря комфортных условий деятельности для посреднических фирм. Эти эксперты склонны интерпретировать каждую конкретную ситуацию, исходя из персональной близости к ней и из уже сложившихся у них представлений о пользе/вреде ЕАЭС для экономики страны.

Однако высказывались мнения, содержащие претензии к ЕАЭС, которые выглядят более аргументированно: «Во-первых, согласно статистическим данным, после того, как мы вступили в эти экономические союзы, у нас на полпроцента упала средняя заработная плата... Во-вторых, в связи с тем, что весь основной товаропоток, товарооборот пошел с России, мы оказались отрезаны от каких-то технологий западных. В-третьих, был такой случай. Пока еще Киргизия не вступила в этот союз вместе с нами, а мы, Белоруссия и Россия уже были, вдруг оказалось, что у нас на рынке российские папиросы 'Беломор', контрабандно завозимые из Киргизии, дешевле, чем те, которые к нам официально поступают из России. А Киргизия не в Таможенном союзе, но она получает их дешевле, чем мы» (казах, 60 лет, художник).

Есть и другие примеры подобного рода, свидетельствующие, по мнению экспертов, о несправедливых и невыгодных для Казахстана условиях функционирования ЕАЭС: «У нас импортные автомобили резко подорожали. И теперь разными способами вписываются различные некачественные российские машины. Что сделаешь? Они никогда не были качественными. Но это прописывается. Поэтому повысили всякими пошлинами нам цены. Никто не выиграл. Материально никто здесь не выиграл, наоборот, только проиграли» (казах, 58 лет, публицист).

На фоне приведенных выше примеров положительного влияния ЕАЭС на развитие некоторых видов бизнеса в Казахстане заявления по поводу того, что «никто» не выиграл от вступления страны в эту организацию, выглядят некорректным обобщением. Но именно на основе таких мнений складываются выводы «глобального характера»: «ни в одном из договоров, как показывает практика, Российская Федера-

ция, во всяком случае, управляющая ее часть не желает работать на равноправных условиях. Постоянно только на условиях доминирования. Именно из-за этого, по моему мнению, все эти дразги в итоге на международном уровне, когда Россия была принята в восьмерку, когда она могла вполне кооперироваться с этими экономиками, но тогда надо было работать с ними равноправно, но это не устраивает. Вот на уровне такого, когда можно диктовать – да. И нас они нагнули» (казах, 58 лет, публицист).

В интервью отразились позиции и иного типа. Человек считает, что не имеет предубеждений против ЕАЭС и России, но полагает, что экономически этот союз вряд ли будет выгоден Казахстану: «Вообще сотрудничество было бы хорошо, но Казахстан не выдерживает конкуренции с Россией. Умозрительно, теоретически как бы хорошо, на уровне, я бы понимал, гуманитарном или культурном, политическом, а конкретно в экономическом... то, что мы убрали вот это, единое экономическое пространство, наши предприниматели, а у нас госсектор мало, только в нефтянке, да и то там мало, вот эти крупные корпорации, национальные компании так называемые, и так мы не выдерживаем конкуренции с Россией. Точно так же Белоруссия проигрывает» (казах, 50 лет, журналист).

Нетрудно заметить, что некоторые аргументы экспертов «против ЕАЭС» являются зеркальным отражением аргументов «за». В частности, первые негативно оценивают открытость рынка Казахстана другим странам-участницам, прежде всего России, и с подозрением относятся к усилению ее влияния не только в экономике, но и в политико-культурной сфере. Далее, как и в случае с позицией «за» союз, во многом негативные оценки базируются на лично известных экспертам ситуациях, когда после вступления страны в ЕАЭС пострадали конкретные бизнесмены. Это говорит о том, что такие случаи не единичны и их обсуждение становится пространством формирования скептического отношения к ЕАЭС.

Одновременно негативное влияние ЕАЭС на экономику страны в целом прокламируется исходя не из известных экспертам ситуаций, а на основе обобщений макроэкономиче-

ского характера, сформулированных не самими экспертами. Выбирается оценка, созвучная личным представлениям, и какая-либо негативная для ЕАЭС ситуация рассматривается не как временная, т. е. подлежащая урегулированию по мере развития взаимодействия, а как неизбежное свойство интеграции. Это напоминает некоторые риторические приемы, используемые экспертами, выступающими за союз: экономический эффект пока не очень заметен, но это только пока, и весь негатив компенсируется выигрышами политического и культурного характера. Таким образом, и оптимистически-доброжелательные, и негативно-алармистские мнения по поводу функционирования ЕАЭС и его будущего во многом зависят от идеологических воззрений того или иного эксперта.

«Обычные люди»: мнения в поддержку ЕАЭС

Рядовые жители Казахстана рассматривают ситуацию в первую очередь с точки зрения своих повседневных нужд, но во многом их мнения совпадают с позицией экспертов-сторонников ЕАЭС: «Естественно, все хотят, чтобы были низкие цены, чтобы российских товаров было достаточно, мы все равно их все потребляем, начиная от конфет 'Рот фронт', популярных в Казахстане, до молочных напитков, лекарств для пенсионеров. Культурная интеграция, что тоже нормально, молодежи, по крайней мере. Опять же, мне кажется, это нормально, и могу подтвердить, что в каждой семье все равно нет-нет да и поглядывают, может, даже больше смотрят российские каналы. Доходит до абсурда, что иногда новости с канала Россия-24 смотрим, хотя там посыл иногда бывает определенный какой-то. Мы очень ощущаем это присутствие, и достаточно органично. Если бы этого не было, наверное, мы бы ощущали себя обделенными. Наоборот, это воспринимается населением как нечто само собой разумеющееся и необходимое... наверное, это положительное, что ты можешь поехать в Россию, не нужно оформлять визу, в тот же

Оренбург мы не ехали как в другую страну, где ты не носитель языка и т. д.» (казашка, 45 лет, преподаватель).

Наше исследование показало, что подобная позиция чаще всего свойственна определенной группе людей, для которых в силу возраста и личной истории близость России является «естественной» и даже необходимой. Но и позиция людей другого возраста имеет сходные мотивы: «Оно [изобилие российских товаров – И.С.] как бы и было здесь, может, сейчас это стало в ценовом сегменте пересекаться с нашим товаром, может, пошлины какие-то убрали, соответственно, цена стала дешевле. А то, что если из России пришел какой-то товар и он качеством лучше, чем товар, который здесь на рынке продается, то нормальный человек купит более качественную продукцию, даже если она будет стоить несильно дороже» (казашка, 20 лет, студентка).

Некоторые респонденты на основе личных наблюдений создают более глобальные модели, объясняющие положительное влияние ЕАЭС на экономику Казахстана: «Я вижу конкурентную среду в плане не только питания, каких-то стройматериалов или в общем быта. Во-первых, есть конкуренция, которая дает людям больший выбор продукции, много поставщиков, интерес подбора и, конечно, конкурентная цена; она не дает компаниям в Казахстане занимать монополистические позиции. Потребительский рынок я в первую очередь затрагиваю. Далеко ходить не будем, я прекрасно помню, что лет 15 назад мы ели только рахаатовские конфеты, а сейчас выбор конфет просто огромный. Это радует, потому что ты можешь выбрать лучший вариант, и цена тебя устраивает» (казах, 32 года, менеджер).

Другие респонденты остаются в рамках представлений, рожденных их личной ситуацией: «Мне кажется, что благодаря хорошим взаимоотношениям можно без проблем ездить в Россию, не надо никакую визу оформлять. В плане товаров, насколько я знаю, из России приходит очень много товаров. Если ехать на север, где бабушка живет, там очень много российских товаров. Я работала в компании до этого, очень много вывозили товаров отсюда, допустим, в Новосибирск.

Мне кажется, экономически очень хорошо взаимодействуют, и в плане взаимоотношений, надеюсь, они так и будут хорошими» (русская, 24 года, секретарь).

В некоторых случаях обстоятельства личной биографии становятся основой для позиции, согласно которой главное назначение ЕАЭС не экономика, а укрепление разносторонних связей с Россией в качестве условия безопасности Казахстана. В частности, молодой менеджер, казах из Алма-Аты, имеющий родственников в Саратове и часто посещающий этот город, высказался следующим образом: «Я придерживаюсь такой политики, как и наше высшее руководство страны, что лучше худой мир, чем добрая война с соседями. Этот народ все-таки для нас очень близок. Тысяча лет истории, и мы всегда были связаны с Россией. Это страна, которая нас спасала в свое время, выручала, вытаскивала в экономическом плане. Я считаю, владение русским языком, понимание их культуры, дружба с этим народом – это не наша слабость, а наша сила».

Как мы видим, мнения обычных людей во многом напоминают тезисы экспертов: обобщения лично наблюдаемой ситуации до масштабов всей страны; выход за пределы собственно экономических рассуждений; использование аргументов гуманитарного и политического характера. При этом никто из респондентов, чьи мнения приведены в этой части главы, не является ни политологом, ни макроэкономическим аналитиком. Подобные обобщения не входят в число их профессиональных обязанностей. Тем не менее они довольно уверенно вписывают явления, доступные их непосредственному наблюдению, в гораздо более широкий социально-экономический контекст и, в отличие от экспертов, не сетуют на недостаток информации.

Это свидетельствует, на наш взгляд, о том, что в Казахстане заметили положительные изменения в ассортименте потребительских товаров, и активно идет обмен мнениями на неформальном уровне (родственники, соседи, сослуживцы) по поводу связи этих изменений со вступлением страны в ЕАЭС. Возможно, это касается только тех людей,

которые привыкли в силу разных причин «держат в уме» все, что связано с Россией и постсоветским пространством, но эти люди представлены в разных возрастных, этнических и социально-профессиональных группах населения страны, что позволяет говорить о широком распространении подобных мнений.

Кроме того, обращает на себя внимание тот момент, что респонденты чаще всего помещали свое восприятие ЕАЭС в контекст более широких взаимодействий Казахстана со странами-участницами. Вряд ли подобные обобщения могли возникнуть только во время ежедневного наблюдения за расширившимся ассортиментом потребляемых товаров или под впечатлением упрощенных правил пересечения границы со странами-членами ЕАЭС. Скорее всего, как уже отмечалось выше, и в публичном информационном поле (публикации в СМИ и социальных сетях, высказывания авторитетных экспертов), и в приватном (разговоры с коллегами, знакомыми и родственниками) тема последствий вступления Казахстана в ЕАЭС не только присутствует, но и содействует в ходе дискуссий появлению таких формулировок и высказываний, которые охотно используются за пределами экспертного сообщества.

«Обычные люди» против ЕАЭС

Некоторые респонденты ощутили негативные последствия вступления Казахстана в ЕАЭС через настроения окружающих, поскольку сами они не воспользовались на момент интервью какими-либо новыми возможностями, появившимися после этого события: *«все поехали машины покупать, продукты подорожали, и всё»* (русская, 32 года, работник кафе). Другие и вовсе имеют весьма смутное представление об этом объединении, и на вопрос о том, слышали ли они о нем, отвечают: *«слышать слышала, но... абсолютно мимо меня»* (казашка, 28 лет, менеджер).

Однако есть и случаи, когда респонденты называли конкретные причины своего отрицательного отношения к ЕАЭС:

«Ничего он не дал. Я хочу обновить машину, но не могу, как раньше – пошел, купил машину, которая мне понравилась. Мне приходится покупать машины казахстанского производства, которые некачественные, это очень далеко до них [иностранных автомобилей – И.С.], цена бешеная на эти машины... Жена у меня возит товары из Бишкека, с Россией никак не связана... Товары покупаем, конечно, российские. Пиво, соки, молочка кое-какая. Ничего плохого в этом нет, но здесь своих хватает тоже производителей по молоку и по мясу, по сокам» (русский, 40 лет, таксист). В данном случае интересно то, что респондент, бывший военный, часть жизни провел в России, но никак не связывает возможность улучшения своей нынешней экономической ситуации, которая ему не нравится, со вступлением Казахстана в ЕАЭС. Аналогично он исключает влияние ЕАЭС на бизнес его жены, которая возит товары из Бишкека, используя упрощенные таможенные процедуры, появившиеся благодаря этому союзу. На наш взгляд, такое восприятие респондентом ЕАЭС объясняется его разочарованием из-за возникших в новых условиях трудностей по реализации давно вынашиваемых стратегий развития личного бизнеса.

В некоторых случаях наглядной иллюстрацией несостоятельности ЕАЭС стала невозможность новых партнеров из стран-членов союза конкурировать с уже устоявшимся торговым сотрудничеством с бизнесменами из Китая. Респондент, который занимается ремонтом и продажей строительной техники, отмечает: «Запчастей российских не стало больше. Откуда? Китай валит всё. Мы как с Китаем работали, так с Китаем и будем работать... Российского у меня ничего нет. Был завод в Кустанае, директор умер, сейчас они говорят, что это инструменты из России. Я могу сказать, что это вранье всё. Это всё Китай» (русский, 28 лет, электро-механик).

Исходя из своего опыта, так же скептически этот респондент относится к выгодному партнерству со странами СНГ и в других отраслях: «Если баночку горошка из России привезти – сколько она будет стоить? А из Китая намного

дешевле привезти. Если привезти из этих стран (ЕАЭС), цена тогда будет дороже намного, люди на это не согласятся, покупать его здесь никто не будет». Это утверждение противоречит мнениям других наших собеседников, которые, наоборот, говорили о появлении недорогих и качественных российских товаров. Некоторые даже видят в этом угрозу отечественному производителю. Здесь видна логика, которую зачастую демонстрируют и «эксперты», и «обычные люди» при ответах на вопросы об общем влиянии ЕАЭС на экономику Казахстана. Выводы, очевидные в рамках одной конкретной, хорошо известной ситуации, экстраполируются на все пространство экономических взаимодействий в рамках союза.

Люди, которые не заметили никакого влияния ЕАЭС на собственную экономическую жизнь или обратили внимание только на негативное влияние, исходят прежде всего из личного опыта или мнений ближайшего окружения. Судя по всему, они не использовали в своих ответах готовые формулировки экономистов и публицистов, почерпнутые из СМИ или социальных сетей. Носителям скептицизма по поводу ЕАЭС из числа неэкспертов, похоже, не интересны какие-либо неэкономические аспекты вступления Казахстана в эту организацию. Они не опасаются усиления политического или культурного влияния России; впрочем, они и не думают об этом. Все их обобщения, сформулированные по стереотипному принципу экстраполяции наблюдаемых лично явлений на всю страну, касаются только экономических обстоятельств, затрагивающих лично их или близких им людей.

Эту группу респондентов отличает также игнорирование предшествующего личного опыта, связанного с жизнью в странах ЕАЭС, наличием там родственников или с переживанием каких-то негативных моментов, ассоциирующихся с этими странами. Помимо этого, отрицательное восприятие ЕАЭС у этих людей не связано с влиянием на них какой-либо идеологии или коллективно переживаемой памяти. В их ответах не обнаруживается ни отголосков сопринадлежности «советскому прошлому», ни, напротив, следов неприятия «совка».

Все эти обстоятельства позволяют предположить, что дискурс отрицательного отношения к ЕАЭС (высказывания экспертов, публикации СМИ и социальных сетей, общественные и частные дискуссии и т.д.) гораздо менее разработан и распространен в Казахстане, чем аргументы противоположного характера. Если люди не замечают положительного влияния ЕАЭС – значит, они просто об этом не думают и не обсуждают этот вопрос. Им не настолько интересна тема взаимодействия Казахстана с другими странами-членами ЕАЭС, чтобы искать материалы, подтверждающие или опровергающие их мнения и ощущения. Таких материалов в Интернете довольно много в открытом доступе на русском языке¹⁰⁴, но чтобы их найти и прочитать, нужно осознанное намерение, которое у обычных людей обычно отсутствует. Для объяснения самим себе ситуации вокруг ЕАЭС им хватает представлений, родившихся в ходе повседневной жизни.

* * *

На основании анализа данных, полученных в ходе проведенного социологического исследования, можно заключить, что среди респондентов в южной столице Казахстана более заметны те, кто позитивно оценивает последствия вступления Казахстана в ЕАЭС или же относится к данному событию нейтрально. Об этом говорит как присутствие сторонников ЕАЭС в разных группах населения, так и распространенность в повседневном обиходе риторических приемов и концептуальных моделей, облегчающих формирование позитивного восприятия ЕАЭС в обыденном сознании. В определенной степени, конечно, это является результатом

¹⁰⁴ "Бюрократическая структура без реального содержания": кто и за что критиковал ЕАЭС за время его существования. Сайт газеты "Караван". 6 марта 2019 г. (URL: <https://www.caravan.kz/news/byurokraticheskaya-struktura-bez-realnogo-soderzhaniya-kto-i-za-chto-kritikoval-eaehs-za-vremya-ego-sushhestvovaniya-523560/>); ЕАЭС: острая критика, доминирование в торговле. Сайт "Радио Азаттык". 20 октября 2017 г. (URL: <https://rus.azattyk.org/a/28806198.html>); Освещение членства Казахстана в ЕАЭС некоторыми республиканскими СМИ на примере вопроса о единой валюте ЕАЭС. Сайт ВЭД24. 30 августа 2018 г. (URL: <http://xn-24-dlci8j.xn--p1ai/sredstva-massovoj-informacii.html>).

информационной политики в Казахстане, которая должна ориентироваться на интеграционные инициативы, предпринимаемые руководством страны. Действительно, в республиканских СМИ чаще можно найти материалы, освещающие ЕАЭС в нейтральном или доброжелательном ключе, причем не только в экономическом, но и в политическом и культурном аспектах.

Однако это не является исчерпывающим объяснением, поскольку немало там и критической по отношению к Евразийскому союзу информации, а эксперты, позитивно настроенные по отношению к ЕАЭС, сетуют на нехватку и недостаток публикаций, показывающих положительное влияние этой организации на ситуацию в стране. Нельзя не учитывать, что упомянутые концептуальные модели, объясняющие благоприятные последствия вступления Казахстана в Евразийский союз, распространены в ответах «обычных людей», которые вписывают в эти модели свои непосредственные впечатления от расширившегося ассортимента товаров и повышения их качества, а не подменяют ими отсутствие изменений. Поэтому, как представляется, потребность/готовность использовать обобщающие формулы вызвана, скорее всего, многочисленностью и регулярностью наблюдений, связанных с положительным влиянием ЕАЭС на повседневную жизнь, а также наличием сограждан (соседей, сослуживцев, родственников), которые сходным образом воспринимают ЕАЭС и готовы к поддержанию дискуссий на эту тему.

Благодаря регулярным обсуждениям в приватном окружении тема положительного влияния ЕАЭС на повседневную жизнь оказывается укоренившейся даже в сознании и речи тех людей, которые никак не связаны с профессиональным анализом данных сюжетов. В то же время у противников ЕАЭС из числа «обычных людей», очевидно, нет потребности в концептуализации фактов негативного характера в силу их разрозненности, притом что эксперты, настроенные против союза, говорят об обилии свидетельств негативного воздействия этой организации на экономику страны. Видимо, эти свидетельства в массе своей остаются предметом дискуссий

внутри замкнутого круга лиц, постоянно обсуждающих на экспертном уровне негативные аспекты членства Казахстана в ЕАЭС, но они слабо востребованы вне этого круга.

На основе результатов качественного исследования трудно судить о пропорциях сторонников и противников ЕАЭС в составе жителей Казахстана. Скорее всего, они совпадают с параметрами, выявляемыми в ходе массовых регулярных опросов ЕАБР: примерно 60–70% респондентов демонстрируют в целом положительное отношение к ЕАЭС и входящим в него странам¹⁰⁵. Эта доля постепенно, хотя и медленно, снижается, что связано с демографическими сдвигами (молодые поколения меньше интересуются интеграционными процессами в регионе) и с отсутствием каких-либо прорывных свидетельств положительного влияния ЕАЭС на экономику страны, которые смогли бы ощутить большинство жителей вне зависимости от возраста, профессии, социального положения, этничности.

Этничность играет некоторую роль в формировании predispositions или страхов по поводу ЕАЭС, но не определяющую. Гораздо более важна степень соотнесения себя с СССР, постсоветским пространством, ценностями интернационализма и социализма (социального государства). Это соотнесение, в свою очередь, зависит прежде всего от возраста, наиболее привычной языковой среды и уровня одобрения осуществляемой сегодня в Казахстане политики строительства национального государства.

Соответственно, наибольшее принятие идей ЕАЭС распространено, по нашему мнению, среди русскоязычных пенсионеров, не вовлеченных в современную жизнь, и членов их семей; среди бизнесменов, связанных по роду деятельности с соседними странами; среди людей, по разным причинам не имеющих предубеждений против надгосударственных объединений, связанных с бывшими советскими республиками.

¹⁰⁵ Проблемы наполняемости идей евразийской интеграции новыми смыслами. Сайт общественного фонда "Стратегия". (URL: <https://www.ofstrategy.kz/ru/research/politic-research/item/446-problemy-napolnyaemosti-idej-evrazijskoj-integratsii-novymi-smyslami>).

Наибольшее число «естественных» противников можно найти среди людей более молодого возраста, владеющих не только русским, но и казахским языком и сохранивших негативные воспоминания о советском периоде или сформировавших их в ходе социализации в постсоветском Казахстане. Поскольку русский язык был распространен в советский период в публичной сфере более широко, чем казахский, а сегодняшняя евразийская информационная среда референтна по-преимуществу опять-таки к русскому, то неудивительно, что русскоязычные казахстанцы (включая казахов) более лояльны к ЕАЭС, чем те, для которых язык повседневного общения казахский. По данным ЕАБР, респонденты-казахи в среднем на 10% меньше представлены среди тех опрошенных жителей страны, которые положительно относятся к ЕАЭС.

Однако язык, как и этничность – это далеко не все значимые факторы, формирующие то или иное отношение к Евразийскому союзу. Так, среди наиболее последовательных противников ЕАЭС наиболее заметны казахи-активисты антиевразийского движения (журналисты, блогеры, публицисты), которые ведут свою деятельность в основном на русском языке, т. е. в более привычной для них среде. Аналогично не принимают ЕАЭС и те русские, которые разделяют леволиберальные экономические парадигмы и считают ЕАЭС уступкой псевдорыночным отношениям под патронажем России. Сходным образом размышляют те русские бизнесмены, которым ЕАЭС принес сложности в работе либо не оправдал имевшихся надежд на расширение предпринимательской деятельности.

В то же время есть немало казахов разных возрастов, для которых ЕАЭС (и, соответственно, Россия) выступают олицетворением более широкого культурного, коммуникативного и ментального пространства, выходящего за пределы сегодняшнего Казахстана, к которому они привыкли в советское время и которое им не хочется терять¹⁰⁶. Для некоторых дру-

¹⁰⁶ Форматы и масштабы "присутствия" России в повседневной жизни казахстанцев, а также определяющий их историко-культурный и социальный контекст показаны в главе 1.

гих казахов и этнических меньшинств ЕАЭС является символом возможной желанной альтернативы нынешней ситуации, когда этнократическая власть оторвана от чаяний простого народа.

Таким образом, восприятие ЕАЭС в Казахстане лишь отчасти обусловлено собственно экономическими факторами. Не меньшее значение имеют идеологические предпочтения и личный опыт людей, которые, исходя из этого, переосмысливают доступную им экономическую информацию наиболее комфортным для себя образом.

Глава IV.

РУССКОЯЗЫЧНОЕ КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО В КАЗАХСТАНЕ: ЧТО ЗАВИСИТ ОТ РОССИИ?

По численности русскоязычного населения Республика Казахстан занимает третье¹⁰⁷, а по другим оценкам – четвертое место в мире¹⁰⁸. Численность и доля русских в этой стране продолжает оставаться, несмотря на мощные миграции первого постсоветского десятилетия, наиболее высокой среди стран Центральной Азии – более 3588000 человек в 2018 г., а вместе с другими «европейцами» – украинцами, белорусами, немцами, татарами и др. достигает 4,3 млн человек, или 27% населения страны¹⁰⁹. Если вспомнить, что Казахстан также поддерживает тесные связи с Российской Федерацией в роли ее ведущего стратегического партнера, члена Евразийского экономического союза (с 2015 г.) и ряда региональных военно-политических объединений с участием России – будет понятно, что весь спектр социально чувствительных вопросов, связанных с этнолингвистической ситуацией, языковой политикой и статусом русского языка, с первых лет независимости привлекал большое внимание исследователей.

¹⁰⁷ Алишариева А., Ибраева Ж., Протасова Е. Казахстанский русский: взгляд со стороны // *Ab Imperio*. 2017. № 4. С. 234.

¹⁰⁸ Blackburn M. Discourses of Russian-Speaking Youth in Nazarbaev's Kazakhstan: Soviet Legacies and Responses to Nation-Building // *Central Asian Survey*. 2019. Vol. 38. N2. P. 217. Различия в оценках, видимо, объясняются тем, включены ли в категорию "русскоязычное население" многочисленные представители титульной группы, свободно владеющие русским языком.

¹⁰⁹ См.: Blackburn M. Discourses of Russian-Speaking Youth in Nazarbaev's Kazakhstan... P. 231, 232.

На фоне разнообразных публикаций 1990-х и первой половины 2000-х гг. выделяются монографии Б. Давэ, а также М. Ларюэль и С. Пейруза (вышла сначала на французском языке, а в 2007 г. – на русском)¹¹⁰. Хотя они не посвящены полностью этноязыковым проблемам страны, эта тематика занимает в обеих книгах важнейшее место: анализируются итоги политики казахизации в языковой сфере и связанные с этим сдвиги в статусе и роли русского языка. Последующие годы отмечены затишьем в освещении данной темы, однако начиная с 2015 г. наблюдается новый подъем интереса к положению русского языка в Казахстане и смежным сюжетам.

Появившиеся работы можно условно разделить на две группы. В первой из них публикации, написанные социолингвистами, посвящены особенностям русского языка в Казахстане с позиций теории лингвистического плюрицентризма¹¹¹. Накопленный за почти 30 постсоветских лет эмпирический материал позволяет перейти к изучению стадий и особенностей становления национального, казахстанского варианта русского языка.

Работы второго типа написаны социологами и антропологами, которые обратились к проблемам идентичности и мировосприятия определенных этнокультурных и демографических групп (включая русских и других «европейцев») на новом временном витке. Имеется в виду выход на социально-политическую сцену нового поколения казахстанцев, чья социализация прошла уже в период независимости (так называемое поколение Назарбаева); соответственно, выросло и новое поколение «европейцев», которым, в отличие от их родителей, не довелось пережить трудностей перехода

¹¹⁰ См.: Dave B. *Kazakhstan. Ethnicity, Language and Power*. L., Routledge, 2007; Ларюэль М., Пейруз С. "Русский вопрос" в независимом Казахстане. История, политика, идентичность. С предисл. и под ред. Н. Космарской. М.: Наталис, 2007.

¹¹¹ Sabitova Z., Alishariyeva A. The Russian Language in Kazakhstan: Status and Functions // *Russian Journal of Communication*. 2015. Vol. 7. N2. P. 213–217; Алишариева А., Ибраева Ж., Протасова Е. Казахстанский русский: взгляд со стороны...; Shaibakova D. Russian Language in Kazakhstan in the 21st Century // *The Soft Power of the Russian Language: Pluricentricity, Politics and Policies*. Ed. by A. Mustajoki, E. Protassova, M. Yelenevskaya. L.: Routledge, 2020. P. 123–133.

от статуса «большинства» к положению «меньшинства»¹¹². Хотя в центре внимания авторов этих работ не русский язык *per se*, они не могли избежать обращения ко многим актуальным смежным сюжетам: сравнительные оценки роли и статуса русского и титульного языков; лингвокультурная компетенция и социальное самочувствие различных этнодемографических групп в условиях решительного продвижения казахского языка в сферу образования и общественную жизнь¹¹³.

В имеющихся работах вопрос о поддержке Россией русскоязычной культурной среды в РК привычно рассматривается в связке с проблемами русских и официальным российским дискурсом об особой ответственности России за сохранение русского языка в тех странах, где проживают его носители – российские «соотечественники»¹¹⁴. Однако важнейшей чертой русскоязычного культурного пространства в Казахстане является его надэтнический характер: кроме собственно русских и других «европейцев», оно охватывает представителей других этнических групп, в первую очередь самих казахов: «носителями русского языка в стране являются сегодня преимущественно нерусские»¹¹⁵. В данной главе мы посмотрим на ситуацию вокруг русского языка в Казахстане и на возможное влияние в этой связи «фактора России» с неожиданной стороны: с точки зрения лингвокультурных компетенций и мнений титульной группы.

¹¹² Jašina-Schäfer A. Where Do I Belong? Narratives of *Rodina* Among Russian-Speaking Youth in Kazakhstan // *Europe-Asia Studies*. 2019. Vol. 71. N1. P. 107.

¹¹³ Алишариева А. Н., Протасова Е. Ю. Лингвистическое самосознание многоязычных студентов Казахстана // *Казанский педагогический журнал*. 2016. № 3. С. 83–87; Abdramanova S. Ethnic Identity of Kazakhstan Young People in Relation to Language // *Eurasian Journal of Philology: Science and Education*. 2017. N2. P. 140–147; Jašina-Schäfer A. Where Do I Belong?...; Jašina-Schäfer A. Everyday Experiences of Place in the Kazakhstan Borderland: Russian-Speakers Between Kazakhstan, Russia, and the Globe // *Nationalities Papers*. 2019. Vol. 47. N1. P. 38–54; Blackburn M. Discourses of Russian-Speaking Youth in Nazarbaev's Kazakhstan...; Laruelle M. Introduction. The Nazarbaev Generation. A Sociological Portrait // *The Nazarbaev Generation: Youth in Kazakhstan*. Ed. by M. Laruelle. Lexington Books, Boulder, 2019. P. 1–21.

¹¹⁴ См., напр.: Jašina-Schäfer A. Where Do I Belong?... P. 105–106; Jašina-Schäfer A. Everyday Experiences of Place in the Kazakhstan Borderland... P. 44.

¹¹⁵ Алишариева А., Ибраева Ж., Протасова Е. Казахстанский русский: взгляд со стороны // *Ab Imperio*. 2017. № 4. С. 236.

Сначала будет кратко очерчена роль России в становлении русскоязычного пространства в Казахстане в имперско-советский период. Далее мы обратимся к новациям в соотношении казахского и русского языков в последние годы и к тому, как ситуация вокруг русского языка оценивается и регулируется «сверху», т.е. властями республики, и как она видится «снизу», то есть рядовыми жителями. В центре нашего внимания будут мнения казахских студентов – тех представителей «поколения Назарбаева», из рядов которых будут рекрутироваться новые элиты¹¹⁶.

Наконец, в заключительной части главы мы зададимся следующими вопросами. В какой мере существование русского языка и основанной на нем культуры зависят сейчас от политики России? Какие корректировки в нее стоило бы внести, если рассматривать в качестве главных носителей/ценителей/хранителей русского языка и культуры в Казахстане не только «соотечественников», но и членов титульной группы?

Русский язык в Центральной Азии: историко-культурный аспект

В ходе имперского освоения различных территорий русский язык и культура во многом лишились этнических коннотаций и эмоциональных связей с русскими как с этнической группой, начали «жить своей собственной жизнью». Так, в досоветский период идентичность русских поддерживалась как идентичность движущей силы колонизации, а их русификаторские усилия, соответственно, имели своей целью не ассимиляцию в этническом смысле, а воспитание лояльности империи. После революции 1917 г. эти тенденции поддерживались определённой преемственностью в политике властей: русско-советская культура развивалась как идеологическая основа сохранения режима, а не как инструмент поддержки русского этнического сознания.

¹¹⁶ Эмпирическая база главы подробно описана во введении к книге.

Русский язык и культура в этом контексте не были ценностью исключительно русских (равно как и главным их этническим маркером). Для самих русских и представителей других пришедших на имперские окраины этнических групп, а также для обрусевших автохтонов русскокультурная среда была неотделима от советизированно-городского образа жизни, присущих ему ценностей и привычек. Она отнюдь не воспринималась как набор фольклорных стереотипов «русскости». Кстати, это ощущается до сих пор. По данным исследований авторов в Казахстане и Киргизии, многие оставшиеся там русские, особенно жители крупных городов, с большим скепсисом и без всякого энтузиазма воспринимают попытки российских структур, отвечающих за «культурную политику» и «работу с соотечественниками», найти путь к сердцу последних через «чаепития с самоваром», концерты ансамблей балалаечников или казачьих хоров.

На описанный исторический фон наложились специфические черты освоения в дореволюционное и, главное, в советское время тех территорий, которые занимают сейчас страны Центральной Азии¹¹⁷. Учитывая специфику этого региона и населяющих его народов, русские и другие «европейцы» оказались там в роли социальных и промышленных «культуртрегеров». В итоге вмешательство извне послужило очевидным стимулом развития народов региона – их включили в русло научно-технического прогресса, дали многие знания и навыки, отвечающие требованиям той эпохи; приобщили их к одному из ведущих мировых языков и созданной на его основе высокой культуре. Правда, плата за модернизацию оказалась немалой – сильно пострадали национальная самобытность, язык, традиции. В первую очередь это относится к представителям тех племён, которых мы сейчас называем киргизами и казахами. Степень их русификации была выше из-за их кочевого образа жизни, а также из-за отсутствия у них письменности в доимперский период.

¹¹⁷ Подр. см.: Kosmarskaya N., Kosmarski A. "Russian Culture" in Central Asia as a Trans-Ethnic Phenomenon // Global Russian Cultures. Ed. by K. Platt. Madison: Univ. of Wisconsin Press, 2019. P. 71–79.

Главной ареной тесного взаимодействия «европейцев» и представителей автохтонных групп стали в странах региона города, прежде всего столицы (в Казахской ССР это Алма-Ата и индустриальные города северо-востока). Именно в больших городах в советское время сформировалась особая прослойка казахов и киргизов, сильно отличающихся от своих сельских соплеменников по образу жизни и языковым предпочтениям¹¹⁸. В Казахстане таких казахов называют «асфальтовыми казахами» или, в более пренебрежительном духе, *шала-казахи*. Русско-титulyный билингвизм (или даже полное русскоязычие) до сих пор очень распространены среди титульных групп стран Центральной Азии, включая их элиты¹¹⁹.

Русский язык в Казахстане в период независимости: взгляд «сверху»

Распад СССР и наступление эпохи независимости в странах Центральной Азии привели к коренным сдвигам в соотношении статусов русского и титульных языков *de jure* и *de facto*. Последние обрели статус «государственных языков» на конституционном уровне и начали быстро развиваться с точки зрения масштабов и сфер их использования (особенно это относится к казахскому и киргизскому языкам). Началось их активное проникновение в те сферы, где в советское время их присутствие было малозаметно, особенно в городах: начальное и среднее образование; СМИ, книгоиздание. Политическая жизнь, делопроизводство, звучание городской среды (вывески, топонимика) также испытали на себе влияние этих новаций. В столицах и крупных горо-

¹¹⁸ По данным этнографа О. Наумовой, в 1989 г. около 3/4 городских казахов не использовали казахский язык в повседневном общении (цит. по: Dave B. Kazakhstan. Ethnicity, Language and Power... P. 52).

¹¹⁹ См.: Fierman W. Russian in Post-Soviet Central Asia: A Comparison with the States of the Baltic and South Caucasus // Europe-Asia Studies. 2012. Vol. 64. N6. P. 1077–1100; Kosmarskaya N. Russians in Post-Soviet Central Asia: More «Cold» than the Others? Exploring (Ethnic) Identity Under Different Socio-Political Settings // Journal of Multicultural and Multilingual Development. 2014. Vol. 35, N1. P. 13–15; Kosmarskaya N., Kosmarski A. "Russian Culture" in Central Asia as a Trans-Ethnic Phenomenon... P. 71–79.

дах расширилось пространство использования титульных языков на бытовом уровне – из-за роста числа выпускников школ с национальным языком обучения, изменений на рынке труда (рост спроса на персонал со знанием литературных версий титульных языков), а главное, из-за массового притока в города сельских трудовых мигрантов.

В Казахстане современную этнолингвистическую ситуацию характеризует поступательное завоевание государственным (казахским) языком новых сфер применения, рост его престижа и интереса к его изучению¹²⁰. При этом сохраняется, несмотря на постепенное снижение численности русских и других «европейцев», значимость русского языка в качестве важнейшего инструмента приобщения к мировой культуре, науке, технологиям. Русский также выполняет важную роль *lingua franca* в широком коммуникативном пространстве, связывающем Казахстан, Россию и другие постсоветские страны. Более того, в соответствии с Конституцией при официальных контактах использование русского языка допускается наравне с казахским¹²¹.

Новацией последних лет, носящей пока во многом декларативный характер, является отраженная в ряде государственных программ идея о необходимости перехода к трехязычной (казахский, русский, английский) модели среднего образования¹²².

Постсоветские переписи в Казахстане фиксируют высокую распространенность владения русским языком среди титульных групп, которые в силу демографических причин постоянно увеличивают свою долю в населении страны.

¹²⁰ Smagulova J. The Re-Acquisition of Kazakh in Kazakhstan: Achievements and Challenges // *Language Change in Central Asia*. Ed. by E. Ahn, J. Smagulova. Berlin: De Gruyter, 2016. P. 89–107; Shaibakova D. Russian Language in Kazakhstan in the 21st Century...

¹²¹ Jašina-Schäfer A. Where Do I Belong?... P. 103; Friess N. Young Russophone Literature of Kazakhstan and the "Russian World" // *Resignification of Borders: Eurasianism and the Russian World*. Ed. by N. Friess, K. Kaminskij. Berlin: Frank & Timme, 2019. P. 151.

¹²² Blackburn M. Discourses of Russian-Speaking Youth in Nazarbaev's Kazakhstan... P. 232; Алишариева А., Ибраева Ж., Протасова Е. Казахстанский русский: взгляд со стороны... С. 238; Friess N. Young Russophone Literature of Kazakhstan and the "Russian World"... P. 160–161.

Вот почему можно констатировать, что «Казахстан является одной из немногих постсоветских стран, где почти все жители используют русский с теми или иными целями»¹²³. По переписи 2009 г., понимали устную русскую речь 92% казахов, свободно писали 83,5, а свободно читали – 79%¹²⁴. Как отметила М. Ларюэль, от переписи к переписи эти цифры возрастают (если сравнивать ситуацию 1989, 1999 и 2009 гг.). Ожидаемая в ближайшие годы новая перепись покажет, насколько данный тренд устойчив¹²⁵.

Хотя лингвистическая «казахизация» (продвижение казахского языка во все сферы социальной жизни) продолжает оставаться важнейшей чертой процесса национального строительства, языковая политика осуществляется взвешенно и осторожно, с учетом ряда социальных и геополитических факторов. Важнейшие из них – тесные экономические и военно-политические связи с Россией, а также проживание в Казахстане все еще значительного числа русских и представителей других групп, исторической родиной которых является Россия. Несмотря на официально провозглашенную многовекторную внешнюю политику, отношения с Россией очень важны. Недаром исследователи отмечают, что в ежегодных обращениях к нации Н. Назарбаев, перечисляя главных партнеров Казахстана, всегда ставил ее на первое место¹²⁶.

События последних лет (кризис вокруг Украины), на наш взгляд, не ослабили, а скорее усилили в глазах руководства страны¹²⁷ значимость «фактора России» при планировании языковой политики. Например, дискуссии о языках с требованиями пересмотреть статус русского, как правило,

¹²³ *Shaibakova D.* Russian Language in Kazakhstan in the 21st Century... P. 123.

¹²⁴ Итоги национальной переписи Республики Казахстан 2009 г. Аналитический отчет. Астана, 2011. С. 24; Morrison A. Russian Beyond Russia. Eurasianet.org. 20.04.2017 (URL: <http://www.eurasianet.org/node/83296>).

¹²⁵ *Laruelle M.* Introduction. The Nazarbaev Generation. A Sociological Portrait... P. 8.

¹²⁶ См.: *Laruelle M., Royce D.* Kazakhstani Public Opinion of the United States and Russia: Testing Variables of (Un)Favourability // Central Asian Survey. 2019. Vol. 38. N2. P. 198.

¹²⁷ Уход президента с поста в марте 2019 г. не сильно изменил систему лидерства в стране. По мнению А. Биссеновой, "Назарбаев все еще мощная фигура, влияющая на выбор путей развития страны" (*Bissenova A.* Social Change Unsettles Kazakhstan // Current History. October 2019. P. 271).

не выходят в стране на общегосударственный уровень. Как отметили эксперты в интервью, состоявшихся в Алма-Ате осенью 2016 г., по негласному «рекомендации» властей главным телеканалам, нужно было стараться избегать трансляции острых дискуссий о русском языке (обычно инициируемых представителями «национально ориентированных» интеллигенции и политической элиты). Эксперты связывали данный факт со стратегическим сближением Казахстана с Россией в последние годы и с участием страны в Евразийском экономическом союзе.

А. Яшина-Шофер обращает внимание на стремление Н. Назарбаева укрепить «многонациональное единство» в стране, чтобы не допустить межэтнических конфликтов по украинскому сценарию. Упоминая о том, что он предложил ввести наказание за нарушение закона о языках, она уточняет: «По мнению президента, при общении в организациях и учреждениях любой гражданин имеет право получить ответ на том языке, на котором он обращается к официальному лицу – это четко показывает, что общение на казахском не является обязательным»¹²⁸.

С учетом сказанного о характере действий властей в языковой сфере нам трудно согласиться с мнением о том, что в последние годы эти инициативы «отличались некоторой неуверенностью и неопределенностью»¹²⁹.

Расширение круга людей, в той или иной степени знающих казахский и использующих его в различных ситуациях общения, связано не столько с политикой, сколько с демографией. Повышенная рождаемость среди казахов и продолжающийся, хотя и незначительный в сравнении с 1990-ми годами, отток из страны русских и других «европейцев» привели к тому, что доля казахов в молодых возрастных когортах возрастает.

¹²⁸ Jašina-Schäfer A. Where Do I Belong?... P. 104; см. также: Shaibakova D. Russian Language in Kazakhstan in the 21st Century... P. 130.

¹²⁹ Blackburn M. Discourses of Russian-Speaking Youth in Nazarbaev's Kazakhstan... P. 217. При этом в качестве примера автор этого высказывания приводит именно языковую политику: "шаг вперед, два шага назад в деле продвижения казахского как государственного языка... задержки с давно ожидаемым переходом с кириллицы на латиницу (реформа отложена до 2025)" (там же, с. 232).

Отсюда изменения в соотношении языков обучения в системе среднего образования. В 2003 г. 55% учеников обучались на казахском языке, 41% – на русском. Через 15 лет, в 2018 г. это соотношение выглядит как 66 и 31%. Однако с 2015 г. стало заметным изменение предшествующего тренда: начало расти число учеников, обучающихся на русском (802 тыс. чел. в 2014/2015 г., 832 в 2015/2016 г., 871 тыс. в 2016/2017 г. и 910 тыс. в 2017/2018 г.)¹³⁰. По подсчетам И. Савина на основе данных, предоставленных Агентством по статистике, русский остается языком, на котором среднее образование получает сейчас почти треть всех школьников Казахстана, в том числе около полумиллиона человек, не являющихся русскими.

Итоги развития этноязыковой ситуации в Казахстане весьма убедительными словами подводит М. Ларюэль: «Если русский выдерживает все трудности или, возможно, даже расширяет сферу своего применения, это делается не за счет казахского языка. Напротив, сейчас ситуация выглядит так, что оба языка усиливают (или, по меньшей мере, сохраняют) свои позиции; отсюда следует, что амбициозные планы властей добиться свободного владения казахским и русским почти всеми жителями страны вполне реалистичны»¹³¹.

Между эмоциями и прагматизмом. Русский язык в Казахстане в период независимости: взгляд «снизу»

Что думают о роли русского и казахского языков рядовые граждане страны? Каковы их собственные лингвистические компетенции, касающиеся этих двух языков? Учитывая повышенный интерес исследователей к мироощущению нового поколения казахстанцев, выросшего уже в условиях независимости, мы представим здесь в более полном виде, чем это было сделано в главе 1, результаты обсуждения языковых проблем со студентами различных вузов Алма-Аты

¹³⁰ Laruelle M. *Introduction. The Nazarbaev Generation. A Sociological Portrait...* P. 9.

¹³¹ Там же. P. 8.

(2016, 2017, 2019 гг.). Именно перед образованной молодежью встанет через одно-два десятилетия сложная задача такого развития этноязыковой ситуации, которое будет поддерживать баланс интересов разных этнокультурных групп населения и учитывать потребности глобализации.

Дискуссии на фокус-группах в полной мере отразили возникшие за годы независимости Казахстана новации в языковой сфере – если описать их крупными мазками. Представленные студентами фрагменты языковых биографий (рассказы о том, в какой семье, с точки зрения лингвистических практик, человек вырос; на каком языке проходило обучение в школе и какую роль в его выборе играли родители; где и как шло освоение неродного языка(ов) и пр.) показывают широкую вариативность моделей билингвизма, свойственного городскому титульному населению постсоветского Казахстана, в том числе и молодежи¹³².

Судя по самоописаниям лингвистических навыков и практик, студенты «дружат» с русским языком, широко используют его в учебе, для приватного и профессионального общения в университетской среде¹³³. Многие участники, давая более обобщенные оценки, говорили о важной роли русского языка в стране: «и до сегодняшнего дня место русского языка в нашей стране велико, он большое значение имеет»; «насчет будущего русского языка в Казахстане – мне кажется, он, как и сейчас, будет иметь свое место, свой статус в Казахстане»; «у нас русский язык очень развит, это необходимо» и т. п.

¹³² На крайних полюсах располагаются следующие случаи: рождение в семье русскоязычных казахов (зачастую горожан не в первом поколении) в Алма-Ате или другом развитом городе, обучение в "русской" школе, затем в вузе на русском языке, владение которым на уровне родного сочетается со слабым знанием казахского (русско-титульный билингвизм); рождение в казахоязычном регионе, учеба в школе на казахском языке, поступление в столичный вуз, где под влиянием среды и требований учебной программы происходит постепенное освоение русского как второго языка (титульно-русский билингвизм).

¹³³ Аналогичные результаты были получены в ходе других микроисследований языковых практик и предпочтений студентов Казахстана (см., напр.: Асылбекова А., Ахметтаева С., Ережелова Ж. Проблема билингвальной языковой подготовки студентов гуманитарных специальностей в Республике Казахстан // Социологические исследования. 2013. № 9. С. 92–96; Алишариева А. Н., Протасова Е. Ю. Лингвистическое самосознание многоязычных студентов Казахстана... С. 86.

В дискуссиях также устойчиво присутствовали короткие одобрительные комментарии по поводу существующего в стране двуязычия и грядущих правительственных планов о добавлении в учебные планы английского языка: «знать много языков – это хорошо»; «не только русский и казахский, но и английский, чтобы не были односторонние знания»; «как выступил наш президент, нам нужно на трех языках говорить: английском, русском и казахском» и т. п.

В ходе дискуссий, однако, выявились и заметные различия в интерпретациях участниками этноязыковых проблем в Казахстане. Студенты элитных вузов, где учатся за плату в основном жители «южной столицы» из обеспеченных семей и где обучение проходит в том числе и на английском языке, продемонстрировали ярко выраженный прагматизм при обсуждении сюжетов, связанных с нынешней ролью и будущим русского и титульного языков в Казахстане.

Именно студенты таких вузов чаще всего говорили о ценности русского как инструмента для решения разнообразных задач аккумуляции знаний и социального продвижения. В похожем инструментальном ключе многими участниками упоминалась и Россия, где, по мнению студентов, лучше развиты наука, образование; много хороших учебников и другой литературы по разным областям знаний. При этом их суждения были развернутыми, с обоснованием высказанных мнений.

– «Русский язык – один из языков ООН, так что, думаю, он спокойно сохранит [свою роль]. Интеграция, пересечение с Россией очень большое, мы постоянно общаемся, то есть гражданам Казахстана нужно знать этот язык».

– «По-моему, у русского есть будущее, потому что у нас в правительстве говорят на казахском и на русском языке, плюс я хлеб свой зарабатываю русским языком: преподаю его. В-третьих, я люблю науку, а в казахском языке, к сожалению, мало информации, которую мне бы хотелось получить, русский язык мне даст то, что я хочу».

– «Русский язык очень важен, без него никуда, потому что образование, и с Россией у нас тоже очень тесные связи. Нужно его знать».

– «Все труды, книги, даже современные писатели Казахстана также пишут на русском языке».

– «Насчет русского языка: это очень богатый язык, мне очень нравится читать, писать на русском языке. Я люблю стихи Анны Ахматовой, Есенина больше читаю».

– «Я поступил на русское отделение, потому что мне легче получать информацию, вот эта база в Интернете, в библиотеках – она в основном на русском языке. Если любую книгу даже иностранных писателей открыть, казахского аналога нет, на русском читаешь. То же самое с русскими писателями – аналогов очень мало. Говорить, что казахский должен быть выше – нет, хотя развивать его надо».

– «Язык межкультурного общения, межэтнического общения. И даже несмотря на то, что количество казахоязычного населения будет расти, русский язык все равно сохранит свои позиции. И как международный. На чем в Узбекистане, в Киргизстане говорят?»

С тем же прагматизмом обсуждался казахский язык. Признавалась значимость этого языка «вообще», при одобрении политики массового двуязычия в стране, но при обращении к личным планам улучшить знание казахского языка подчеркивалось, зачем ставились подобные цели (чтобы занять государственную должность, получить место в китайской фирме и пр.). При этом недостаточное знание казахского не сопровождалось, судя по словам участников, какими-либо переживаниями: «Казахский я знаю не очень хорошо... Я не считаю, что мне должно быть стыдно, что я не знаю казахского языка. Но я все равно буду изучать казахский – в будущем мне это пригодится».

Для студентов рассматриваемой группы также характерно неприятие давления, которое на них оказывает социальное окружение (в частности, в лице родственников), недовольное их ориентацией на русский и слабым знанием «родного языка»: «Обидно слышать такие заявления – ты казашка, но не знаешь свой язык. Я не считаю, что это такой уж сильный минус».

Подчеркивалось, что ориентация на «национальное» в форме знания традиций важнее, чем лингвистические предпо-

чтения: «Когда наши родственники из аула приезжают, они все время тыкают: вот, ты не знаешь казахский язык, ты должна его знать. Я думаю, каждый должен сохранить свои традиции, а не язык. Можно разговаривать на разных языках, но нужно помнить о своих традициях. Я не вижу слова 'должен' перед языком. Человек не должен прямо точно знать казахский. Я знаю все наши традиции, но я плохо разговариваю на казахском языке».

Мыслящие в данном направлении студенты акцентировали внимание на необходимости личной свободы каждого индивида при выборе языка общения и профессиональной деятельности, а возможное давление среды считали недопустимым и связывали с «национализмом».

– «...говорят, что нужно знать родной язык. Я считаю это первым шагом к национализму, то есть ты должен знать свой родной язык, иначе ты никто в этой стране. Такого не должно быть. На каком человек разговаривает, пусть на таком он и разговаривает».

– «Мы довольно русскоязычные, наша семья, и часто слышим замечания, что не знаем своего казахского языка. Но в основном такие замечания, по моим наблюдениям, как другой участник сказал, первые проявления национализма. Я как раз такие фразы слышу от тех, кто позиционирует себя как националист, кому неприятна русская культура и русский язык. Это очень неприятно, потому что они сами, возможно, где-то чего-то недополучили, каких-то знаний. Я считаю, они неправы, потому что русский язык – очень важный язык в нашей стране для получения какого-то культурного просвещения».

– «Мне не нравится то, что люди, которые говорят на казахском, упрекают других в том, что они разговаривают на русском: ты же находишься в Казахстане, разговаривай на казахском. Мне кажется, это неправильно... Когда человеку будет удобно, он будет разговаривать на русском, когда удобно – на казахском. Так как его понимают, он может говорить на русском, не надо его заставлять, пусть он знает на том уровне, на котором он сам хочет».

Квинтэссенцией прагматичного подхода к языкам является следующее высказывание студента одного из элитных

вузов: «Я даже против изучения казахского языка. Я сам казах, меня с самого детства упрекают, что я не знаю казахский; мне это, честно, надоело. Я смотрю на язык как на средство общения, больше ничего. Это просто инструмент, и русский при занятиях наукой, политикой – более удобный инструмент».

Студенты из регионов, которые обучались в том числе на «национальных потоках» и за государственный счёт (фокус-группы с такими студентами прошли на нескольких факультетах Казахского национального университета им. аль-Фараби), участвуя в дискуссии о языковой ситуации в стране, продемонстрировали гораздо меньше прагматизма и больше эмоций. Отмечая, как и остальные участники дискуссий, пользу от знания русского языка (обычно весьма лапидарно), именно о казахском языке они говорили более пространно и более эмоционально: «Сейчас очень престижно и, я бы сказала, очень круто знать казахский язык, владеть в совершенстве. В моем понимании. Для некоторых это, может, не так... Хотя я рада, что владею и тем, и тем языком, больше хотелось бы, чтобы был казахский язык. Именно казахский язык, на самом деле, очень богат в литературном плане, там очень много красивых слов».

Кроме радости, связанной с красотой языка, его нынешнее состояние ассоциировалось у второй группы участников со стыдом, грустью, печалью.

– «Печалит, что у нас казахи во многом забывают свой родной язык и общаются на русском. Даже в Китае есть тесты: укажите, пожалуйста, народ, который не разговаривает на своем родном языке. Там был правильный ответ – казахи. Это очень печально. Но все-таки я думаю, что русский язык нам нужен и необходим».

– «Мы учили русский язык в школе. И мне становится грустно, когда вспоминаю, что у нас на русский язык больше смотрели, чем на казахский. На казахский слабо смотрели. Это грустно, когда в Казахстане мы слишком хорошо учимся на русском. По-русски говорить, думаю, очень даже хорошо, но мне бы хотелось, чтобы мы сразу перешли на английский язык, потому что почти все материалы на английском».

– «Иногда мне стыдно того, что я, гражданин Казахстана, неполноценно знаю казахский язык».

– «Незнание казахского языка, мне кажется, это позор, стыд, особенно когда ты находишься за рубежом и не можешь на своем языке говорить; мне кажется, это ущемление в каком-то роде».

Оценки этноязыковой ситуации в Казахстане, воспроизводящие дискурс национал-патриотов и апеллирующие к исторической ответственности России за нынешнее состояние казахского языка, звучали в ходе 12 проведенных дискуссий очень редко (два раза), причем в них отразилась противоречивость ситуации (в чем-то имперская политика принесла пользу, а в чем-то – навредила): «То, что у нас были отношения с Россией, это вело к просветительской деятельности в Казахстане. И сейчас я вижу, я сама училась в казахском заведении на казахском языке, и люди, которые говорят на русском и общаются на русском, они думают иначе, чем люди, которые общаются на казахском языке. Как бы ужасно это ни звучало, но те, у кого есть русское образование, они намного шире мыслят, они более глубокомысленные, что ли. Я думаю, это прежде всего из-за того, что мы вышли из-под России, и казахский язык очень плохо развивался и развивается до сих пор».

На наш взгляд, по материалам дискуссий со студентами можно сделать вывод о том, что национал-патриотическая риторика не оказывает значительного влияния на их взгляды.

В различных подходах студентов к этнолингвистической ситуации проявляют себя неоднородность современного казахстанского общества, значимость разделяющих его социально-статусных границ. Ситуация в студенческой среде воспроизводит похожие социальные разломы в отношении к русскому языку и культуре среди более старших групп казахов. Имеются в виду различия в первую очередь по социальному статусу: сельские жители *versus* образованные горожане¹³⁴. Русскоязычие (часто идущее рука об руку со слабым владением казахским языком) является одним из основных маркёров, отличающих

¹³⁴ См.: Kosmarskaya N., Kosmarski A. "Russian Culture" in Central Asia as a Trans-Ethnic Phenomenon... P. 86–87.

«городских» казахов от их сельских соплеменников (наряду с более высоким социальным и профессионально-образовательным статусом). Важно и региональное измерение: русскоязычие гораздо больше распространено среди казахов северо-восточных частей страны, где они издавна контактировали с русскими не только в городах, но и в сельской местности¹³⁵.

Как и в соседних странах региона (Киргизии и Узбекистане), рост напряженности между русскоязычными представителями титульных групп, обычно образованными городскими старожилами, и их сельскими соплеменниками усилился в РК из-за сельско-городских миграций постсоветского времени. Наплыв «деревенских» мигрантов способствует повышению ценности привычного старожилам с советских времён городского образа жизни, основанного на широком использовании русского языка¹³⁶.

Как описанная неоднородность казахстанского социума по отношению к этноязыковой ситуации может и должна учитываться Россией?

Судьба русского языка в Казахстане: эффективна ли российская политика «мягкой силы»?

Посредством переноса центра тяжести с этнических на политико-идеологические ценности и приоритеты имперско-советский Центр сформировал в Казахстане (как и в Центральной Азии в целом) ту модель культурно-лингвистического доминирования, которая и привела в итоге к превращению русского языка и существующей на его основе культуры в надэтнический феномен. Он до сих пор определяет образ жизни, ценности и способы коммуникации титульных элит и зна-

¹³⁵ Космарская Н.П., Савин И.С. Что думают казахстанцы об отношениях с "северным соседом"? // Центральная Евразия. 2018. № 1. С. 190–191.

¹³⁶ См.: Bissenova A. The Fortress and the Frontier: Mobility, Culture, and Class in Almaty and Astana // Europe-Asia Studies. 2017. Vol. 69. N4. P. 642–667. Можно сделать вывод о том, что территории с широким использованием русского языка в Казахстане во многом совпадают с местами расселения привилегированных социальных групп (Blackburn M. Discourses of Russian-Speaking Youth in Nazarbaev's Kazakhstan... P. 232).

чительных масс титульного населения (наряду с собственно русскими и другими «европейцами»). Такого рода исторически обусловленная укоренённость русского языка и культуры именно в титульной среде обусловила их превращение, по сути, в самовоспроизводимое на местной почве явление. Об этом неоднократно говорили казахстанские эксперты:

– «И. (интервьюер): Русскоязычное пространство существует здесь отдельно от России в виде воспоминаний, в виде привычного продукта?

Р. (респондент): Даже не воспоминаний, привычного продукта, уже другой контент. Самовоспроизводимый.

И.: Видимо, не зависит от усилий России?

Р.: Абсолютно» (казах, историк; Алма-Ата, 2016 г.).

– «Р.: Казахская элита и вообще весь казахский образованный класс – он русскоязычен, и русскоязычие у казахов воспроизводится не хуже, чем у русских.

И.: Через семью?

Р.: Разными способами, причем производится само по себе. Если бы теоретически вдруг из Казахстана исчезли все русские, русскоязычие бы осталось и воспроизводило бы себя в казахском варианте... Казахское этнократическое государство само является частью русского языка и русской культуры» (русский, депутат; Алма-Ата, 2016 г.).

Укорененность русского языка и культуры в «местной» почве распространяется и на профессиональную культуру (литературное творчество, кино и пр.). Среди титульной интеллигенции стран Центральной Азии, создававшей и создающей сейчас свои творения на русском языке, – широко известные Ч. Айтматов, О. Сулейменов, представители Ферганской поэтической школы, а также множество молодых поэтов и писателей разных стран региона¹³⁷.

Британский историк А. Моррисон, опираясь на свой опыт преподавания в университете в Астане (сейчас Нур-Султан), проводит аналогию с ролью английского языка в Индии и пока-

¹³⁷ О русскоязычной литературной среде Казахстана см., напр.: Morrison A. Russian Beyond Russia...; Friess N. Young Russophone Literature of Kazakhstan and the "Russian World"...

зывает, что «русский во всех смыслах – это казахстанский язык; казахстанцы внесли свой вклад в создание большого русского литературного наследия, выпестовали свою особую русско-язычную культуру». Здесь живет «русскоязычный мир... который выходит за границы Российской Федерации и не обязательно идентифицирует себя с ней или с этнической русскостью»¹³⁸.

В публичном пространстве стран Центральной Азии значимое место занимает также противоположная идея: существование русского языка в странах региона с заметным присутствием там русских и других «европейцев» является своего рода «продолжением России» и в решающей степени зависит от ее усилий. Однако эта идея имеет и своих противников; она воспринимается как «наследие колониализма» и видится как отрицание укорененности русского языка в местной почве. В этом смысле показательны дискуссии в Киргизии, где роль и статус русского языка (он по Конституции считается «официальным») в целом повторяют казахстанскую ситуацию.

Культуролог Г. Мамедов, опираясь на материалы издаваемого в Бишкеке с 2011 г. при содействии Фонда «Русский мир» журнала «Русское слово в Кыргызстане», показывает, что основой доминирующего в стране дискурса в защиту русского языка являются следующие положения, активно продвигаемые журналом: «главнейшей, если не единственной, функцией русского языка в Кыргызстане является обеспечение связи с Россией и 'русской культурой'»; «существование русского языка в Кыргызстане напрямую зависит от правительства России»; «связь с Россией через русский язык существует не только как риторическая конструкция, но и вполне осязательно, выражаясь в активной деятельности... российских и местных пророссийских институтов»¹³⁹.

Г. Мамедов полагает, что подобный дискурс на самом деле, вопреки благим намерениям его носителей, ведет к «укреплению отчуждения в отношении русского языка в обществе».

¹³⁸ Morrison A. Russian Beyond Russia...

¹³⁹ Мамедов Г. Русский язык в Кыргызстане: дискурс и нарративы (по материалам журнала "Русское слово в Кыргызстане"). 17.09.2012 (URL: <http://www.art-initiatives.org/ru/content/russkiy-yazyk-v-kyrgyzstane-diskurs-i>).

Он продолжает: «Настойчивое увязывание русскоязычия в Кыргызстане с Россией наряду с почти полным отсутствием нарративов, рассматривающих русский язык как один из кыргызстанских автохтонных языков, как локализованный и органичный элемент кыргызстанского культурного ландшафта и как важнейшей медиум коммуникации и самовыражения для значительной части населения Кыргызстана, закрепляет... мнение: русский язык в Кыргызстане существует благодаря финансовой поддержке и в интересах России, и если эта финансовая поддержка прекратится, а Россия потеряет интерес к Кыргызстану, то и необходимости в русскоязычии в КР не будет»¹⁴⁰.

Дискурс, жестко увязывающий судьбу русского языка в Центральной Азии с «заботой России», отражает идеологию «русского мира», на которую опираются в своей деятельности российские организации, ответственные за сотрудничество со странами СНГ. Речь идет о рассмотрении русских и иных «соотечественников» как главной целевой группы в практической работе этих институций. Имплицитно ход мыслей, видимо, таков: русских из-за миграций и низкой рождаемости в регионе все меньше, кто же еще поможет сохранению там русского языка и культуры, как не Россия?

Авторы главы, как отмечалось выше, разделяют принципиально иную идею о том, что русскоязычное культурное пространство в Центральной Азии и, в частности, в Казахстане – произрастающий на местной почве продукт, который активно используется и развивается, впитывая местные культурные традиции, с помощью усилий разных этнических групп¹⁴¹. Не означает ли это, что от России мало что зависит и ее помощь не нужна¹⁴²? С этим нельзя согласиться по целому ряду причин.

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ На примере Узбекистана эту мысль развивает также автор главы 6 Ю. Цыряпкина.

¹⁴² Речь идет именно о помощи на государственном уровне, которую надо отличать от иных культурных связей с Россией. Например, русскоязычные литераторы Казахстана не зависят от официальных российских структур типа фонда "Русский мир", не получают от них никакой поддержки, однако из-за неразвитости книжно-издательского бизнеса в Казахстане они публикуются в основном в России (в том числе и в так называемых толстых журналах); участвуют в российских литературных конкурсах, получают премии и пр. (Fries N. Young Russo-phone Literature of Kazakhstan and the "Russian World"... P. 155–159, 168–169).

Во-первых, сама по себе распространенность русскоязычия среди казахов – не причина и не гарантия их позитивного отношения к России. Русскоязычными являются представители правящих элит с весьма разнонаправленными взглядами, а также немногочисленные, но заметные в сетевых дискуссиях национал-патриоты.

Во-вторых, за пределами русскоязычных пространств крупных городов проживают казахоязычные казахи – выпускники казахских школ, носители титульно-русского билингвизма. Они могли бы стать благодарными реципиентами российской культурно-образовательной помощи, решая с ее участием какие-то из своих жизненных проблем, однако ни они, ни Россия пока об этом не догадываются (в первую очередь речь идет о сельской молодежи).

В-третьих, в странах Центральной Азии активно действуют другие крупные игроки, заинтересованные в лояльности местных элит и различных слоев населения. Это в первую очередь США, Китай; в последние годы в культурно-просветительской и гуманитарной деятельности в регионе все заметнее проявляет себя Индия¹⁴³.

Наконец, помимо усилий различных геополитических акторов, продвигающих в регионе свою культуру и ценности, здесь «работают» и объективные процессы культурной глобализации. Главным потребителем «глобальных» культурных продуктов является молодежь, которая, в отличие от более старших поколений, активнее пользуется Интернетом. Вот, например, выводы Н. Мингишевой, которая провела пилотные количественные исследования в 2011 и 2017 г. (опросы студентов одного из вузов Караганды): «Идет ли речь о социальных сетях, телевидении или музыке, молодежь в Казахстане, судя по всему, включена в глобальные культурные потоки; особенно заметен подъем интереса к азиатской культуре. Казахстанская теле- и музыкальная продукция также пользуется все большей популярностью среди молодых жите-

¹⁴³ Летняков Д. Э., Емельянова Н. Н. Стратегии "мягкой силы" в постсоветской Центральной Азии: Россия vs США, Китай, Индия // Мир России. 2017. № 4. С. 126–135.

лей страны, при том, что сохраняется значимость российского и советского культурного наследия»¹⁴⁴.

Перечисленные факторы пока еще слабо выполняют свою «мобилизующую» функцию «холодного душа» для российских структур. Обратимся к мнению казахстанских экспертов, которые особо отмечали усилия Китая на рассматриваемом направлении:

– «Россия не работала по образованию лояльного пространства здесь. Американцы работали, китайцы работали, турки, иранцы, саудиты. Я российское пространство вообще не вижу» (казах, историк; Алма-Ата, 2016 г.).

– «Россия не ведет какой-либо работы по проблемам лояльности» (казах, экономист; Алма-Ата, 2016 г.).

– «Если Россия... на самом деле хочет на этом рынке быть, она должна идти в казахскую среду... И в этом отношении Китае можно только умиляться, как они двигаются. Медленно, совершенно спокойно, без истерик, у них шестой центр Конфуция открыт, курсы китайского языка; открываются какие-то в библиотеках уголки; начинают учить, отправлять на лечение, туризм» (казах, журналист; Алма-Ата, 2016 г.).

Российские исследователи Д. Летняков и Н. Емельянова, изучая особенности российской политики «мягкой силы» в Центральной Азии в сравнительном аспекте, приходят к выводу о ее «низкой эффективности с точки зрения формирования позитивного имиджа России в постсоветских государствах». Важнейшими причинами такого положения дел они считают «узкую целевую аудиторию» (ориентация на «русский мир»), а также то, что «soft power России совершенно лишена креатива, ее акторы действуют шаблонно, по давно отработанным моделям, не заботясь об их результативности»¹⁴⁵.

Яркой иллюстрацией данного вывода можно считать, в частности, упор на создание в различных странах мира сети Российских центров науки и культуры. Здания строятся, в них

¹⁴⁴ Mingisheva N. Cultural Globalization and Youth Identity Construction // The Nazarbaev Generation: Youth in Kazakhstan. Ed. by M. Laruelle. Lexington Books, Boulder, 2019. P. 172.

¹⁴⁵ Летняков Д. Э., Емельянова Н. Н. Стратегии "мягкой силы" в постсоветской Центральной Азии... С. 123, 124–125.

вкладываются средства, а что происходит потом – мало кого волнует. Вот красноречивая выдержка из интервью с активистом «русской» организации в Алма-Ате, 2016 г. (подобные мнения авторы неоднократно слышали от экспертов в Казахстане и Киргизии):

«Р.: Я знаю, что в Казахстане есть несколько центров фонда 'Русский мир', но они фактически все под замком: открыли, потом повесили замок. Такой центр есть в Астане, такой центр есть в Усть-Каменогорске, где-то еще в Казахстане.

И.: Люди знают об этом, или только вы знаете в силу профессии?

Р.: Думаю, что только я знаю. Определенный взброс был, что открылись, потом про это забыли. Непонятна функциональная цель этих центров, чем они должны заниматься. Там есть библиотеки, есть библиотеки электронные, через них в глобальную сеть российских ресурсов [можно войти], что через обычный Интернет недоступно, но, к сожалению, этим пока не пользуются».

С приведенными выводами исследователей российской политики «мягкой силы» можно согласиться, но необходимо сделать важное дополнение: именно в Центральной Азии и, в частности, в Казахстане действуют факторы, «расслабляющие», «усыпляющие бдительность» российских структур. Из-за этого региону не уделяется должного внимания на психологическом, институциональном и финансовом уровнях. Как отмечает М. Ларюэль, основные усилия по поддержке «русского мира», если говорить о постсоветском пространстве, направлены не на страны Центральной Азии, элиты которых в целом лояльны и к России, и к проживающим на их территории русским и другим «европейцам»¹⁴⁶, а на страны Балтии, Молдавию, Грузию, где русскоязычные меньшинства

¹⁴⁶ Такого рода лояльность проявляет себя в позитивном отношении к советскому прошлому, к русскому языку и русской культуре, что создает относительно комфортную среду проживания русскоязычных меньшинств (это особенно заметно при сравнении с ситуацией в странах Балтии, подр. см.: Kosmarskaya N. Russians in Post-Soviet Central Asia: More «Cold» than the Others?...), а также в тесном сотрудничестве с Россией, оформленном через членство в разнообразных региональных объединениях.

существуют в недружелюбной среде, а элиты «сопротивляются реализации российских интеграционных проектов, нацеленных на эти меньшинства»¹⁴⁷.

Второй «расслабляющий» момент – это одновременно следствие и причина первого. Речь идет о плотной сети социально-культурных связей, которая сложилась между Россией и странами региона еще в советское время. Эта сеть одновременно и способствует сохранению прежнего чувства культурно-языковой общности, и во многом существует благодаря сложившейся в советское время схожести культурных кодов и менталитета. В наибольшей степени этот вывод относится к Казахстану.

Говоря о «связанности» с Россией с казахстанского берега, имеют в виду в первую очередь многообразные контакты казахстанцев с российскими казахами и россиянами, ранее проживавшими в стране, весомое место российских СМИ, прежде всего телевидения, в медийном пространстве Казахстана, а также значительный интерес его жителей к получению российского высшего образования¹⁴⁸.

Узнаваемая и комфортная среда казахстанских городов (с точки зрения менталитета, культурных привычек, звучащего языка и пр.) – а именно в городах действуют различные российские организации – действительно может расслаблять, порождать иллюзию благополучия. Зачем что-то придумывать, проявлять «креатив», привлекать дополнительные ресурсы для продвижения русского языка и культуры, раз вокруг и так «свои люди», звучит русская речь? Возможно, этими настроениями объясняется, к примеру, стойкое нежелание сотрудников работающих в Казахстане российских организаций, включая посольство, прийти на встречу со студентами того или иного местного вуза. На это жаловались проинтервьюированные нами эксперты-преподаватели вузов, упоминая при этом,

¹⁴⁷ *Laruelle M.* The "Russian World". Russia's Soft Power and Geopolitical Imagination. Centre on Global Interests, May 2015. P. 18; *Friess N.* Young Russophone Literature of Kazakhstan and the "Russian World"... P. 169.

¹⁴⁸ Подробнее о различных проявлениях плотности социально-культурных связей между Казахстаном и Россией в главе 1.

что представители посольств других стран всегда с готовностью откликаются на подобные просьбы.

На наш взгляд, работу России по сохранению и развитию русскоязычной культурной среды в Казахстане нужно перестроить так, чтобы преодолеть «успокаивающий» эффект унаследованной от советского прошлого «знакомой среды» и учесть в полной мере наличие описанных «мобилизующих» факторов¹⁴⁹. По сути, речь идет о том, как наиболее эффективно реализовать политику «мягкой силы» в условиях, когда международная конкуренция высока, а ресурсно-экономический и ценностно-идеологический потенциал страны несопоставим с тем, чем располагал Советский Союз. Действительно, прошли те времена, когда работала формула, по В. Маяковскому, «я русский бы выучил только за то, что им разговаривал Ленин».

Как могли бы выглядеть скорректированные направления и принципы российской политики в Центральной Азии? При всей важности возведения все новых центров русской культуры необходимо повернуться лицом к людям – конкретным потребителям услуг и получателям помощи от России, причем тут крайне важно учитывать специфику региона и отдельных стран.

Так, ключевой особенностью Киргизии в контексте нашей темы является трудовая миграция в Россию. Именно повышение лингвокультурных компетенций реальных и потенциальных мигрантов, в том числе сельских жителей, слабо или совсем не владеющих русским языком, могло бы стать в данных условиях ключевой сферой приложения усилий российских структур¹⁵⁰. А случай Казахстана иной – эта достаточно

¹⁴⁹ Этот вывод относится, с некоторыми вариациями, и к другим странам Центральной Азии с достаточно развитым русскоязычным культурным пространством (Киргизия, Узбекистан).

¹⁵⁰ Возможно, одним из первых заметных шагов на этом многотрудном пути станет достигнутая в 2021 г. договоренность с властями Киргизии о создании во всех районах страны, при финансово-организационном и методическом содействии России, сети интернатов с русским языком обучения. В первую очередь они будут рассчитаны на детей трудовых мигрантов, оставленных родителями на попечение родственников (см.: Рахимов К. Россия – это добрая сила, а не мягкая // Взгляд. 2.04.2021 (URL: <https://vz.ru/opinions/2021/4/2/1092529.html>); Самохин А. Россия усилит свое влияние в Киргизии через школьников // Взгляд. 29.03.2021 (URL: <https://vz.ru/politics/2021/3/29/1091300.html>),

развитая страна сама принимает немало трудовых мигрантов из той же Киргизии, а люди, которые едут работать в Россию, в основном являются квалифицированными специалистами¹⁵¹. Используя традиционно высокий интерес граждан РК к российскому образованию¹⁵², наша страна, в качестве эффективного орудия «мягкой силы», могла бы существенно увеличить квоту на бюджетные места, а также в более широких масштабах предоставлять другие льготы (бесплатные общежития, стипендии, помощь в улучшении языковых компетенций и пр.).

Пока же, к сожалению, российское образование вряд ли может полноценно конкурировать с западными аналогами. Это отмечают, опираясь на результаты регулярных опросов, и эксперты ЕАБР: «Система российского образования, хотя и обладает значительным интеграционным потенциалом для соседних по региону СНГ стран, но уже не является в достаточной степени конкурентоспособной»¹⁵³. Аналогичный вывод о снижении интереса молодежи постсоветских стран (Украины, Белоруссии, Молдавии, стран Закавказья) к получению дипломов российских вузов в условиях возросшей конкуренции с предлагаемыми Западом разнообразными финансово обеспеченными программами фиксируют и другие исследования¹⁵⁴. Центральная Азия пока «держится», и ее потенциал в виде молодежи, стремящейся не только к работе в России в составе армии курьеров и таксистов, но и к пополнению

¹⁵¹ Feakins M., Zemnukhova L. "I'm not a Gastarbeiter Anymore": Liminal Mobility of Young Kazakh IT Professionals in Russia // *Discourse: Studies in the Cultural Politics of Education*. Vol. 39. N5. P. 752–766.

¹⁵² Подр. см. гл. 1. См. также: Колосков Ф. За образованием из Казахстана в Россию. А из России в Казахстан? // *Ритм Евразии*, 10.01.2021 (URL: <https://www.ritmeurasia.org/news-2021-01-10-za-obrazovaniem-iz-kazahstana-v-rossiju-a-iz-rossii-v-kazahstan-52694>); Кряжева А. Абитуриенты из Центральной Азии все чаще выбирают вузы России // *Ритм Евразии*, 25.05.2021 (URL: <https://www.ritmeurasia.org/news-2021-05-25-abiturienty-iz-centralnoj-azii-vse-chasche-vybirajut-vuzy-rossii-54767>).

¹⁵³ Интеграционный барометр ЕАБР – 2017. Доклад № 46. СПб: Центр интеграционных исследований Евразийского банка развития, 2017. С. 69.

¹⁵⁴ Резчиков А., Самохин А., Фахрутдинов Р. Как России заманить на учебу молодежь из бывшего СССР? // *Взгляд*, 05.08.2021 (URL: <https://vz.ru/society/2021/8/5/1109162.html>); Кряжева А. Абитуриенты из Центральной Азии все чаще выбирают вузы России...

рядов российского студенчества, необходимо всячески поддерживать и расширять.

Возвращаясь к Казахстану, дальнейшие усилия стоит направить не только, как отмечалось выше, на существенный рост численности студентов, обучающихся бесплатно или на льготных условиях. Желательно, чтобы в составе была значительна доля казахов, причем из разных, как более «традиционных», так и модернизированных регионов страны. В этом случае, в отличие от «соотечественников», велика вероятность их возвращения на родину после обучения. Это позволит, при прочих равных условиях, эффективнее поддерживать культурно-языковую полифонию в Казахстане и повысить там уровень «лояльности» к России, о чем говорили казахстанские эксперты и чем по отношению к своим странам озабочены ее геополитические конкуренты в регионе.

Если обобщить, усилия России должны быть направлены на работу с носителями разных политических взглядов из разных этнических, социально-профессиональных и возрастных групп – и с интересующейся творчеством М. Булгакова и А. Пушкина городской интеллигенцией, и с сельчанами, живущими в мире традиционной казахской культуры; с людьми старшего поколения, воспитанными на советских фильмах, и с молодежью, увлеченной корейскими сериалами и мечтающей поехать учиться в Америку.

Необходимо, таким образом, существенно расширить целевую аудиторию российской «мягкой силы», выйти за те границы «русского мира», которые его идеологам, видимо, представляются достаточно широкими. По словам исполнительного директора фонда В. Никонова, «русский мир – это не только русские, не только россияне, не только наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, выходцы из России и их потомки. Это еще и иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, – словом, все те, кто искренне интересуется Россией»¹⁵⁵.

¹⁵⁵ Цит. по: Мамедов Г. Русский язык в Кыргызстане: дискурс и нарративы...

Однако немало «говорящих на русском языке» или «изучающих его», как было здесь показано на примере Казахстана, делают это из сугубо прагматических соображений, а не ради интереса к России. Разумно ли оставлять их за бортом – не говоря о тех жителях страны, которые, владея русским и используя его практически на уровне родного, при этом весьма «прохладно» относятся к России, если не сказать больше (национал-патриоты являются тут хорошим примером).

Важно продолжать работать в рамках уже апробированных «значимых, не декларативных» программ. Это, например, поддержка функционирующих на основе русского языка учреждений среднего и высшего образования, науки в Центральной Азии, которые испытывают постоянную нехватку ресурсов.

Трудно не согласиться с тем, что такая помощь могла бы способствовать «формированию лояльной России интеллектуальной элиты»¹⁵⁶. Правда, то, что уже делается, удивляет очень скромными масштабами, несоизмеримыми с потребностями. Например, в 2015 г. по программе повышения квалификации учителей русского языка в Россию приехало 160 человек из всех постсоветских стран¹⁵⁷. Однако только в одной Карагандинской или, скажем, Алма-Атинской области Казахстана можно найти столько же преподавателей, которые вряд ли отказались бы от возможности бесплатно посетить Россию и расширить свой культурно-профессиональный кругозор.

Наряду с давно известным, можно было бы подумать и о нетривиальных шагах по поддержке русскоязычного культурного пространства в регионе и, в частности, в Казахстане. Тут стоит напомнить о триумфально шествующем по миру британском телесериале «Аббатство Даунтон» и о его недавно появившейся широкоэкранный версии, что является признанием высокой эффективности британской «мягкой

¹⁵⁶ Летняков Д. Э., Емельянова Н. Н. Стратегии "мягкой силы" в постсоветской Центральной Азии... С. 124.

¹⁵⁷ Там же.

силы»¹⁵⁸. В нашем случае специально подобранные, а возможно, специально созданные для местной аудитории российские фильмы, музыка, сериалы, спектакли могли бы удовлетворить растущую, особенно среди молодежи, социально-психологическую потребность в культурной продукции, напоминающей о «морали» и «добrote».

Для благосклонного приема такого рода фильмов, сериалов и пр. в обществе уже существует не только лингвистическая (широкое владение русским языком), но и ментальная основа. Так, по результатам исследования Н. Мингишевой, рост интереса казахстанской молодежи, особенно девушек, к популярным корейским (мульт)фильмам и сериалам (K-POP) во многом объясняется их высокой моральностью и эмоциональностью. Исследователь проводит аналогию с популярными у молодежи, через каналы семейного общения, советскими фильмами и «мультиками», которые тоже «учили нас быть добрыми»¹⁵⁹.

Наш анализ позволяет сделать вывод о том, что успех действий России по поддержке русского языка и культуры в Казахстане во многом зависит от того, смогут ли эти действия удовлетворить как заметную потребность в эмоциях (причем связанных не только с казахским языком, но и с русским), так и существующие среди разных этносоциальных групп прагматичные ожидания по поводу роли языков в стране и в судьбах отдельных людей.

¹⁵⁸ По существующему с 2015 г. рейтингу влияния "мягкой силы" государств мира, Британия постоянно занимает там лидирующие позиции, что эксперты связывают с качеством британских фильмов и телесериалов (кстати, Россия попала в этот список в 2016 г. и еще не поднималась выше 26-го места). См.: Ночевка Ф. Великая телевизионная держава. Британские сериалы превратились в одно из самых мощных орудий британской "мягкой силы" // Коммерсант, 29.09.2019 (URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4101318?from=main_4>).

¹⁵⁹ Mingisheva N. Cultural Globalization and Youth Identity Construction... P. 173–175.

Глава V

ЛАТИНИЗАЦИЯ КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА (ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

Со времени обретения независимости в 1991 г. руководство Республики Казахстан (РК) несколько раз поднимало вопрос о переходе на латинский алфавит, мотивируя этот шаг необходимостью идти в ногу с требованиями времени, по аналогии с происходящим в других постсоветских странах – Туркмении, Узбекистане и Азербайджане.

Первый президент РК Н. Назарбаев, выступая 11 января 2013 г. на заседании сената, сделал заявление о планируемом переходе казахского языка на латинский алфавит. В 2017 г. он сказал в одном из своих выступлений: «К 2025 году все деловые документы, периодические издания и книги должны начать выходить на латинице. Сейчас начнется большая подготовительная работа»¹⁶⁰.

В свете принятой программы возникают вопросы, связанные с ее кратковременными и долгосрочными последствиями. Прежде всего, почему именно в 2017 г. вновь возникла необходимость в ее реализации? Какие именно политические группы заинтересованы в ее осуществлении? Какими (гео)политическими и/или этнолингвистическими процессами обусловлена инициатива президента? И, конечно, наиболее важный аспект перехода на латиницу – это возможное сужение сферы русскоязычной культуры, разрыв связей нескольких поколений в случае, если родители и дети будут пользоваться различными алфавитами.

¹⁶⁰ Интервью президента Казахстана Н.А. Назарбаева телеканалу «Хабар», 21 августа 2017 г. (URL: <http://khabar.kz>spetsproekty>).

Программа, объявленная Н. Назарбаевым, вызвала широкий отклик и неоднозначную оценку среди академической общественности и рядовых граждан; разброс мнений по этой проблеме оказался очень большим. Основными участниками дискуссии являются представители экспертного сообщества и авторы различных сетевых изданий, пишущие на русском языке. В работе намеренно не рассматривались казахоязычные издания, так как они в большинстве выступают в пользу этой реформы. Кроме того, незавершенность самой реформы представляет слишком ограниченный материал для серьезных научных исследований.

Большинство экспертов, а также академические ученые рассматривают процесс «латинизации» либо как фактор геополитических предпочтений¹⁶¹, либо как технократическую задачу¹⁶², однако вопрос о том, какая именно группа продвигает этот проект и каковы его стратегические цели, остался практически нераскрытым.

Латинизация и постколониальность: методология исследования

По нашему мнению, сегодня в проекте латинизации прослеживается связь с последней стадией постколониального развития Казахстана, хотя этот процесс был в основном завершен в 1950-е – 1980-е гг.¹⁶³ Если советский постколониальный проект был представлен интеграцией казахстанской литературы в общесоюзное русскоязычное культурное пространство, то для независимого Казахстана задачи нацио-

¹⁶¹ Панфилова В. Переход Казахстана на латиницу – сигнал для России // Независимая газета, 12 апреля 2017 г.; Ибрагимбеков М. Реалии ЕАЭС: пантюрист-руссофоб у руля масс-медиа в Казахстане // EurAsia Daily, 21 сентября 2017 г.; Сакенов Д. Значение перехода Казахстана на латиницу для тюркского мира // Турецкие СМИ. 2 сентября 2017 г. (URL: <http://365Info.kz>2017/09>); Свойик П. От «не торопимся» до «срочно переходим»: как менялась риторика латинизации в Казахстане. 13 апреля 2021 г. (URL: <http://ia-centr.ru>experts>petr-svoik>).

¹⁶² Айдос С. Вопрос перехода на латиницу – исключительное дело казахов // EurAsia Daily, 21 августа 2017 г.

¹⁶³ Dadabayeva G., Sharipova D. The Imagined Nation-State in Soviet Literature: a Case of Koshpendiler // Nationalities Papers. 2015. Vol. 44. N1. P. 1–16.

нально-государственного строительства требуют, напротив, ухода из этого пространства, чтобы акцентировать внимание на развитии казахской культуры. Конкурировать с русским языком и сейчас, спустя три десятилетия после провозглашения независимости, довольно тяжело, поскольку в республике имеется широкий доступ к русскоязычным телевизионным каналам, социальным сетям, газетам и журналам.

Целью данной главы является анализ постколониального характера проводимой латинизации казахского языка в оценке русскоязычных экспертов РК. Постколониальная теория дает возможность объяснить причины реализации данного проекта, находящегося на стыке постколониального и антиколониального трендов в казахстанском обществе. Влияние этих трендов на общество определяется первоочередными задачами национального строительства и их синхронизацией с индикаторами этнической идентичности.

Мы начнем с рассмотрения того, в какие исторические периоды проводилась «латинизация» казахского языка в контексте задач национального и государственного строительства. Далее будут проанализированы различные тексты по проблеме «латинизации», опубликованные в интернете. Их авторы высказываются об актуальности реформы и возможных ее последствиях, в том числе и для функционирования русского языка.

Таким образом, фокусом нашего исследования стала проблема национальной (этнической) идентификации, которая влияет на выбор языка – не только в качестве государственного, но и как языка, который должен доминировать в СМИ и культурном пространстве.

Чтобы выявить факторы, повлиявшие на латинизацию казахского языка, стоит обратить внимание на историю введения латинского алфавита в Казахстане: когда, в какой период и какие политические группы инициировали эти перемены. Используя сравнительно-исторический метод, можно установить причины трансформации казахского языка, начиная с 1920-х гг. Сравнение ситуации 1930-х – 1940х гг. и современной языковой политики в независимом Казахстане поможет выявлению этих причин.

По мнению казахстанского исследователя А. Гали, современная казахская идентичность основана на таких маркерах, как «казахский язык, традиции, мусульманская религия, история и государственность»¹⁶⁴. Однако следует признать, что ислам не стал «главным фактором этнической мобилизации казахов» и оказался просто включенным в казахские традиции наряду с традиционными культами. Российский историк А.В. Ремнев считал «куда более важным в этом перечне язык, историю и приверженность, через них – казахским традициям»¹⁶⁵.

В упомянутых работах заметно совпадение таких трех основных маркеров идентичности (казахский язык, традиции и история), которые могут быть использованы и для анализа языковой реформы 1920-х – 1930х гг. В целом эти маркеры отражают антиколониальный и постколониальный характер национальной (этнической) идентичности. Как казахстанский, так и российский исследователи отметили, насколько важно сочетание государственной языковой политики и «исторической политики», т.е. выделили основные направления конструирования идентичности.

Чтобы выявить этносоциальные группы, наиболее последовательно выступающие за реализацию проекта латинизации, можно использовать контент-анализ различных появившихся в Интернете публикаций по изучаемой теме. Путем сравнения количества ключевых слов в этих источниках, распределенных по трем указанным индикаторам (казахский язык; традиции; история), можно будет сделать вывод о том, представители каких социальных групп и профессиональных сообществ (ученые, эксперты, а среди них отдельная группа – филологи; активные граждане; государственные чиновники и др.) наиболее заинтересованы в продвижении латинизации. Именно этот раздел главы дает некоторое объективное обо-

¹⁶⁴ Гали А. Демографические и миграционные ресурсы этнической идентификации в Казахстане // Проблема государственной и национальной идентичности в Казахстане. Алматы, 2001; Peyrouse S. The Russian Minority in Central Asia: Migration, Politics and Language. Woodrow Wilson International Center for Scholars. Kennan Institute, Occasional Paper № 297, 2008.

¹⁶⁵ Гали А. Демографические и миграционные ресурсы... С. 178.

снование для вывода о постколониальном характере данного проекта.

Изучение временных рамок его реализации, т.е. выяснение того, по каким причинам руководство страны начало активизировать свои усилия в 2017 г., с перспективой завершения перехода в 2025 г., основано на анализе геополитических и этнолингвистических процессов. Прежде всего речь идет о модели сотрудничества Казахстана со своими соседями по региону, о его участии в различных интеграционных объединениях, о вовлеченности в глобальную политическую повестку. Этнолингвистические процессы тесно связаны с демографической ситуацией, изменениями в составе населения и типе продвигаемого национализма. Комбинация всех этих факторов дает основание для вывода о постколониальном дискурсе, «запускающем» программу латинизации казахского языка.

Постколониальный дискурс: теория

Постколониальная теория сегодня очень популярна в Центральной Азии¹⁶⁶. Однако сам постколониальный дискурс демонстрирует крайнюю непоследовательность его применения. С одной стороны, он «направлен на борьбу с наследием прошлого в стиле деконструкции старых мифов»¹⁶⁷, но одновременно он тесно связан с антиколониальным проектом, поскольку это «проект деконструкции Запада как субъекта имперского дискурса... Запад рассматривается при этом как Великий Колонизатор», и одновременно «проект легитимации противодискурсов, программа выработки и рефлексии различных антиколониальных стратегий»¹⁶⁸.

¹⁶⁶ Adams L. Can we Apply Postcolonial Theory to Central Eurasia? // *Central Eurasian Studies Review*. 2008. Vol. 7. N1. P. 2–7.

¹⁶⁷ Krishnaswami R., Hawley J (ed.). *The Postcolonial and the Global*. Minnesota University Press, 2007.

¹⁶⁸ Ионов Н. Н. Новая глобальная история и постколониальный дискурс // *История и современность*. 2009. № 2. С. 34.

Еще одна особенность постколониального дискурса последних десятилетий состоит в том, что он продуцируется вполне благополучной академической средой стран постколониального пространства, которая все больше втягивается в глобальное/интернациональное поле науки. В свою очередь, на этом поле мы наблюдаем кризис евроцентристского и американо-центристского миров, что добавляет деструктивные элементы в процессы, анализируемые постколониальным дискурсом¹⁶⁹. Несмотря на попытки постколониального дискурса стать своеобразным «медиатором» между колонизуемым и колонизатором, сам он не свободен от внутреннего раздвоения.

В качестве предварительного итога отметим, что двойственная природа постколониального дискурса проявляется в его направленности против наследия колониализма. Другими словами, бывшие колонии должны признать свою самодостаточность, что означает разрыв с метрополией, прежде всего в области языка и культуры.

Данный факт означает выработку собственной идентификационной модели, а в случае национализирующихся государств – новой этнической идентичности. Маркеры этой идентичности могут меняться вследствие коррекции целей и задач государственной политики. Так, например, история постсоветского Казахстана демонстрирует, что в определенные периоды националистическая риторика играет значительную роль, влияя на принятие важнейших решений, особенно в области языковой политики. Понимание особенностей строительства национального государства связано с тем, какие именно тренды задают повестку, в частности, идет ли речь о росте национализма, и какого именно – гражданского, государственного, сепаратистского или этнического.

Другая сторона природы постколониального дискурса состоит в его развитии и трансформации, а всякий подобный процесс ведет к появлению в рамках дискурса множества

¹⁶⁹ Там же, с. 33–60.

конкретизирующих его тем (темы национализма, регионов, гендера, империи и др.)¹⁷⁰.

Именно этот распад постколониального дискурса на отдельные направления становится основной деструктивной тенденцией в процессе создания этнической идентичности, которая была бы устойчивой в многонациональном государстве, стремящемся соответствовать международным нормам. Однако в национализирующемся государстве соотношение между глобальной и отечественной (региональной, локальной) историей меняется в пользу последней по ряду объективных и субъективных факторов, прежде всего из-за доминирования анти- и постколониального дискурсов, зачастую вытесняющих мировую тематику на периферию исследовательского интереса.

Казахстан как национализирующееся государство

Переход казахского языка на латиницу является частью программы модернизации общественного сознания, провозглашенной бывшим президентом в апреле 2017 г.¹⁷¹ Первая часть процесса латинизации связана с внутренними проблемами республики. Как указывал президент в своей статье, Казахстан сейчас проходит третью волну модернизации, чтобы достичь цели, поставленной в государственной стратегии, – войти в число тридцати наиболее развитых государств мира. Реформы образования, экономики и финансов двигают Казахстан в сторону западной модели государства, при этом особенностью казахстанской модели стала усиливающаяся роль государства¹⁷².

Одновременно с экономическими преобразованиями быстрая трансформация казахстанского общества спрово-

¹⁷⁰ Ионов Н. Н. Новая глобальная история и пост-колониальный дискурс...

¹⁷¹ Назарбаев Н. А. Болашаққабағдар: руханижаңғыру (Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания) // Егемен Қазақстан. 12 апреля 2017 г. (URL: <http://www.kisi.kz>).

¹⁷² Становление и развитие независимого Казахстана: социо-гуманитарный анализ // National Digital History of Kazakhstan. 19 Августа 2013 г. (URL: <http://e-history.kz/ru/contents/view/784>).

ждалась усилением роли национального государства и, соответственно, казахского языка. Казахстанская элита в 1990-х гг. с успехом использовала советские технологии национального строительства, чтобы относительно безболезненно добиться доминирующего положения¹⁷³. Именно эта стратегия позволила перевести русскоязычное население в категорию этнического меньшинства¹⁷⁴ в рамках национализирующегося государства. Помимо этого, в 1990-е гг. из республики выехало около двух млн русскоязычных: большинство промышленных предприятий закрылись, уровень безработицы был крайне высоким, что заставило людей искать новые возможности в России, Европе и США.

Национализирующееся государство, по Р. Брубейкеру, создается для определенной этнокультурной нации. Это государство защищает ее «язык, культуру, демографическую позицию, экономическое благополучие и политическую гегемонию...»¹⁷⁵. Главным элементом этого процесса является наличие такого чувства, как «принадлежность государства определенной этнической группе» – чувства, не имеющего ничего общего с понятием гражданства или принадлежности к нации в целом. Это своего рода «компенсационный» проект, направленный на исправление допущенной исторической несправедливости; его можно рассматривать как антиколониальный или/и постколониальный проект. Постсоветский Казахстан, безусловно, относится к этой категории государств.

Одновременно с продвижением постколониального/антиколониального проекта задачей национализирующегося государства становится формирование национальной идентичности, которая гарантировала бы политическую стабильность, необходимую для реализации экономических и политических реформ. Таким образом, национализирующееся

¹⁷³ *Schatz E.* Framing Strategies and Non-Conflict in Multi-Ethnic Kazakhstan // *Nationalism and Ethnic Politics*. 2000. Vol. 6. N2. P. 71–94.

¹⁷⁴ *Hierman B., Nekbakhtshoev N.* Whose Land Is It? Land Reform, Minorities, and the Titular «Nation» in Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Tajikistan // *Nationalities Papers*. 2014. Vol. 42. N2. P. 336–354.

¹⁷⁵ *Brubaker R.* Nationalizing States in the Old «New Europe» // *Ethnic and Racial Studies*. 1996. Vol. 19. N2. P. 425.

государство оказывается в ловушке двух противоположных трендов – необходимость интегрироваться в глобальный мир, управляемый либеральными ценностями, и необходимость реализовать национально-этнический проект, что возможно лишь на принципах национализма.

С. Пейруз утверждает, что новый тренд на «дерусификацию» привел к парадоксальным результатам по отношению к русскому этническому меньшинству. Русофобия в изучаемом регионе имеет мало общего с «русским вопросом» – динамика отношений центральноазиатских республик с бывшей метрополией определяется в значительной степени трудовой миграцией, а следовательно, необходимостью поддерживать позитивный градус в этих отношениях. К тому же довольно часто националистическая риторика использует аргументы, коренящиеся в экономических ошибках политического руководства¹⁷⁶.

Мы согласны с мнением С. Пейруза о том, что именно «миграционная повестка» диктует политику по отношению к русскому языку¹⁷⁷. В этом контексте можно трактовать, например, сохранение кириллицы в таких трудоизбыточных республиках, как Киргизия и Таджикистан¹⁷⁸. Узбекистан стоит особняком, поскольку решение о переводе на латинский алфавит было принято там еще в 1993 г.¹⁷⁹ К 2005 г. русский язык перестал употребляться на официальном, государственном уровне, хотя все еще имеет широкое хождение на бытовом уровне, в сфере образования и на производстве (подр. см. гл. 6 наст. издания).

Казахстан в эту региональную миграционную повестку не вписывается, однако до последнего времени будущее

¹⁷⁶ Peyrouse S. The Russian Minority in Central Asia: Migration, Politics and Language...

¹⁷⁷ Peyrouse S. The Russian Minority in Central Asia: Migration, Politics and Language... P. 1–2.

¹⁷⁸ При всей значимости фактора трудовой миграции для сохранения русскоязычного культурного пространства в ряде стран региона нельзя сбрасывать со счетов и историко-политический контекст, важный в том числе и для Казахстана, несмотря на отсутствие массовой миграции из него в Россию (подр. см. главу 4).

¹⁷⁹ Султанмуратов Н. Второе пришествие латиницы // ЦентрАзия. № 3 (109), 3 июля 2017 г. (URL: <https://www.asiakz.com/vtoroe-prishestvie-latinity>).

русского языка в этой республике особого опасения не вызывало. Тем не менее С. Пейруз совершенно верно указывает на разную природу таких явлений, как русофобия и «русский вопрос» (последнее для Казахстана является наиболее актуальной частью программы национального строительства).

Российский исследователь А. Ремнев полагал, что русский язык и литература играют большую роль в постколониальном дискурсе, особенно в контексте феномена русскоязычия советского периода, когда многие казахские писатели создавали свои произведения на русском языке. В одной из статей он высказал мнение о том, что культура метрополии воспринималась как «высокая культура», как образец и пример для подражания, а главное, как основной канал приобщения к мировой, глобальной «высокой культуре». Именно этот фактор давал дополнительное основание казахской интеллигенции ощущать себя частью огромного великолепного культурного пространства, уходя от двойственного, расщепляющего влияния антиколониального дискурса. Подъем национализма и национальных культур в СССР в 1970-х гг. и позже способствовал появлению новых трендов, в рамках которых «русский язык уже не кажется “великим наследием империи” и ее “ценным даром”»¹⁸⁰.

Тем не менее в тот период мы наблюдаем проявления постколониального дискурса, в рамках которого продолжает сохраняться высокий статус русского языка, хотя бы в качестве языка общения. Антиколониальный же дискурс смещается к более простым решениям – копировать и воспроизводить имперское и колониальное на своей национальной основе, используя ресурсы государства¹⁸¹.

В небольшой полемической статье А. Биссенова поднимает очень важные вопросы, связанные с антиколониальным и постколониальным дискурсом в казахстанском обще-

¹⁸⁰ Ремнев А. Колониальность, постколониальность и «историческая политика» в современном Казахстане // *Ab Imperio*. 2001. № 2. С. 177.

¹⁸¹ Ремнев А. Колониальность, постколониальность и «историческая политика» в современном Казахстане...

стве¹⁸². Она рассматривает проблему казахстанского постколониализма как необходимость позиционировать себя в отрыве от бывшей метрополии, поскольку мы не хотим быть манкуртами, т.е. людьми, отказавшимися от родной культуры и языка в пользу колонизатора. Однако задача современного, т.е. постсоветского манкурта намного сложнее, он должен не только осознать и осудить свой манкуртизм, т.е. очиститься от предшествующей идентичности, но и еще не отстать от той генеральной цели – модернизации и вестернизации, которой большевики и «соблазнили бедного туземца».

Постколониальный манкурт находится в ловушке диаметрально противоположных парадигм развития. С одной стороны, он возвращается к истокам, а следовательно, язык и культура бывшей метрополии должны уйти из новой реальности; более того, он сам должен осознать и осудить свой колониальный статус. С другой стороны, ему нужно одеть «белую маску», стать другим, чтобы быть признанным в мире белых и так или иначе обрести себя. Это и есть давление нового глобального мира с уже установленными правилами и нормами.

Необходимость гармонизировать эти разнородные проблемы в национальном проекте привлекает наше внимание к той сфере, которая позволяет одновременно эффективно менять политическую, социальную и культурную среду. Это сфера языка и языковой политики.

Языковая политика национализирующегося государства

В 1984 г. американский исследователь Р. Руис опубликовал статью, где изложил главные проблемы языкового планирования. Он предложил рассматривать язык как право, как ресурс и как проблему¹⁸³. Руис писал о ситуации с двуязычием (испанский, английский) в США, имея в виду особенности вве-

¹⁸² Биссенова А. О манкуртизме и постколониализме // Навигатор. 06.10.2008 (URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1223317800>).

¹⁸³ Ruiz R. Orientations in Language Planning // Bilingual Research Journal. 1984. Vol. 8. N2.

дения билингвального образования, и пришел к выводу, что начальное обучение на родном языке позволяет впоследствии с легкостью перейти к изучению других языков.

Теория Руиса сыграла большую роль в истории языкового образования. Прежде всего это касается современной интерпретации трех аспектов языкового планирования. Если переход казахского языка на латинский алфавит исходит из предпосылки «языка как ресурса», это означает равное обучение двум языкам с полноценной возможностью использовать оба языка для профессионального и личностного развития. «Язык как проблема» означает, что язык этнического меньшинства дает мало оснований для подобного роста, а принцип «язык как право» дает возможность обучаться языку своей этнической группы/этнического меньшинства. Однако, если это право реализуется формально, то знание языка отнюдь не будет означать дополнительных профессиональных или же карьерных возможностей.

Декларируемая руководством Казахстана языковая политика выглядит реализацией концепции «языка как ресурса», что позволяет объяснить перевод на латинский алфавит необходимостью учета лингвистических особенностей казахского языка. Условно этот процесс можно обозначить как «технократический», т. е. не имеющий четких политических целей. Помимо технократического тренда, как считают аналитики, существует и геополитический заказ на реализацию проекта латинизации.

Ряд исследователей считает, что право выбора языка является относительным и определяется, во-первых, государством и, во-вторых, национальной ментальностью¹⁸⁴. Э. Хауген говорит о намеренном подталкивании языковых изменений в определенном направлении, поскольку речевые коллективы нуждаются в некотором общем коде, который позволил бы в дальнейшем им лучше понимать друг друга¹⁸⁵.

¹⁸⁴ Наумов В. В. Государство и язык: формулы власти и безвластия. М.: Комкнига, 2010. С. 15.

¹⁸⁵ Хауген Э. Лингвистика и языковое планирование // Новое в лингвистике. М., 1975, вып. 7. Социолингвистика. С. 450.

Возможно, что переход на латинский алфавит разделит казахстанское общество на тех, кто использует кириллицу, а это в основном люди среднего и пожилого возраста, и тех, кто в силу незнакомства с данным алфавитом окажется отрезанным от русскоязычного сообщества. Тревожным сигналом становится падение уровня образования, слабое знание литературы и искусства России, являющейся частью мировой культуры. После введения латинского алфавита этот тренд завершит политический уход России из местного казахоязычного культурного пространства.

Э. Битикчи, исследования которого вызывают много вопросов, определяет постколониальность как «историческое состояние, обозначенное видимой, официальной независимостью и скрытым состоянием зависимости от бывшей метрополии, выявляющейся в остатках колониальной иерархии знаний»¹⁸⁶. Когда и как эта зависимость появляется? Насколько язык отражает эту иерархию? Постколониальная теория считает колониальной зависимостью в том числе и власть, устанавливаемую колонизаторами над культурой и образованием завоеванного населения. Последнее важно для понимания иерархии культур, а главное, языков, поскольку язык империи, конечно, должен доминировать в этой сфере.

Битикчи ввел термин «пост-имперский детерминизм», характеризующий «национализирующиеся государства», когда практически все общественно-политические явления в жизни этих стран объясняются влиянием (как правило, негативным) бывшей метрополии. «Пост-имперский детерминизм» объясняет расщепление сознания населения независимых государств. С одной стороны, «колониальные общества характеризуются желанием восстановить “аутентичность” своей культуры», а с другой – они «сталкиваются при этом с фактом гибридности собственного происхождения под влиянием колонизации, разрываясь между подражательностью и оригинальностью»¹⁸⁷.

¹⁸⁶ Э. Битикчи. Лунный папа. (URL: <http://elbilge.ucoz.ru/publ/15-1-0-188>).

¹⁸⁷ Биссенова А. О манкуртизме и постколониализме...

К истории латинизации казахского языка

Какие же реформы пережил казахский язык на протяжении советского периода? И как повлияли эти изменения на понимание «оригинальности» и «подражательности» родного языка?

Реализация языковой политики в советский период разделяется на три периода. Первый включает в себя реформу старой орфографии, второй период связан с переводом на латинский алфавит и созданием новых орфографий для языков, не имевших прежде своей письменности, а третий – перевод национальных языков на кириллицу¹⁸⁸.

Перевод языков на латинский алфавит проводился на территории Центральной Азии, Сибири, в Поволжье и на Кавказе. Этот поворот в языковой политике объяснялся тем, что многие языки народов СССР были основаны на арабском, иврите, а также уйгурско-монгольских шрифтах. Именно сложность этих языков и стала основным камнем преткновения при решении важнейшей государственной задачи – ликвидации неграмотности. Кроме того, советские языковеды считали, что арабский алфавит не способен передавать звуки северокавказских и тюркских языков. Арабский алфавит использовался в тюркских языках, включая казахский язык. Неудивительно и заимствование большого количества слов из арабского языка.

Правительство большевиков очень внимательно относилось к такой чувствительной политической теме, как обучение на родном языке. Еще в начале 1920-х гг. И. Сталин писал, что не существует обязательного государственного языка, так как каждый регион вправе выбирать язык, на котором говорит большинство населения, при этом права национальных меньшинств также не должны нарушаться, в том числе и в сфере школьного образования¹⁸⁹. В 1921 г. в Туркестане началось

¹⁸⁸ Исаев М. Национальные языки в СССР: проблемы и решения. М.: Прогресс, 1977. С. 16.

¹⁸⁹ Iskhan B.J., Dautova S.B., Ospanova B.R. Language Policy and the Kazakh Alphabet // Международный журнал экспериментального образования. 2014. № 4–2. С. 44–47.

обучение на национальных языках, включая казахский язык, а в марте КазЦИК принял решение об обязательном изучении казахского языка.

Тем не менее уже к концу 1920-х гг. руководство страны принимает решение о переводе местных языков на латинский алфавит. Продвижением этого проекта занималась Академия наук СССР при полной поддержке государства. В 1928 г. на встрече в Баку был предложен проект латинизации для всех советских тюркских республик. Казахский алфавит, состоящий из 28 букв, был представлен группой под руководством О. Жандосова. Новый алфавит активно обсуждался на конференции в Кзыл-Орде такими специалистами, как Т. Шонанулы, Е. Омаров, К. Жубанов, Е. Поливанов, хотя впоследствии был принят алфавит из 29 букв, предложенный А. Байтурсиновым. Он считается лучшим, поскольку учитывал фонетические особенности казахского языка и был достаточно легким для изучения¹⁹⁰.

В 1929 г. в Казахской ССР был введен латинский алфавит в русле инициированной Москвой широкомасштабной кампании по переводу национальных языков на латиницу. Главной задачей этого этапа развития стал отход от культурных, в первую очередь, литературных традиций мусульманского мира, а следовательно, и от прежних ценностей.

Однако и самого Байтурсинова в каком-то смысле можно было назвать инициатором отхода от определенных традиций. Заимствуя латинский алфавит, он призывал менять произношение заимствованных слов в фонетических рамках казахского языка. Иностранные слова заходили в казахский язык и становились его частью, меняясь зачастую до неузнаваемости, например: сатсыализм, сатсыалист, кәмүніс. Вполне знакомые слова «социализм», «социалист», «коммунист» в казахском произношении звучали почти как тюркские¹⁹¹.

С известной осторожностью этот подход можно назвать «технократическим» и националистически-модернизацион-

¹⁹⁰ Там же.

¹⁹¹ Там же.

ным. Нельзя забывать, что Байтурсинов – один из лидеров Алаш-Орды, партии и движения, ведомого либеральными западными идеями. Она стала сотрудничать с большевиками только после соглашения о всемерной поддержке национального языка и культуры.

К концу 1930-х гг. появилась идея о том, чтобы ввести общий латинский алфавит для всех тюркских республик СССР. Такой шаг был неприемлем для руководства СССР, поскольку это означало своеобразное возрождение идей пантюркизма, с которым на протяжении долгого времени шла ожесточенная борьба. Кроме того, нельзя забывать, что отношения СССР и кемалистской Турции испортились во второй половине 1930-х гг., что также способствовало росту недоверия к данному проекту. Так сложилось, что геополитические резоны вполне согласовывались с тем фактом, что и сами тюркские республики СССР не стремились реализовать такую программу латинизации. Каждая из республик получила возможность продвигать свои национальные культурные и языковые проекты (в советской интерпретации), и их политические и культурные элиты не имели ни малейшего желания поступаться своей властью и возможностями.

Принятие программы латинизации руководством страны, конечно, было решением политическим, целью которого было разрушение предшествующей идентичности и создание новой, советской национальной идентичности в республиках СССР. Начало реализации этой программы можно отнести к 1929 г., когда курс на строительство «социализма в одной отдельно взятой стране» стал окончательным и бесповоротным. Новая культура и искусство должны были идеологически заполнить культурное пространство, в том числе и медиапространство. Это своеобразное осуществление плана «сорокалетнего блуждания по пустыне» для того, чтобы из памяти народов СССР вытравить воспоминания о русском языке как языке колонизаторов. Не случайно этот проект был предложен для тех регионов, где антиколониальные, антирусские настроения, направленные против Российской империи, были особенно сильными.

За 20 лет, в течение которых программа латинизации себя зарекомендовала с положительной стороны, в регионе сформировалась интеллектуальная элита, которая смогла отойти от предшествующей, джадидской программы культурного возрождения. Новое поколение уже не владело арабским алфавитом, а значит, идеологически уже не ассоциировало свои убеждения с программами националистов начала XX в.

Нужна ли была латинизация империи?

Любопытно, что и в самой России были сторонники введения латинского алфавита для русского языка. В ноябре 1929 г. при Народном комиссариате просвещения была организована комиссия по латинизации русского алфавита под влиянием идей российского лингвиста Н. Яковлева¹⁹². Он привел десять тезисов, которые объясняли необходимость перевода русского языка на латинский алфавит. Отметим, что во втором тезисе он приводит антиколониальные аргументы в пользу проекта латинизации. «Российский алфавит – это инструмент самодержавного угнетения, религиозной пропаганды и великорусского шовинизма, особенно в отношении национальных меньшинств»¹⁹³. По сути, Яковлев настаивал, что в качестве языка метрополии русский теряет моральное право быть предложенным для национальных меньшинств и, следовательно, необходимо найти программу антиколониальной стратегии, чтобы поставить Россию в ряд угнетенных народов.

Этот тезис в определенной степени предвосхитил современные исследования по теме постколониальной России¹⁹⁴. Например, несмотря на аргументы, затрагивающие в основном анализ международной системы, в рамках кото-

¹⁹² Moscow Reacts to Kazakhstan and Kyrgyzstan Switching from Cyrillic with Hysteries (URL: <http://euromaidanpress.com/2017/04/18/moscow-reacts-to-kazakhstan-and-kyrgyzstan-switching-from-cyrillic-with-hysteries-euromaidan-press/#arvlbdata>).

¹⁹³ Там же.

¹⁹⁴ Morozov V.E. Russia's Postcolonial Identity: A Subaltern Empire in a Eurocentric World. Macmillan: Palgrave, 2015.

рой Россию можно назвать занимающей подчиненное положение (*subaltern*), В. Морозов настаивает, что по отношению к бывшим республикам Россия все еще продолжает имперскую политику.

В советской языковой политике наиболее интересен вопрос о том, в какой момент сталинская стратегия социалистического строительства интегрировала имперское измерение. Вполне ли согласуется сталинский проект модернизации, известный как строительство социализма в одной отдельно взятой стране, с программой русификации как имперской идеологии?

С 1940 г. в Казахской ССР началось внедрение кириллицы в ходе также политически мотивированной кампании с целью оторвать большинство казахов от пантюркистских и панисламистских взглядов¹⁹⁵. Нельзя забывать и о том, что большинство политических эмигрантов из Центральной Азии в 1920-е и 1930-е гг. поселились в Турции, где К. Ататюрк провел успешный перевод турецкого языка на латиницу.

Фактически начиная с 1940 г. был создан язык, в котором было много новых слов и заимствований, близких к русскому языку. Те страны, которые используют кириллицу, довольно легко могут общаться между собой. Отчасти это создает предпосылки для геополитического тяготения к России как к ядру этого мира¹⁹⁶. В то же время этот проект вполне согласуется с имперским измерением новой советской стратегии по строительству такой геополитической реальности, как Советский Союз.

Во-первых, если мы принимаем тезис о том, что СССР строился не столько как социалистический проект, сколько как проект модернизированной империи, нацеленной на восстановление своих экономических и политических позиций в европейском и далее в мировом пространстве, единство империи обеспечивалось общим языком и культурой.

¹⁹⁵ Темиргали Ж. Почему латиница должна стать концептуальным выбором Казахстана // Forbes.kz. Retrieved from: https://forbes.kz/life/opinion/pochemu_latinita_doljna_stat_kontseptualnyim_vyiborom_kazahstana.

¹⁹⁶ Панфилова В. Переход Казахстана на кириллицу – сигнал для России // Независимая газета, 12 апреля 2017 г.

Каким бы критичным ни было отношение академической общественности к личности И. Сталина, никто не может отрицать определенных успехов его политики в контексте имперских амбиций.

Во-вторых, сам проект СССР в контексте реалий 1920-х – 1930-х гг. можно интерпретировать как региональный интеграционный проект¹⁹⁷. Западная и отечественная литература не рассматривала политику советского руководства по созданию СССР как случай региональной интеграции. Тем не менее в тот период появилась первая волна регионализма, так называемый имперский регионализм¹⁹⁸. Это проекты таких стран, как Германия, которая вовлекла в новый формируемый ею регион Центральную и Восточную Европу; Япония с ее проектом «сферы совместного процветания для Великой Азии» и Британское содружество. Регионализм и прежде всего «старый регионализм» уходит корнями в европейские принципы сотрудничества, направленные на экономический рост, достигаемый посредством модернизации.

В таком случае закономерно возникает вопрос – какой язык сможет способствовать успеху регионального проекта? «Имперский регионализм» вполне соотносится с проектом советского руководства о внедрении кириллицы в национальные языки и «русификации» языкового и культурного пространства СССР.

Именно этот фактор дает основание предположить, что антиколониальный дискурс был фактически полностью закрыт в период между 1930-ми и 1950-ми гг. Та национальная литература, которая появилась в предвоенные десятилетия, может быть в целом охарактеризована как антиколониальная по своему характеру. Здесь присутствовала гендерная тематика, посвященная «освобождению женщины Востока»; антиимперская тема, дополненная классовым подходом, которая негативно рисовала роль Российской империи как

¹⁹⁷ *Dadabayeva G.* Is Eurasian Union an Attempt to Revive the Soviet Union? Paper presented at CESS – ESCAS Joint Regional Conference. Bishkek, June 2017.

¹⁹⁸ *Doidge M.* The European Union and Inter-Regionalism: Patterns of Engagement. Ashgate; From Developmental Regionalism to Developmental Inter-Regionalism. NCRE Working Paper № 07/01, July 2007.

колонизатора по отношению к казахскому и другим народам. Единственной темой, которую местные литераторы старались обходить во избежание больших неприятностей, был национализм с его вопросами природы нации, государства и, конечно, языка.

Период 1950-х – 1980-х гг. стал новым этапом, принципиально отличным от предшествующего. Подъем интереса к истории, расцвет исторического романа; появление литературы, посвященной общечеловеческой тематике – это период постколониального дискурса. Только этот дискурс не был еще направлен против идеи европоцентризма и Запада, поскольку сам СССР был задуман и реализован как проект социальной «вестернизации». Академическая и литературная общественность сосредоточила свои усилия на антиимперском направлении, которое видится основным препятствием на пути создания своего национального государства. Прежняя идентичность изживает себя, а главным элементом, который потребовалось заменить, стал язык – русский язык.

Пост-империя: какой язык нам нужен?

Распад СССР в 1991 г. и внешнеполитические предпочтения России в 1990-х гг. в значительной степени изменили расклад сил в регионе Центральной Азии, включая Казахстан. Руководство республики избрало курс многовекторной внешней политики, что означало развитие дружественных отношений со всеми странами. Казахстан при этом сохранял и укреплял стратегическое партнерство с Россией и Китаем.

Все эти внешнеполитические шаги, наряду с развитием экономических отношений со странами Запада и Востока, привели к определенным изменениям и на лингвистическом поле. Пункт 1 статьи 7 Конституции РК гласит: «В Республике Казахстан государственным является казахский язык», статуса официального русский язык не получил. Однако в той же ст. 7, в п. 2 указывается: «В государственных организациях и органах местного самоуправления наравне с казахским

официально употребляется русский язык»¹⁹⁹, что уже не является реальностью, поскольку в государственных организациях сейчас все запросы выполняются на казахском языке. Автор исходит из своего личного опыта: ЗАГСы и другие организации все официальные справки выдают на казахском языке. Таким образом, казахский язык в качестве государственного играет в стране все большую роль²⁰⁰. Перевод официальной документации на казахский язык был осуществлен в соответствии с запросом определенной части общества. Следующим ответом на запросы казахоязычных граждан будет перевод казахского языка на латиницу.

Такого рода реформирование нацелено на дальнейшее улучшение ситуации с казахским языком. Но у реформы есть еще один аспект, касающийся положения русского языка в Казахстане. Для того, чтобы определить его статус и состояние, следует сначала понять, что происходит с казахским языком и почему правительство последовательно укрепляет его государственный статус. В многонациональном Казахстане, где проживает более 18 млн граждан, основными этническими группами являются, по данным 2016 г., казахи (63%) и русские (20–25%). Более поздние цифры все еще показывают русских как вторую по численности этническую группу, однако в 2019 г. они составляли уже 19,32% населения страны (3 553 232 человека)²⁰¹.

Начиная с 1991 г., когда Казахстан стал независимым государством, соотношение казахо- и русскоязычных граждан в стране сильно изменилось: республику покинули более 2,5 млн человек. Вопрос о чисто количественном соотношении казахов и русских намеренно не затрагивается в публичном дискурсе, поскольку среди казахов все еще довольно много русскоязычных, на этом языке они учились, это язык общения и привычного для них культурного пространства.

¹⁹⁹ Конституция Республики Казахстан. (URL: http://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution).

²⁰⁰ Государственный язык независимого Казахстана (URL: <http://www.kazportal.kz>gosudarstv>).

²⁰¹ Численность населения РК по отдельным этносам в 2019 г. Комитет по статистике РК (URL: <http://data.egov.kz>datasets>view>).

По данным переписи 2009 г., на русском языке свободно писали и читали 84% казахов (на казахском – 62, на английском – 7,7%); устную русскую речь понимали 94,4% (казахскую – 74%, английскую – 15,4%)²⁰².

С 2011 г. в Казахстане начала реализовываться государственная программа по развитию языков, согласно которой долю казахоговорящего населения к 2020 г. планировалось увеличить до 90%. Сегодня мы наблюдаем устойчивую тенденцию к увеличению числа казахоязычных, в том числе и в рядах представителей других этнических групп. Н. Назарбаев в своей статье²⁰³ уделил особое внимание сохранению национальной культуры, языка и истории, которые подвергались фундаментальным изменениям в XX в. Вопрос о языке также очень тесно связан с демографическим фактором. В 1989 г. население республики насчитывало 16 млн 200 тыс. человек, из них казахи составляли 40%, а к 1999 г. эта цифра достигла 53,4%²⁰⁴.

Экономические реформы 1990-х гг. привели к резкому сокращению числа нерентабельных предприятий и, соответственно, резкому оттоку русскоязычного населения из республики²⁰⁵, поскольку они составляли костяк работников тяжелой и легкой промышленности. Удельный вес казахов-рабочих в этих отраслях был низким: 6,6% в электротехнической промышленности, 13,6 в текстильной, 15,7 в швейной, 20,3% в пищевой промышленности. Казахи преобладали только в нефтедобывающей и газовой промышленности (соответственно 69,5 и 53,6% занятой там рабочей силы)²⁰⁶. Основную часть рабочего

²⁰² Итоги переписи населения Республики Казахстан 2009 года. Агентство Республики Казахстан по статистике (URL: http://www.stat.kz/p_perepis/Pages/default.aspx).

²⁰³ Назарбаев Н. А. Болашаққабағдар: рухани жаңғыру...

²⁰⁴ История Казахстана с древнейших времен до наших дней. Алматы, 1993. С. 399; Бондарцова Т. М. Казахстан в условиях независимости. Пособие по истории Казахстана. Алматы, 2006. С. 84.

²⁰⁵ Peyrouse S. Nationhood and Minority Issues in Central Asia: The Russians in Kazakhstan // Europe-Asia Studies. 2007. N3. P. 481–501.

²⁰⁶ Рост рабочего класса, его роль и место в социальной структуре республики (URL: https://e-history.kz/ru/contents/view/rost_rabochego_klassa_ego_rol_i_mesto_v_sotsialnoi_strukture_respubliki__298).

класса Казахстана составляли русскоязычные специалисты, в том числе и приехавшие из других республик.

Б. Давэ считает, что продвижение статуса казахского языка тесно связано с процессами успешного национально-государственного строительства в 2000-е гг.²⁰⁷ В этот же период стало заметным то, что С. Пейруз назвал «пассивной лояльностью новому государству, которая объясняется началом лингвистической и культурной ассимиляции и развитием двойной русско-казахской идентичности»²⁰⁸.

В свете вышеизложенного перевод казахского языка на латиницу выглядит логичным шагом правительства в ходе реализации программы национального строительства. Тем не менее планируемая реформа вызвала острую дискуссию²⁰⁹, которая показала, что наряду с положительными в ней есть много спорных моментов.

Прежде всего это касается необходимости развивать сам казахский язык, выработать новые нормы языка²¹⁰, которые смогли бы объединить казахов, проживающих в республике, в других странах СНГ, и оралманов, которые возвращаются в РК из Китая, Монголии, Ирана, Турции и Афганистана. Дело в том, что среди вернувшихся после 1991 г. оралманов (более миллиона человек) многие не владеют кириллицей. Доля оралманов из Китая – от 16 до 20%, т. е. из миллиона переселенцев их численность около 160 тыс. человек. Большинство из них не знает ни русского, ни казахского языков. Письменный казахский язык репатриантов из КНР основан на арабской

²⁰⁷ Dave B. *Kazakhstan: Language and Power*. L.: Routledge, 2007.

²⁰⁸ Peyrouse S. *Nationhood and Minority Issues in Central Asia: The Russians in Kazakhstan...* P. 500.

²⁰⁹ Балова Е. Что сулит Казахстану перевод казахского языка с кириллицы на латиницу // *УК – news.kz*, 22 апреля 2017 г.; Переход на латиницу будет способствовать изучению казахского языка // *Kapital.kz*, 11 сентября 2017 г.; Тулеева Ж. Переход казахского языка на латиницу: «за» и «против» // *АрВеди. Kz*, retrieved from: *Central Asian Monitor*, 12 сентября 2013 г.; Кулмагамбетова Д. Назарбаев ответил казахстанцам, критикующим проект алфавита на латинице // *Infromбюро*, 14 сентября 2017 г.

²¹⁰ Айдос С. Вопрос перехода на латиницу – исключительное дело казахов...; Темиргали Ж. Почему латиница должна стать концептуальным выбором Казахстана...; Ахметжан А. Я искренне сочувствую казахстанцам, отдающим детей в русскую школу // *Матрица.kz* (URL: <http://www.matritca.kz>news>458>).

языки, а репатриантов из Монголии – на кириллице. Оралманы из Узбекистана владеют казахским на кириллице и латинице. Этнические казахи из Турции пишут на латинице²¹¹. В статье директора Республиканского центра «Kazbilim» А. Ахметжана утверждается, что для казахов республики выбор один – обучать детей на казахском языке, т.к. русский язык не имеет никаких перспектив в будущем и что это еще более актуализирует переход на латиницу²¹².

Какие же группы в Казахстане заинтересованы в продвижении идей латинизации? В интернет-изданиях автором были выбраны 14 разнохарактерных публикаций на эту тему.

Большинство публикаций принадлежит специалистам-филологам или же тем, кто фокусирует внимание читателей на языковых аспектах латинизации. Они и составили наиболее многочисленную группу выбранных автором работ – шесть из 14. Выделяются также четыре публикации, условно объединенные как «геополитические»; оставшиеся четыре текста относятся к экспертным. Их авторы пытаются представить взвешенный анализ последствий предлагаемой реформы. В итоге соотношение публикаций выглядит следующим образом: шесть-четыре-четыре (языковедческие, геополитические и экспертные). Все рассматриваемые работы опубликованы на русском и английском языках. Публикации на казахском языке не рассматривались.

Ключевые слова, содержащиеся в выбранных публикациях, были разделены на следующие категории:

- история (советское наследие, советское господство, русскоязычные, наследие предков, национальная история);
- язык (национальная/этническая идентичность, казахский язык, городские казахи, статус языка, язык обучения);
- традиции (жить на земле предков, национальная идея, национальный дух, родная земля, историческая справедливость).

²¹¹ Ким Е. Вам здесь не рады. Неудобная правда о репатриантах Казахстана и их будущем. 2019. (URL: <https://regnum.ru/news/polit/2803951.html>).

²¹² Ахметжан А. Я искренне сочувствую казахстанцам, отдающим детей в русскую школу...

Набор ключевых слов исходил из предпосылки о пост-колониальном характере программы латинизации; понятно, что в этом случае наибольшее количество коннотаций будет связано с колониальной тематикой. Так, например, ключевое слово «традиции» будет вызывать образ возвращения к истокам, к прошлому.

Проанализировав данные составленной автором таблицы (см. Приложение, табл. 1), можно прийти к следующим выводам. Наибольшее количество ключевых слов было зафиксировано в категории «язык» – *казахский язык* (161) и *статус языка* (15). В категории «традиции» никто из авторов ключевые слова не употребляет: единственным исключением является само слово *традиции*, которое встречается четыре раза во всех публикациях. В категории «история» (26) практически не упоминается советское прошлое как доминирование; *советское наследие* и само понятие *русскоязычные* упоминаются всего шесть раз.

Анализируя таблицу, следует отметить раскол казахстанского общества по поводу перспектив латинизации. Большая часть специалистов, единодушно ее поддерживающих, – это филологи, преподаватели казахского языка. Например, на сайте «Переход на латиницу: мнение специалистов по казахскому языку» мнение преподавателей было практически единодушным. Они поддержали реформу по такой причине: использование латинского алфавита поможет в дальнейшем при изучении английского или других европейских языков (Ж. Бижанова, учитель казахского языка, г. Чимкент). По мнению А. Шаяеева, директора фонда развития казахского языка, автора проекта *soyle.kz*, латиница обеспечит легкий вход в научное, культурное и информационное глобальное пространство, даст возможность читать литературу на азербайджанском и турецком языках, сплотит всех казахов, живущих за рубежом, а также будет способствовать объединению всех тюркоязычных народов.

С. Тажибаева и Т. Козырев признают, что с лингвистической точки зрения кириллица также подходит, но из-за сильного влияния русской культуры она становится еще

одним фактором давления. Заместитель директора Института языкознания министерства образования и науки РК А. Фазылжанова считает, что «перевод казахской письменности на латинскую графику означает для казахов смену советской (колониальной) идентичности, которая еще во многом доминирует в национальном сознании, на суверенную казахскую идентичность»²¹³.

В то же время неожиданным для многих стало открытое письмо представителей казахской интеллигенции, адресованное главе государства, премьер-министру, депутатам и народу Казахстана. Под обращением подписались более 60 человек; среди них поэт М. Шаханов, писатель Г. Жумадилов, председатель экологического союза «Табиғат» М. Елеусизов, народный артист РК Н. Нусипжанов и многие другие. Почти все подписавшие обращение – казахоязычные. По их мнению, в результате перехода на латиницу будет утрачено огромное культурное наследие, изданное на кириллице за последние 80 лет. Кроме того, после введения латиницы тиражи казахоязычных газет резко упадут, возрастет количество людей, не умеющих писать на казахском, что ослабит и без того не самые сильные позиции государственного языка.

Даже краткий анализ статей, посвященных латинизации, показывает, что этот проект активно продвигают учителя казахского языка наряду с чиновниками и рядом экспертов. Творческая интеллигенция, включая казахоязычную, наряду с профессорско-преподавательским составом вузов относится к этой идее настороженно либо отрицательно.

Однако есть в программе латинизации один аспект, который не получил освещения со стороны кругов, являющихся наиболее активными сторонниками ее реализации. С большой долей условности можно констатировать, что в общественных науках Казахстана в течение последних десятилетий, начиная с 1970-х – 1980х гг., происходит фундаментальный поворот в сторону постколониальной парадигмы. Например, историки,

²¹³ Фазылжанова А. Переход на латиницу: кто имеет право обсуждать новый алфавит? November 26, 2018 (URL: <https://informburo.kz/mneniya/daniyar-sabitov/perehod-latinitu-kto-imeet-pravo-obsuzhdat-novyy-alfavit.html>).

исходящие из этой парадигмы, все еще фокусируют исследовательский интерес на постколониальной тематике, рассматривая и имперскую, и советскую истории как колониальные²¹⁴. Бóльшая часть англоязычной научной литературы, на которую они равняются, также занимается анализом советской истории как истории трагических фундаментальных ошибок или же намеренного уничтожения традиционной культуры и экономики²¹⁵. Неудивительно, что практически весь советский период рассматривается с отрицательным знаком – это и экологические катастрофы, начиная с Аральского моря и до Семипалатинского полигона, и голод 1930-х гг., и демографические проблемы довоенного и послевоенного Казахстана. Большинство известных казахоязычных историков принадлежат к этому влиятельному течению²¹⁶.

Другая группа, которую условно можно назвать работающей в рамках постпостколониальности²¹⁷, пытается найти подходы, которые смогут помочь понять многообразие исторического процесса, а главное, поместить его в контекст мирового развития, включая и колониальный, и постколониальный периоды²¹⁸.

Новая же научная литература, выходящая на государственном языке, в большинстве случаев фокусируется на тематике, непопулярной в советский период. Таким образом, один из влиятельных общественных нарративов строится на антиколониальных, антироссийских предпосылках.

Стоит также отметить, что на казахском языке сейчас публикуется много новых интересных исследований, осно-

²¹⁴ Омарбеков Т. Тарихпен орилген тагдыр. Астана, 2007; Қойгелдиев М. Алаш қозғалысы. Алматы, 1998; Қойгелдиев М. Жалпы халықтық қасіретті естен шығару қоғамның өзі үшін де қауіпті // Алашайнасы. 31.05.2011. № 92.

²¹⁵ Etkind A. *Internal Colonization: Russia's Imperial Experience*. Cambridge: Polity Press, 2011; Carrere d'Encausse H. *Decline of the Empire*. Harper: Colophon Books, 1991.

²¹⁶ Ильясова К. Новое осмысление национальной трагедии // National Digital History of Kazakhstan, 12 сентября 2013 г.

²¹⁷ Kassymbekova B. *Despite Cultures: Early Soviet Rule in Tajikistan*. Pittsburgh: Pittsburgh University Press, 2016; Khalid A. *Making Uzbekistan: Nation, Empire, and Revolution in the Early USSR*. Ithaca: Cornell University Press, 2015.

²¹⁸ Moritz F. *Beyond Colonialism? Agency, Power, and Making of Soviet Central Asia* // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian Studies. 2017. Vol. 18. N4.

ванных на оригинальных источниках, но вследствие языкового барьера они фактически остаются неизвестными для русскоязычных и англоязычных читателей. Рост числа учебных заведений с казахским языком обучения сужает пространство для научной и учебной литературы, выходящей на русском языке. При этом продвижение идеи перехода на латиницу практически не встречает противодействия со стороны тех научных кругов, которые сегодня ориентированы на сужающуюся русскоязычную аудиторию²¹⁹.

Вопрос функционирования русского языка в РК имеет несколько аспектов. В первую очередь, русский язык остается языком общения для нескольких поколений жителей республики. Политического контекста у этого явления нет. На русском языке говорят представители всех этнических групп Казахстана, включая славянские, тюркоязычные и др. Украинцы, давно живущие в Казахстане, и те, кто недавно сюда приехал, общаются на русском языке, и политические разногласия этому не помеха. Можно назвать данную закономерность продолжением советского опыта распространения русского языка; он давал возможность жителям республик приобщиться к миру созданной в СССР замечательной культуры, которая органично впитала и многие достижения дореволюционной России.

Еще один аспект функционирования русского языка связан уже с политическими вопросами – это партнерство с Россией и другими странами СНГ. В казахстанском информационном пространстве наблюдается значительно присутствие российских СМИ, часть которых являются проводниками официальной точки зрения руководства России. Большинство потребителей этих СМИ проживают в крупнейших городах республики, на севере и востоке страны. По меткому выражению политолога Д. Сатпаева, «некоторые жители страны

²¹⁹ *Fierman W.* Language Vitality and Path to Revival: Contrasting Cases of Azerbaijani and Kazakh // *International Journal of the Sociology of Language*. 2009. Vol. 2009. Issue 198. P. 75–104; *Bartholoma R.* Between «Duty» and «Prestige»; the Kazakh Language in the Discourse of Contemporary Kazakhstan // *Proceedings of the international symposium on Kazakh language*. 2011, Gessen, Germany; *Fierman W.* Language and Education in Post-Soviet Kazakhstan: Kazakh Medium Instruction in Urban Schools // *The Russian Review*. 2006. Vol. 65. Issue 1. P. 98–116.

телом находятся в Казахстане, а головой в России»²²⁰, что в определенной степени объясняет многогранность языковой ситуации в стране. Однако в интервью Д. Сатпаева журналисту В. Борейко прозвучало следующее утверждение: «Национал-патриотический потенциал никуда не делся: в политике он пока не сильно представлен, но из кабинетов Союза писателей давно вырвался в СМИ и социальные сети. Считаю, что за 25 лет свой шанс стать гражданским государством Казахстан проиграл. Теперь маятник качнулся в другую сторону, и страна дрейфует к национальной модели»²²¹. Отсюда и желание быстро перейти на латиницу, которая воспринимается как отход от бывшей метрополии или возможность проводить независимую политику.

В 2017 г. тема латинизации получила второе дыхание, с перспективами практической реализации. Думается, что здесь прослеживается связь с политическими событиями вокруг присоединения Крыма и экономическими последствиями западных санкций. Казахстан также был затронут этими процессами как стратегический партнер России. Вероятно, активизация работы по внедрению латинского алфавита – это демонстрация независимого курса республики.

Новые версии алфавита были представлены на обсуждение в сентябре и в октябре 2017 г., а затем были отправлены на доработку. Эти версии подверглись критике программистов, ученых и преподавателей языка. Третья версия была предложена в феврале 2018 г., и после ее обсуждения был достигнут консенсус. Тем не менее широкая общественность все еще выражает сомнения в необходимости реформы письменности. Латинизация приведет к эффекту «алфавитного разрыва», а это означает падение интереса к национальной литературе, опубликованной на кириллице, и снижение культурно-образовательного уровня населения, что будет сложно компенсировать англоязычной культурой. Русскоязычная литература по-прежнему популярна, однако есть

²²⁰ Сатпаев Д. Цель элиты – не потерять доступ к ресурсам. Интервью с В. Борейко, 15 сентября 2017 г. Ralet.kz. (URL: https://ratel.kz>outlook>dosym_sat).

²²¹ Там же.

опасения, что новое поколение учеников кириллицей владеть не будет.

Казахстанские власти данную опасность понимают. Именно поэтому президент РК К.-Ж. Токаев поставил задачу перевести 100 лучших учебников по гуманитарным и общественным наукам на казахский язык, что должно произойти до перехода на латиницу. К началу 2021 г. в Казахстане осуществили перевод 30 наиболее востребованных книг по истории кино, философии, искусства с европейских и русского языков.

Пандемия COVID-19 внесла большие изменения в ход реализации программы латинизации, и ее будущее выглядит сейчас сомнительным. Очень многое будет зависеть от финансовых возможностей страны, общественного согласия, политического курса руководства республики и отношений Казахстана с наиболее влиятельными странами региона и мира.

Таблица 1

**Ключевые слова в публикациях
по латинизации казахского языка**

	Сатпаев	Айдос	Темиргали	Доттом З.	Исхан, Даутова, Оспанова	Шустов	N.A.	Lynn Andrew	Fierman	Fierman	Балова	Kapital.kz	Тукеева
История	1	0	1	0	16	1	2	1	3	0	0	0	1
Советское наследие	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0
Советское господство	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Русскоязычные	0	1	0	0	6	0	0	0	0	0	0	0	0
Наследие предков	0	0	0	0	0	0	0	0	2	0	1	0	0
Национальная история	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Национальная/ этническая идентичность	0	0	0	6	0	4	0	0	0	0	0	0	0
Казахский язык	2	4	2	67	16	3	0	6	31	1	3	1	13
Городские казахи	0	0	0	0	0	0	0	0	3	1	0	0	1

Окончание таблицы 1

	Сапиев	Айдос	Темиргали	Доттом З.	Исхан, Даутова, Оспанова	Шустов	N.A.	Lynn Andrew	Fierman	Fierman	Балова	Kapital.kz	Тукеева
Статус языка	0	0	0	2	0	0	2	3	9	0	1	0	0
Язык обучения	0	0	0	0	1	0	3	0	0	0	0	0	0
Жить на земле прадедов	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Национальная идея	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Национальный дух	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Родная земля	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Историческая справедливость	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Традиции	0	0	0	4	0	0	0	0	0	0	0	0	0

Глава VI

ПРАВОВОЙ СТАТУС И СФЕРЫ ПРИМЕНЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В ПОСТСОВЕТСКОМ УЗБЕКИСТАНЕ

Вопрос о роли и дальнейшей судьбе русского языка в Центральной Азии не утрачивает своей остроты и актуальности: спустя 30 лет после распада СССР данная тема остается противоречивой и весьма политизированной. Активные дискуссии о статусе русского языка в регионе в 2017 г. были спровоцированы очередным анонсированием языковых реформ (перевод графики на латиницу) в Казахстане. В последние два-три года фокус дискуссий о языковых проблемах сместился в Узбекистан, где в результате начавшейся либерализации многие важнейшие вопросы активно обсуждаются общественностью и СМИ.

После периода президентства И. Каримова, когда государством были разделены сферы употребления государственного и русского языков, а самые острые противоречия принудительно сглаживались «сверху», различные социальные силы начинают задумываться о дальнейших направлениях языковой политики. В последние годы общественное мнение Узбекистана активно реагирует на разного рода острые ситуации, связанные с положением языков в республике. В качестве примеров можно назвать обсуждение записанной на видео ссоры ректора университета журналистики и массовых коммуникаций Ш. Кудратходжаева и русскоязычных женщин, не владеющих узбекским языком²²², а также заявления

²²² Ректора Университета журналистики Узбекистана обвинили в разжигании межнациональной розни. 18.08.2018 (URL: <https://centralasia.media/news:1470325>).

отдельных представителей узбекской интеллигенции и деятелей культуры, предлагающих повысить статус русского языка до уровня государственного²²³.

Несмотря на пристальный интерес российских исследователей к вопросам функционирования и развития русского языка в бывших республиках Центральной Азии, до сих пор преобладают публикации странового уровня²²⁴. Работ российских авторов, обобщающих ситуацию на уровне региона, пока немного²²⁵. Интересно, что отдельные обобщающие публикации по проблемам русского языка в регионе принадлежат перу китайских авторов²²⁶. В англоязычных публикациях чаще всего проводятся сравнения особенностей применения русского и государственного языков в различных регионах бывшего СССР в постсоветский период²²⁷.

В данной главе, подготовленной на основе материалов, собранных автором в ходе полевых исследований 2012–2015 гг. и 2019 г. в Ташкенте, Ангрене, Алмалыке и Фергане, характеризуются сферы применения русского языка, а также затрагивается вопрос о позициях государственного и русского языков в социокультурной жизни Узбекистана.

²²³ Русский язык нам не чужой. 30.04.2019 (URL: <https://vesti.uz/russkij-yazyk-nam-ne-chuzhoj/>).

²²⁴ Kosmarskaya N. The Russian Language in Kyrgyzstan: Changing Roles and Inspiring Prospects // Russian Journal of Communication. 2015. N7. P. 217–222; Цыряпкина Ю. Н. Проблемы адаптации русского населения приграничных регионов Казахстана (на примере полевых исследований в г. Семей в 2014 г.) // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае: материалы X международной научно-практической конференции. Барнаул, 2015. С. 181–185; Цыряпкина Ю. Н. Влияние экономического фактора на языковые процессы в современном Узбекистане // Востоковедные исследования на Алтае. 2018. № 12. С. 53–59; Космарская Н. П., Савин И. С. Судьба русского языка в Казахстане: возможности и барьеры использования российской «мягкой силы» // Oriens. Восток: афро-азиатские общества и современность. 2020. № 5. С. 119–130.

²²⁵ См.: Kosmarskaya N., Kosmarski A. Russian Culture in Central Asia as a Trans-Ethnic Phenomenon // Global Russian Cultures. Ed. by K. Platt. Univ. of Wisconsin Press, 2019. P. 69–93. Расширенная русскоязычная версия этой работы опубликована в: Центральная Евразия. 2018. № 1. С. 240–271.

²²⁶ Юй Х. Современное положение русского языка в государствах Центральной Азии // Постсоветские исследования. 2020. № 3. С. 251–270.

²²⁷ Fierman W. Russian in Post-Soviet Central Asia: A Comparison with the States of the Baltics and South Caucasus // Europe-Asia Studies. 2012. Vol. 64, N.6. P. 1077–1100; The Russian-Speaking Populations in the Post-Soviet Space. Language, Politics and Identity / Ed. by A. Cheskin, A. Kachuyevski. L.: Routledge, 2021.

Корни сложившейся в Центральной Азии языковой ситуации связывают с тем, что выросшие в советское время государственные институты трансформировались здесь в современные атрибуты государства. По мнению С. Абашина, ссылки на нацию, сконструированную в советское время, были успешно вплетены в концепцию национального строительства после распада СССР²²⁸. Анализ новой республиканской идентичности Узбекистана показал, что она повторяет «позднесоветскую модель национального государства»²²⁹.

В советский период языковая политика была тесно связана с национальной политикой. Соответственно, в постсоветских странах государственный язык стал одним из важнейших маркеров нации и атрибутом национальной идентичности. В суверенном Узбекистане была воспроизведена та же практика усиления национального содержания языка, при которой акцент делался на укрепление признанного в 1989 г. государственным узбекского языка. Данный факт и предопределил параметры развития последнего в постсоветский период: это укрепление позиций узбекского²³⁰, его всеобщее использование и распространение, поскольку в советской модели язык являлся неотъемлемым признаком нации.

Для властей Узбекистана подобная предопределенность построения модели-нации означает постоянное стремление к усилению статуса государственного языка, что доказывается, в частности, разработкой правительством Ш. Мирзиёева мероприятий, связанных с интенсификацией перевода графики узбекского языка на латиницу.

²²⁸ Абашин С. Н. Нации и национализм в Центральной Азии 20 лет спустя: переосмысливая категории анализа/практики // *Ab Imperio*. 2011. № 3. С. 196–197.

²²⁹ Даудов А. Х., Алимджанов Б. А., Андреев А. А., Шорохов В. А., Янченко Д. Г. Государственная политика идентичности в Узбекистане в позднесоветское время и в эпоху независимости // *Этнографическое обозрение*. 2018. № 5. С. 151.

²³⁰ Асанов А. Хрупкий баланс языковых споров в Узбекистане. 8.12.2020 (URL: https://cabar.asia/ru/hrupkij-balans-yazykovyh-sporov-v-uzbekistane?fbclid=IwAR38V3a-Ub5hF4L9wyEXx0S_pNDf_c1Pma8XNlYrJwUR9hZ8pFoS_5oEEYs).

Правовой статус русского языка в Узбекистане

Русский язык являлся общеупотребительным в СССР, с 1961 г. его повсеместное использование было официально оформлено формулой «язык межнационального общения»²³¹. Несмотря на тот факт, что законодательно у всех народов СССР была возможность изучать родной язык, русский в республиках региона стал универсальным средством общения. Его изучение в школе носило обязательный характер.

Отношение к языкам титульных групп в регионе стало меняться во время перестройки; закон 1989 г. «О государственном языке Республики Узбекистан» стал первым шагом на пути к национальному суверенитету.

Политика в отношении русского языка в постсоветском Узбекистане отличается от ситуации в других республиках региона. Согласно закону 1989 г. «О государственном языке Республики Узбекистан» таковым был признан узбекский, русский получил статус «языка межнационального общения» (ст. 1)²³². В редакции закона «О государственном языке» 1995 г. статус русского языка не был обозначен. Хотя в ст. 3 делалась ссылка на язык межнационального общения²³³, но он не идентифицировался с русским. В последующих редакциях закона нет никаких упоминаний о четком правовом статусе русского языка. Юридически русский является одним из иностранных языков в Узбекистане.

Изучение языкового вопроса в Узбекистане через призму государственной политики: отсутствие формального правового статуса у русского языка, процессы дерусификации и перевод графики узбекского языка с кириллицы на латиницу приводят исследователей к мысли о том, что русский в Узбе-

²³¹ Арутюнова М. А. Языковая политика и статус русского языка в СССР и государствах постсоветского пространства // Вестник Московского университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2012. № 1. С. 161.

²³² Закон Республики Узбекистан от 21 октября 1989 г. № 3561-XI «О государственном языке» (URL: <https://lex.uz/docs/108915>).

²³³ Закон Республики Узбекистан от 21 декабря 1995 г. № 167-I «О государственном языке» (URL: <https://lex.uz/docs/121433>).

кистане рассматривается как «советский пережиток», вызывая прямые ассоциации с долгим советским правлением²³⁴.

Государственная политика руководства центрально-азиатских республик после распада СССР была обусловлена процессами дерусификации – снижения роли русского языка во всех сферах общественной жизни. Программа дерусификации стала неотъемлемой частью политики суверенизации и национализации в республиках Центральной Азии, что выразилось в снижении роли русского языка в делопроизводстве, печати, образовании. В 1990-е гг. в регионе две республики заявили о переводе государственных языков с кириллицы на латиницу – Туркмения и Узбекистан. Если в первой удалось быстро перевести алфавит на латиницу, то в Узбекистане реформа затянулась, в настоящее время используются две графические системы. Хотя напрямую это не касалось позиций русского языка, но все же затрагивало его статус и роль в обществе.

Описанные тенденции представляют транслируемую «сверху» часть государственной политики, но не объясняют всего разнообразия особенностей функционирования языков в современном Узбекистане. При изучении вопросов, связанных с языковой политикой и позицией русского языка, необходимо разделять политику властей (она должна соответствовать общей идее национализации общественно-политической жизни страны) и особенности функционирования языков на практике, в том числе и в приватной сфере.

Русский язык – один из «укоренившихся» языков Узбекистана

Автор полагает, что русский язык является одним из «укоренившихся» языков республики, владение которым у узбеков переросло в традицию русско-титульного билингвизма, сформировавшуюся еще в советское время. Как и в дру-

²³⁴ Келльнер-Хайнкеле Б., Ландау Я. Языковая политика в современной Центральной Азии: национальная и этническая идентичность и советское наследие. Пер. с англ. О. Богдановой. М., 2015. С. 22–23.

гих республиках региона, русский являлся здесь родным не только для собственно русских, украинцев и других европеизированных городских групп, но и для части титульного населения (самая высокая доля свободно владеющих русским у казахов и киргизов в Казахстане и Киргизии), а также у представителей депортированных народов²³⁵.

По данным советских переписей по Узбекской ССР, в 1970 г. из 7724 715 проживающих в республике узбеков русский язык назвали родным 26276 человек (0,3%)²³⁶; в 1989 г. из 14142 475 узбеков русский язык считали родным 63568 человек (0,4%)²³⁷. Это были те узбеки, которые думали, говорили и писали на русском лучше, чем на узбекском. В эту группу узбеков входили и те, кто вообще не владел узбекским языком.

В 2019 г. в Ташкенте автором был проинтервьюирован человек, являющийся узбеком по происхождению, но избегающий причисления себя к этой группе, поскольку вырос в обрусевшей семье:

«И. (интервьюер): К какой группе Вы себя относите по этнической принадлежности?

Р. (респондент): Вот это очень интересный вопрос, потому что часто себя спрашивал, потом просто перестал спрашивать... Я 1967 года рождения, то есть я еще вырос и сформировался в то время, советское. В советское время не только, наверное, в Узбекистане, но и во всех республиках было очень много семей, которые по этнической принадлежности принадлежали этому этносу, который проживает в этой республике, так сказать, коренному, а по культуре они, поскольку как бы основной язык русский, скорее, принадлежат к русской культуре. У меня такая же история была, потому

²³⁵ Абдуллаев Е. В. Русские в Узбекистане 2000-х: идентичность в условиях модернизации // Русский мир в Центральной Азии / Под ред. А. А. Князева. Вып. 1. Бишкек, 2007. С. 14.

²³⁶ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. IV. Национальный состав населения СССР, союзных и автономных республик, краев, областей и национальных округов. М., 1973. С. 202.

²³⁷ Национальный состав населения СССР: по данным переписи населения 1989 г. М., 1991. С. 92.

что родители разговаривали все время дома на русском. Это не значит, что они не знали узбекского, знали прекрасно и с родственниками общались, когда нужно было, но как-то так получилось, что именно дома, внутри нашей семьи, у нас был государственным языком русский... Так вышло, что узбекский язык я знаю на уровне разговорного, то есть общаться на базаре и так далее. На бытовом уровне, скажем так, а на уровне более продвинутом, читать какую-то литературу сложную, к сожалению, я не очень. Поэтому я думаю, что если отталкиваться от этого факта, то я на 90% принадлежу русской культуре, но если отталкиваться от того, что были и есть какие-то традиции местные, которые не могли пройти мимо и есть и сейчас, они все равно затрагивают нас, то принадлежность к местному, коренному этносу тоже ощущается. Поэтому есть какая-то раздвоенность здесь. Но мне кажется, что это не только мое ощущение, я думаю, что многие находятся в такой же ситуации и испытывают то же самое» (узбек, 52 г., ассистент в международной школе; Ташкент, 2019 г.).

Респондент подчеркивает, что его самоидентификация двойственна; ведущую роль играет «европейская» идентичность, основанная на знании русского языка (он родной для этого человека), на «пристрастии» к русской литературе и т.д. В то же время его идентичность вписана в контекст национальной культуры, к которой он также принадлежит. Сформировавшаяся у части городского населения разноразноуровневая идентичность, позволяющая существовать в разных социокультурных контекстах, является малоизученным феноменом, который требует длительного антропологического осмысления.

Нужно еще раз подчеркнуть, что русский язык, начиная с имперского времени и особенно в советский период, стал связующим мостиком, посредством которого титульное население получило представление о «европейской» культуре и ценностях. Эта ситуация не изменилась к настоящему времени – до сих пор приобщенность к русскому языку влияет на идентификацию его носителей.

В итоге в Узбекистане существуют две культурно-лингвистические идентичности: русскоязычная/европеизированная и национальная. Русскоязычный/носитель русского языка (в повседневной жизни более распространено (само)название «европеец»²³⁸) – это человек, вне зависимости от своей этнической принадлежности разделяющий европейские ценности через русский язык.

Культуролог и лингвист А. Улько, проживающий в Узбекистане, считает, что вариации названия этой группы – «европейцы» и «русскоязычные» – неудачны и искажают признаки группы²³⁹. По его мнению, сейчас основными носителями русского языка в Узбекистане являются не русские, численность которых, по официальным данным, составляла на начало 2018 г. 739684 человека (2% населения)²⁴⁰, а узбеки²⁴¹. Однако уровень владения русским языком у узбеков и проживающих в стране таджиков различается по степени сформированных навыков: понимания на слух, умения поддержать разговорную речь, читать и писать.

Как уже отмечалось, в Узбекистане необходимо разделять государственную языковую политику и повседневные языковые практики (включая делопроизводство, образование и пр.), в рамках которых русский язык используется постоянно, несмотря на то, что официально он является всего лишь одним из иностранных языков²⁴². При этом носителей русского языка в Узбекистане значительно больше, чем проживающих здесь русских²⁴³.

²³⁸ Улько А. Узбекский – язык для узбеков?? Почему в стране до сих пор есть проблемы с государственным языком (URL: <https://hook.report/2019/08/problema-uzb/>).

²³⁹ Там же.

²⁴⁰ Материалы Государственного комитета по статистике № 01/4–01–19–477 от 3 мая 2019 г.

²⁴¹ Улько А. Узбекский – язык для узбеков?...

²⁴² Подпоренко Ю. Бесправен, но востребован. Русский язык в Узбекистане – к проблемам сохранения и эволюции. 06.08.2003 (URL: http://gramota.ru/biblio/magazines/ryzr/rzr2002-04/28_423).

²⁴³ В главе 4 проанализирована роль России в становлении (в имперский и особенно в советский периоды) такой конфигурации русскоязычного пространства на интересующих нас территориях, при которой носителями русского языка и культуры стали не только собственно русские, но во множестве представители титульных этнических групп, в первую очередь жители городов.

Повседневная жизнь диктует иные правила использования языков, и зачастую отношение к русскому языку на бытовом уровне не совпадает с идеологией, декларируемой государством. В последние годы появилось немало публицистических статей, в которых подчеркивается, что высшие чиновники нередко плохо говорят на узбекском языке, а служащие среднего и нижнего ранга хоть и владеют узбекским, но используют много диалектизмов и европеизмов²⁴⁴. Из-за этих исторически сложившихся коммуникативных особенностей отказаться от русского языка в полной мере не представляется возможным. Узбекистан входит в число тех постсоветских стран, в которых судьба русскоязычия определяется объективными социально-экономическими процессами, причем весьма инерционными. Добавим, что узбекское общество отличается также традиционностью, поэтому дерусификация проходила здесь крайне медленно, от кириллической графики узбекского языка не отказались до сих пор. Хотя реформа алфавита началась более 25 лет назад, она так и осталась незавершенной.

В делопроизводстве в Узбекистане в 2000-е – 2010-е гг. были задействованы в основном узбекский язык на кириллице, в меньшей степени на латинице, но при этом последняя преобладала на уровне официальных символов – вывески, надписи в метро, названия городов, улиц и др. В этой ситуации русский язык выполнял и выполняет функции языка-посредника.

Русский язык в системе школьного образования

Обучение в школах на узбекской латинице было введено в 1996 г. Первое поколение выпускников таких классов столкнулось в 2000-е гг. с доминирующей практикой использования узбекской кириллицы в делопроизводстве и с необ-

²⁴⁴ Алимджанов Б. Узбекистан: почему узбекский не стал языком политики и науки? 19.02.2019 (URL: cabar.asia/ru/uzbekistan-pochemu-uzbekskij-ne-stal-yazykom-politiki-i-nauki).

ходимостью осваивать либо последнюю, либо русский как язык-посредник. Незавершенность реформы алфавита в Узбекистане привела к новым дискуссиям. В 2017 г. было опубликовано открытое письмо известного узбекского литературоведа Ш. Ризаева, адресованное президенту Ш. Мирзиёеву, с предложением вернуться к кириллице как к основной графике²⁴⁵. Однако инициативы президента в 2020 г. обозначили приверженность властей плану завершения реформы графики, а также повсеместного перевода делопроизводства на узбекский язык.

Важнейшим инструментом поддержки и распространения языка является система образования. В Узбекистане у автохтонных для региона групп (узбеки, таджики) остается высоким запрос на русскоязычное образование. В школах, колледжах, лицеях, университетах сохраняются так называемые европейские (русский язык обучения) и «национальные» потоки (узбекский язык). На сайте министерства народного образования представлена официальная информация о количестве общеобразовательных государственных школ и учащихся по языку обучения в 2020/2021 учебном году (причем информация опубликована на кириллице – Ю.Ц.).

Школ с узбекским языком обучения в республике было 8083, в то время как школ с русским – 81, примерно в 100 раз меньше, но при этом в школах с узбекским языком обучения получают образование 5321918 человек, с русским – 634985 учащихся²⁴⁶, всего в восемь раз меньше. Учитывая тот факт, что русских в республике, по данным на 2018 г., насчитывается 739684 человека, к этой группе даже в городах в большей степени относятся представители средней и старшей возрастной групп. Напрашивается вывод, что большую часть учащихся русских классов и школ составляют узбеки и другие автохтоны²⁴⁷.

²⁴⁵ Узбекистан и переход на латиницу раздора. 25.09.2017 (URL: <https://stanradar.com/news/full/26612-uzbekistan-i-perehod-na-latinitu-razdora.html?page=2>).

²⁴⁶ Количество школ и учащихся по языку обучения в общеобразовательных школах системы государственного образования в 2020–2021 учебном году (URL: <https://www.uzedu.uz/ru/statistika>).

²⁴⁷ Аналогичный тренд фиксирует и статистика по средним школам в Казахстане (подр. см. главу 4).

Эти же тенденции фиксируются в исследовании А. Арефьева по нескольким центральноазиатским республикам, в том числе и Узбекистану: школьное образование на русском языке получают в основном представители автохтонных для региона этнических групп²⁴⁸.

Такая укорененность русского языка в образовании связана не только с распространенным мнением о том, что образование на русском языке качественнее, чем в классах с узбекским языком обучения²⁴⁹. Для узбеков знание русского языка является в какой-то степени усилением их статусных позиций в избранной сфере занятости. Автором было записано интервью с Р., узбеком, выпускником одной из русских школ г. Ангрен, работавшим инспектором ДПС по Ташкентской области. Коллектив, в котором трудился Р., был узбекоязычным, и значимость его языковых навыков вырастала, когда его коллеги – выпускники узбекских школ не могли ясно донести свои требования до русскоязычных водителей в момент проверки документов.

Кроме этого, знание русского языка он использовал как ресурс при отстаивании своих позиций в коллективе, когда у него возникали конфликтные ситуации с начальством: «Я один закончил русскую школу, они все [коллеги по отделению] – из узбекских школ, а я – из русской. Когда начальник меня вызывал к себе и требовал предоставить рапорт по разным спорным ситуациям, я писал рапорт на русском языке. Он нервничал, так как не понимал ни слова, но не имел права его не принять» (узбек, 42 г., инспектор ДПС; Ангрен, 2015 г.).

В представлении этого респондента обучение в русской школе, диплом о высшем образовании в филиале российского вуза в Узбекистане являлись его дополнительным ресурсом в карьерном росте и борьбе за личные позиции в коллективе. На протяжении всего разговора Р. подчеркивал свое отличие (выпускник русской школы) от коллег и представителей своего окружения.

²⁴⁸ Арефьев А.Л. Русский язык в мире: прошлое, настоящее, будущее // Вестник РАН. 2014. № 10. Т. 84. С. 16.

²⁴⁹ Улько А. Узбекский – язык для узбеков?...

Полевые исследования автора в разных городах Узбекистана подтвердили высказанное выше предположение – русский язык в республике сохраняется благодаря запросам со стороны узбекского населения на существование билингвизма; в таджикских семьях практикуется трехязычие.

Широкое распространение русского языка в Ташкенте связано со значительной численностью проживающих в столице русских (339 581 человек в начале января 2018 г. – 13,7%), узбеки (1 786 046 человек) в тот же период составляли 72,4% горожан²⁵⁰. Фактически в Ташкенте концентрируется большая часть русского и русскоязычного населения; здесь наиболее развито русскоязычное информационно-коммуникативное пространство; где русский широко используется в сфере услуг, в бизнесе, науке и образовании, искусстве и культуре.

Одновременно спрос на русский язык не угасает в городах, где доля русского населения чрезвычайно мала. Данный тезис хорошо иллюстрируется ситуацией, сложившейся в системе школьного образования в г. Ангрен Ташкентской области, расположенном в 100 км от столицы. На 1 января 2014 г. в Ангрене проживало 175 434 человека, среди которых узбеков было 128 679 (73,3%), таджиков – 29 376 (16,7%), корейцев – 8 236 (4,7%), русских – 4 297 человек (2,4%)²⁵¹. При таких пропорциях, тем не менее, в Ангрене русский язык занимает важнейшее место в повседневных коммуникациях и системе школьного образования.

По информации руководителя Русского культурного центра г. Ангрена и одновременно директора школы № 33 Л. Ребеченко (интервью записано 15 апреля 2014 г.), в городе функционировало семь школ с русским языком обучения. Наполняемость русских классов высокая, обеспечивалась она не только за счет детей из русскоязычных семей; часто родители отдавали в русские классы детей из узбекских и таджикских семей. Одна из причин – устоявшееся мнение о том, что

²⁵⁰ Материалы Государственного комитета по статистике Республики Узбекистан № 01/4–01–19–477, 3 мая 2019 г.

²⁵¹ Материалы Государственного комитета по статистике Республики Узбекистан № 01/3–13–07/3–280, 5 октября 2015 г.

образование на русском языке качественнее (об этом уже упоминалось выше).

Второй фактор – стремление сохранить двуязычие у узбеков и таджиков Ангрена. Н., учитель начальных классов (русский язык обучения) одной из ангренинских школ, в интервью 2012 г. подтвердила, что школьное образование на русском языке чрезвычайно популярно:

«И.: Как ты думаешь, почему узбеки стремятся отдавать детей на обучение в русские классы, когда в республике всё на узбекском языке?

Н: Даже не знаю, хотя в русские классы, хотя и жить, чтобы по-русски разговаривал ребенок, грамотность у него была нормальная. Хотя документация вся на узбекском, и они это знают, но все равно отдают в русские классы... у нас двуязычие же, они стараются выучить и, значит, отдают в русские классы, там узбекский тоже преподают» (Н., русская, 38 л., учитель начальных классов; Ангрэн, 2012 г.).

Респондент воспринимала повсеместное распространение русского языка как двуязычие, не подозревая, что у русского языка нет официального статуса. Отчасти это объясняется тем, что никаких притеснений русскоязычных граждан не происходило, они сохраняли право обращаться в государственные учреждения и муниципальные органы на русском языке, что в глазах обывателей воспринималось как официальное двуязычие. Учительница Н. также подтвердила, что она крайне редко сталкивалась со случаями, когда узбеки не могли ответить на русском языке, к примеру, на базаре: «...чаще всего им самим становилось неловко, и они стремились перевести мне через своих соседей».

У узбеков сложилось несколько стратегий по сохранению двуязычия, что является интересным для дальнейшего изучения. Один из респондентов в г. Ангрэн отметил: «Моя дочь учится в 33 школе [школа с русским языком обучения – Ю.Ц.], сына я тоже туда отдам, в среднем звене – переведу Дильнозу [дочь – Ю.Ц.] в класс с узбекским языком обучения. Узбекский на латинице ей нужно знать обязательно» (Р., узбек, 42 г., инспектор ДПС; Ангрэн, 2015 г.).

В жизненных стратегиях узбекских семей знание русского языка является ценным приобретением, а школьное образование на русском языке востребовано. Чаще всего объяснение этому факту искалось в ориентации трудоспособного населения Узбекистана на трудовую миграцию в Россию²⁵², что отчасти соответствует действительности. Однако и для оставшихся в стране узбеков русский язык до сих пор необходим для успешной коммуникации в городской среде, т. к. быть двуязычным или русскоязычным считается здесь показателем успешности и приобщенности к современной культуре.

При относительной востребованности русского возникает другой вопрос – качество и уровень сохраняемого языка. Он усваивается автохтонными группами на базовом или среднем уровне для нужд торговли или работы в сфере услуг в самом Узбекистане, а также для расширения возможностей при трудовой миграции. Другими словами, узбеки и таджики – выпускники русских классов не обязательно усвоят русский язык как язык родной, что чаще всего происходило в советское время. Родными для них остаются по-прежнему узбекский и таджикский языки. По подсчетам российского социолога А.Л. Арефьева, на постсоветском пространстве значительно сократилось число тех, кто владеет русским языком на уровне родного²⁵³.

В одном из интервью в Фергане был затронут важнейший аспект нашей темы, связанный с тем, что язык не только средство общения, но также является основой мышления:

«И.: С чем Вы связываете высокий запрос коренного населения на обучение на русском языке?

Р.: А он прагматический, это чтобы работать там, чтобы в России быть занятым.

И.: Почему считается, что лучшее образование получают на русском языке?

Р.: Да-да, так и есть, но знаете, как я называю вторую школу [считается одной из престижных государственных

²⁵² Арутюнова М. А. Языковая политика и статус русского языка в СССР и государствах постсоветского пространства... С. 168.

²⁵³ Арефьев А. Л. Русский язык в мире: прошлое, настоящее, будущее... С. 9.

школ в Фергане с русским языком обучения – Ю.Ц.]? Я Зубареву [имеет в виду Л.В. Зубареву, учителя истории Ферганской школы № 2 – Ю.Ц.] встретил и говорю: «У Вас что ли русская школа, думаете?! У Вас не русская, не узбекская школа, она не русская и не узбекская! Они, узбеки, выходят и говорят по-узбекски, а человеку язык родной тот, на котором он думает, поэтому они как к иностранному относятся к нему».

И.: Ну хотя бы так.

Р.: Нет, я понимаю, но это не присвоение, на оперативном уровне они не могут его определить, это совершенно внешне, они не смогут сдать экзамен в русские вузы хорошие. Это внешнее, может быть, немножко там где-то это, они не могут, они не присваивают язык» (А., русский, 66 лет, историк; Фергана, 2014 год).

Поверхностное освоение русского языка или его знание на среднем уровне может стать инструментом вертикальной мобильности в различных сферах, прежде всего сфере услуг, но вряд ли способно изменить мышление выпускников русских школ. Данные выводы можно экстраполировать на ситуацию в других городах Узбекистана.

В Узбекистане четко выделяются сферы, в которых русский язык распространен в наибольшей степени. Считается, что представители бизнес-структур, политической элиты, академического сообщества являются преимущественно русскоязычными²⁵⁴. Автор в неформальных беседах с тремя коллегами из академического института в 2014 г. отметила, что дети и внуки сотрудников института обучаются в русских школах. На вопрос о том, где же в таком случае подрастающее поколение освоит государственный язык, один из собеседников ответил: «На улице выучит узбекский язык, а потом в школе доучит» (М., узбек, 40 лет, историк; Ташкент, 2014 г.). Представленные свидетельства еще раз доказывают, что в городской среде для узбеков приоритетным является сохранение и воспроизведение в семье двуязычия.

²⁵⁴ Алимджанов Б. Узбекистан: почему узбекский не стал языком политики и науки?...

Русский язык в производственной сфере Узбекистана

В СССР максимальное владение русским языком достигалось благодаря системе образования, а также обеспечивалось социально-экономическими и научно-техническими достижениями. В Узбекской ССР и советской Средней Азии в целом русский язык был связан с формированием и модернизацией промышленности. Он укрепился в регионе в ходе индустриализации в 1930-е – 1940-е гг., сформировавшись как единый стандартизированный устный и письменный язык²⁵⁵. Русский стал средством коммуникации, делопроизводства, языком научно-технического прогресса во всех республиках региона. Соответственно, после 1991 г., получив в наследство советскую экономику, основанную на стандартизированном русском языке, не представлялось возможным в одночасье вытеснить его из производственно-экономической жизни, несмотря на приоритетное развитие государственного языка.

Промышленное производство Узбекистана за 30 лет суверенитета обновляется медленно; принципиально новой отраслью стало автомобилестроение. В 1996 г. в г. Асака в Андижанской области был пущен в эксплуатацию современный автомобильный завод – первоначально совместное с южнокорейской фирмой предприятие «УзДЭУавто», в настоящее время – GM Uzbekistan. Большая часть промышленной базы Узбекистана и её инфраструктура работают на той основе, которая сформировалась в советский период, когда стандартизированным языком был русский. Практически во всех построенных в советское время промышленных городах – Навои, Алмалык, Чирчик, Ангрен и др. в производственной сфере широко используется русский язык, и это не всегда зависит от доли русских/русскоязычных в составе населения этих городов.

К примеру, г. Ангрен Ташкентской области в советское время имел шахтерскую специализацию, поскольку градо-

²⁵⁵ Цыряпкина Ю. Н. Роль русского языка в ходе индустриализации советской Средней Азии (на примере Ташкентской области) // Казанская наука. 2015. № 6. С. 48.

образующим предприятием был угольный разрез по добыче бурого угля и каолина. Когда у подножий Чаткальского и Кураминского хребтов нашли запасы золотосодержащей руды, в Ангрене была построена крупная фабрика по извлечению золота из руды. Другим крупным производственным объектом стала Ангренская ГРЭС, которая производила до 30% электроэнергии страны и обслуживала большую часть Ташкентской области.

В этническом составе современного Ангрена доля русских по сравнению с годом проведения последней советской переписи снизилась более чем в десять раз: 2926 человек (1,6%) по данным на 1 января 2018 г.²⁵⁶ против 43218 человек (31,4%) в 1989 г.²⁵⁷ Несмотря на этот устойчивый тренд, в информационно-коммуникативном пространстве Ангрена русский является одним из активно используемых языков после государственного. И это объясняется не только относительной близостью к столице республики (около 100 км до Ташкента).

Кроме востребованности в системе школьного образования, русский язык до сих пор активно используется на основных предприятиях города, в первую очередь инженерно-техническими работниками. По материалам полевых исследований в г. Ангрен в 2014 г., в одной из лабораторий акционерного общества «Узбекуголь», специализирующейся на экспертизе состава добываемого угля, вся первичная документация готовилась на русском языке. В случае необходимости перевода экспертного заключения на государственный язык его выполнял переводчик. Кроме этого, по свидетельству респондентки, до 2011 г. все совещания и планерки проводились на русском языке (Е., русская, 44 года, химик, Ангрен, 2014 г.). В интервью в 2018 г. она же отмечала, что в связи со сменой руководства предприятия совещания стали проводиться на узбекском языке: «...генеральный [имеет в виду генерального директора предприятия – Ю.Ц.] ведет

²⁵⁶ Материалы Государственного комитета по статистике Республики Узбекистан № 01/4–01–19–477, 3 мая 2019 г.

²⁵⁷ Перепись населения г. Ангрен 1989 г.

планерку на узбекском языке, переключается на русский, когда обращается к русскоязычному сотруднику. В основном мы сидим в телефонах на планерке».

Судя по последней официальной информации, отраженной на сайте «Узбекугля», с мая 2020 г. на должности генерального директора работает В. Кузнецов из г. Белово Кемеровской области (<http://uzbekcoal.uz/kuznetsov.pdf>). Судя по тому, что это наемный управленец из России, он не владеет узбекским и, скорее всего, рабочим языком совещаний опять стал русский. На сайте «Узбекугля» выставлены данные о вакантных рабочих местах на предприятии на май 2021 г. (в основном инженерно-технические работники). Согласно списку, составленному на русском языке²⁵⁸, требуется много специалистов с узкой специализацией по новым отраслям, связанным с маркетингом; нужны также руководители структурных подразделений АО «Узбекуголь».

На бывшей картонной фабрике г. Ангрен было создано ОАО «Angrenpack», контрольный пакет акций которого в 2018 г. выкупила группа российских предприятий «Никольпак». Генеральный директор Э. Хайруллин приехал из России, при нем произошли положительные изменения в деятельности предприятия. Благодаря использованию современного высокотехнологичного оборудования выпускаются различные виды продукции. Судя по протоколам очередного собрания акционеров в мае 2021 г., все заседания проходят на русском языке²⁵⁹, язык менеджмента и управления на предприятии – русский.

Если рассматривать роль русского языка в других системах жизнеобеспечения Ангрена, русский язык активно использовался в системе электроснабжения на различных предприятиях города. Вот одно из высказываний на эту тему:

²⁵⁸ Информация по вакантным рабочим (ИТР) местам по АО «Узбекуголь» на 01.05.2021 г. (URL: http://uzbekcoal.uz/vac_ru.pdf)

²⁵⁹ Выписка из протокола годового общего собрания акционеров АО «Angren Pack» от 19 мая 2021 г. (URL: <http://angren-pack.uz/wp-content/uploads/2021/05/Vypiska-iz-protokola-OSA-2021g.pdf>).

«Я, допустим, работал в энергоуправлении, там все велись переговоры на русском языке между диспетчерами. Потому что многие слова в электротехнике на узбекском не скажет диспетчер, например, должен передать отключить или включить какую-то линию, тот диспетчер может не понять по-узбекски и может напутать и подвести людей под гибель, поэтому заставляли по-русски говорить» (А., немец, 39 лет, электрик на шахтах золотообогатительной фабрики, Ангрен, 2013 г.).

Этот же респондент привел другой пример, иллюстрирующий необходимость знания русского языка для инженерно-технического состава: «Я всю свою рабочую смену фиксирую в журнал на русском, да, и узбеки, которые со мной сменщики работают, они тоже пишут на русском. На узбекском у нас ничего не пишется. Во-первых. Во-вторых, узбеки, так, у нас двое русских, один татарин, трое узбеков. Они [узбеки – Ю.Ц.] пишут на ломаном русском, но русском. Нет такого, что он не может писать на русском и пишет на узбекском. Он пишет на ломаном русском, но это понятнее, чем на их узбекском».

Данную тенденцию подтвердила в интервью респондентка, работающая диспетчером на железнодорожной станции Ангрен, обслуживающей акционерное предприятие «Узбекуголь»: «У нас в основном работают таджики. За разговоры на таджикском языке на рабочем месте штрафуют. Должен использоваться только русский язык» (Ангрен, Э., 39 лет, немка, диспетчер на железнодорожной станции, 2015 г.).

Все приведенные факты свидетельствуют о том, что русский язык является необходимым механизмом для слаженной работы производственной системы, сформированной в промышленных городах Узбекистана еще в советское время. По крайней мере, в Ангрене и соседнем Алмалыке автором не единожды фиксировались ситуации, когда в производственной сфере нужно обязательно владеть в том числе и письменным русским языком. Скорее всего, эти выводы можно экстраполировать и на другие крупные промыш-

ленные объекты Узбекистана, расположенные, к примеру, в городе Навои.

В этой связи возникает другой актуальный вопрос: на каком языке в дальнейшем планируется модернизация промышленной базы Узбекистана? В следующие 10–15 лет произойдет еще больший износ старой советской техники, и переоснащение производства будет крайне необходимым.

В 2010-е гг. в Узбекистане был запущено строительство новых предприятий, а также реновация старых. В 2012 г. была создана специальная индустриальная зона «Ангрен», в которую активно инвестировали китайские предприниматели. В рамках этой программы была построена железная дорога Ангрен-Пап, связывающая Ташкентскую область и Ферганскую долину. В Ангрене в 2014 г. введен в эксплуатацию трубный завод. К 2016 г. крупная китайская компания «Harbin Electric International Company Ltd» закончила реконструкцию Ангренской тепловой электростанции, введенной в эксплуатацию в далеком 1957 г. В рамках данного проекта был построен новый энергоблок для сжигания высокосольного угля местного карьера (Ангрен).

В ходе полевых исследований в Ангрене в 2015 г. автор взяла интервью у двух китайских переводчиков, нанятых Харбинской компанией. Они подтвердили, что вся техническая документация, по которой работают китайские подрядчики, представляется на английском и русском языках. По словам одного из них, даже договор между «Harbin Electric International Company» и «Узбекэнерго» заключили на английском языке с переводом на русский: *«Вся техническая литература с переводом на русский язык; как я знаю, у нас [имеет в виду китайских ИТР – Ю.Ц.] никто не говорит по-узбекски»* (В., китаец, переводчик, август 2015 г., Ангрен). Все оборудование поставляется из Китая, при этом все технические чертежи предоставляются на английском и русском языках.

Соответственно, на промышленных предприятиях города вновь поступающие на работу сотрудники, не владеющие русским языком, вынуждены его осваивать. Нехватка кадров для предприятий города приводит к тому, что произ-

водственный процесс на самых низовых должностях упрощается. Об этом свидетельствует выдержка из интервью с заведующей структурным подразделением на предприятии «Узбекуголь», в которой она описывает работу с сотрудниками, не владеющими русским языком:

Р.: С каждым годом все больше и больше сотрудников, которые не говорят по-русски.

И: Как приходится устанавливать коммуникацию?

Р.: Через девочек [имеет в виду сотрудниц лаборатории – Ю.Ц.], которые могут объяснять. Как мой личный опыт показал, что нужно, чтобы я все объяснила все вот этой женщине [той, которая выполняет роль переводчицы – Ю.Ц.]. Например, она объяснит ей [той сотруднице, которая нуждается в инструкциях, но не знает русского языка в должной мере – Ю.Ц.], а потом я прошу, чтобы она опять объяснила ей, чтобы она перевела и поняла, что я ей объяснила. Причем я докапываюсь до каждого слова, потому что они так сильно меняют суть во время перевода, это просто невероятно.

И.: Как при таких условиях контролировать процесс выполнения поручений?

Р.: Только практически, газеты, журналы, смотреть записи.

И.: Как сотрудники заполняют журналы? На каком они языке ведутся?

Р.: А там же у нас только цифры и всё: цифры-подпись, цифры-подпись, практически слова они никакие не пишут. Потому что все журналы мы оформляем по-типовому... внутри журнала, единственное, что в обозначениях, но это уже там не сложно, да, буквально там несколько букв и все, а остальное все цифры-подписи, цифры-подписи. Просто за такими девочками я, значит, поручаю вести контроль инженеру-химику, некоторым лаборантам. Потом я сама иногда, ну когда есть время, спускаюсь, посмотрю, у этой спрошу, у этой спрошу». (Е., русская, 49 лет, химик, Ангрен, 2018 г.).

Особенности использования русского языка в производственной сфере Узбекистана изучены гораздо меньше, чем ситуация в системе образования. Однако можно констатиро-

вать, что русский язык здесь укоренен и служит посредником в ходе модернизации производственного сектора, несмотря на декларируемую на властном уровне политику усиления государственного языка. Наметившаяся за последние пять лет тенденция к расширению российско-узбекского сотрудничества в производственно-экономической сфере реализуется в том числе благодаря сохранению русского языка в Узбекистане. При этом необходимо согласиться с мнением А. Арефьева о том, что возможность сохранения русского языка за пределами России «будет зависеть от способности России преодолеть сырьевой уклон и перейти на производство технических знаний, экспорт образования и научно-технических услуг»²⁶⁰.

Русский язык в культуре

Использование русского языка в Узбекистане – это не только часть повседневных речевых коммуникаций; русский язык тесно связан с местной культурой. Уже неоднократно упоминалось, что он стал самовоспроизводимым, «местным» продуктом в Узбекистане²⁶¹. Он органично вплетен в культуру, искусство советского и постсоветского Узбекистана, которое зачастую является визитной карточкой страны за ее пределами. Например, стоит вспомнить постановки первого на территории СССР профессионального негосударственного театра «Ильхом» (1976 г., Ташкент), бессменным художественным руководителем которого со времени зарождения театра и до момента своей гибели в 2007 г. был М. Вайль. Актеры театра гастролировали в странах Западной Европы, Израиле, США, Японии, во многих городах России. Спектакли отличает переплетение современных подходов

²⁶⁰ Арефьев А. Л. Русский язык в мире: прошлое, настоящее, будущее... С. 21.

²⁶¹ Цыряпкина Ю. Н. Русскоязычное культурное пространство в Узбекистане и «фактор России» // Дневник Алтайской школы политических исследований. 2017. № 33. С. 195. Данный вывод в полной мере можно отнести и к положению русского языка в других странах региона, в частности, в Казахстане (подроб. см. главу 4).

с огромным пластом азиатской культуры, и все это транслируется через русский язык.

На русском языке в постсоветском Узбекистане сложилось целое литературное направление – Ферганская школа поэзии. Ее неформальным лидером является Ш. Абдуллаев – русскоязычный узбекский поэт, дважды лауреат конкурса «Русская премия за поэзию» в 2006, 2013 гг.; лауреат стипендии фонда Иосифа Бродского (2015 г.). Неформальная группа поэтов (в Ферганскую школу поэзии также входили Х. Закиров, О. Гребенникова и др.) в первой половине 1990-х гг. создала новую литературу, базирующуюся на идеях космополитизма. Их произведения публиковались на страницах журнала «Звезда Востока» (1991–1996 гг.)²⁶², сочетая принципы западноевропейской переводной литературы и школы поэзии на узбекском языке.

Русский язык – часть культурного наследия народов Узбекистана, навсегда вписанная в их историю, традиции, искусство. Отталкиваясь от мысли о том, что русский язык в Узбекистане – это важнейший элемент современной узбекской культуры, становится понятным высокая степень его распространенности в городах и даже в тех многих населенных пунктах, где доля русских очень невелика.

Кроме этого, русский язык в Узбекистане тесно связан с глобализацией, он является проводником европейской культуры, без которой, к примеру, сложно адаптироваться к жизни в крупнейшем мегаполисе и столице республики – Ташкенте. Автор около десяти лет следит за творчеством узбекской певицы из Хорезма Х. Абдуллаевой. Отличительной особенностью ее творческой деятельности являлось исполнение песен на огузском диалекте узбекского языка, сопровождающееся хорезмскими танцами. Переезд Х. Абдуллаевой в Ташкент трансформировал её сценический образ, в котором по-прежнему присутствует фолк-музыка Хорезма, но при этом появились современные европеизированные песни

²⁶² Корчагин К. «Когда заменим свой мир...»: ферганская поэтическая школа в поисках постколониального субъекта // Новое литературное обозрение. 2017. № 2. С. 449–450.

и клипы на узбекском языке. Кроме того, чтобы быть востребованной на рынке узбекской эстрады, в Ташкенте певица начала записывать репертуар на русском языке.

Подводя итог, можно сказать, что узбекский язык сохраняется в кино, театре и музыке²⁶³, но при этом эстрадная музыка на узбекском языке переплетается с современными веяниями и европейской культурой. Элементы современной культуры проникают в Узбекистан не только через Россию, страны Западной Европы, но и через Турцию. Однако этот вопрос также представляет собой отдельную тему для антропологического исследования.

Еще один важный аспект, связанный с русским культурным и коммуникативным пространством, касается самого феномена трудовой миграции. Необходимо признать, что Россия, не предпринимая каких-либо особых усилий, продолжает опосредованно влиять на население бывших советских республик. Так, трудовые мигранты из Узбекистана в Россию, уезжая на заработки, совершенствуют или в той или иной степени осваивают русский язык, приобщаются к современному образу жизни, городской культуре. По мнению респондента А., в г. Ангрен Ташкентской области в 2015 г. автомобилисты, работавшие трудовыми мигрантами в России в качестве водителей, стали чаще уступать место пешеходам на нерегулируемых переходах (А, таджичка, 50 л., сотрудник отдела кадров, Ангрен, 2015 г.).

В 2015 г. на базарах Ташкента и других городов можно было встретить произведенное в Узбекистане хозяйственное мыло с надписью «Сделано в СССР». Хотя на государственном уровне тогда не поощрялась память о советском наследии, но в сознании жителей республики «советское» – это знак качества, это проявление ностальгии по советской стабильности.

Российская массовая культура, несмотря на свою тенденциозность и противоречивость, широко востребована городской молодежью вне зависимости от этнической принадлежно-

²⁶³ Алимджанов Б. Узбекистан: почему узбекский не стал языком политики и науки?..

сти. Учащаяся ангренского колледжа отмечала, что некоторые студенты из «национальных» групп (с узбекским языком обучения) предпочитают слушать не национальную/традиционную узбекскую эстраду, а российскую популярную или европейскую музыку. В этом же ряду можно упомянуть привычку носить майку с надписью RUSSIA, дающую окружающим сигнал о том, что её владелец находился в России на заработках или как-то связан с этой страной. Все эти наблюдения сделаны автором во время полевых исследований 2012–2015 гг., в период президентства И. Каримова, когда в официальном дискурсе само явление трудовой миграции в Россию и другие страны на государственном уровне не поддерживалось. С приходом к власти Ш. Мирзиёева в 2016 г., который не только признал факт массового выезда граждан страны на заработки, но и начал проводить политику, направленную на упорядочивание процесса трудовой миграции в Россию, социальный статус мигрантов в узбекском обществе существенно изменился.

* * *

Русскоязычное культурное пространство, несмотря на заметное демографическое сокращение русских, продолжает функционировать благодаря инерции советского прошлого и глубокой укорененности русского языка в культуре, искусстве народов Узбекистана, в производственной сфере. Схожие мысли высказывались в работах Н. Космарской (вывод о том, что русское культурное и коммуникативное пространство в постсоветской Киргизии может функционировать без русских и без особых усилий со стороны России)²⁶⁴.

Потенциал русского языка в Узбекистане значителен, он объединяет культурно близкие к нему группы населения вне зависимости от этнической принадлежности. В виртуальном пространстве русский язык является здесь универсальным средством общения. Мягкая политика в отношении рус-

²⁶⁴ Kosmarskaya N. The Russian Language in Kyrgyzstan: Changing Roles and Inspiring Prospects...

ского языка в последние годы связана с трудовой миграцией и попыткой правительства страны управлять данным процессом, сделать его регулируемым со стороны Узбекистана и России.

На позиции русского языка значительное влияние оказывает и ситуация, в которой функционирует государственный язык. Как неоднократно отмечали эксперты из Узбекистана, за постсоветский период узбекский язык не смог стать унифицированным и стандартизированным²⁶⁵, в нем по-прежнему много диалектизмов²⁶⁶, он не вполне адекватно отражает современность, и если модернизируется, то происходит это искусственно²⁶⁷.

В силу наличия этих факторов русский язык смог укрепить свои позиции, а в каких-то случаях даже заменить узбекский в сфере государственного управления, бизнесе, науке, производстве, хотя и русскому языку в Узбекистане присуще постепенное устаревание. Соответственно, русский язык не нуждается здесь в возвращении официального статуса, тем более он не нуждается в политико-дипломатической поддержке со стороны России. Сейчас Узбекистану для улучшения языковых компетенций его населения, прежде всего молодежи, необходима в первую очередь учебно-методическая помощь со стороны России. Многие в этом направлении уже делается²⁶⁸.

Русский язык, как один из «укоренившихся» языков Узбекистана, несомненно, будет востребован в будущем. Британский историк А. Моррисон, долгое время преподававший в университете в Астане (ныне Нур-Султан), в разгар общественных дебатов о переводе казахского языка на латиницу в апреле 2017 г. написал, что в Индии после обретения независимости в 1947 г. имели место такие же эмоциональные дис-

²⁶⁵ Алимджанов Б. Узбекистан: почему узбекский не стал языком политики и науки?...

²⁶⁶ Улько А. Узбекский – язык для узбеков? Почему в стране до сих пор есть проблемы с государственным языком...

²⁶⁷ Асанов А. Хрупкий баланс языковых споров в Узбекистане...

²⁶⁸ В Узбекистане преподаватели-русисты из России тестируют местных учителей. 6.10.2020 (URL: <https://ria.ru/20201006/russkiy-yazyk-1578779966.html>).

куссии о языках, как и в Казахстане. Благодаря сохранению английского языка в образовании и в других сферах Индия смогла стать одной из конкурентоспособных мировых и региональных держав²⁶⁹. Подобные сравнения можно экстраполировать на ситуацию в постсоветском Узбекистане.

Хотя в Узбекистане сохранены важные сферы применения русского языка, в последние годы власти предпринимают усилия по укреплению позиций государственного языка (в частности, это попытки строгой регламентации документооборота). В 2020 г. министерство юстиции предложило штрафовать учреждения и организации за ведение делопроизводства на негосударственном языке²⁷⁰, что вызвало бурные обсуждения внутри Узбекистана, а также послужило поводом для отдельных спорных высказываний представителя российского МИД²⁷¹.

В октябре 2020 г. Ш. Мирзиёев подписал указ «О мерах по совершенствованию языковой политики в стране»²⁷², в котором фактически прописывается «дорожная карта» развития узбекского языка, включающая корректировку учебных планов общеобразовательных школ, сертификацию уровня владения государственным языком должностными лицами, внедрение современных информационных технологий. Насколько успешными станут анонсированные в Узбекистане меры, зависят от многих факторов, в том числе от соотношения позиций государственного и русского языков и значимости тех ролей, которые они выполняют в общественной и социокультурной жизни республики.

²⁶⁹ Morrison A. Russian Beyond Russia. 20.04.2017 (URL: <http://www.eurasianet.org/node/83296>).

²⁷⁰ Министерство юстиции предложило штрафовать должностных лиц, не использующих государственный язык в делопроизводстве. 25.04.2020 (URL: <https://nuz.uz/obschestvo/48969-ministerstvo-yusticii-predlozhilo-shtrafovat-dolzhnostnyh-lic-ne-ispolzuyuschih-gosudarstvenny-yazyk-v-deloproizvodstve.html>).

²⁷¹ Мария Захарова прокомментировала законопроект о введении делопроизводства на госязыке в Узбекистане. 15.05.2020 (URL: <https://kun.uz/ru/news/2020/05/15/mariya-zaxarova-prokommentirovala-zakonoprojekt-o-vedenii-deloproizvodstva-na-gosyazyke-v-uzbekistane>).

²⁷² Мирзиёев подписал указ о мерах по совершенствованию языковой политики в стране. 20.10.2020 (URL: <https://kun.uz/ru/news/2020/10/20/mirziyoyev-podpisal-ukaz-o-merax-po-sovershenstvovaniyu-yazykovoy-politiki-v-strane>).

Пересмотр языковой политики в период президентства Ш. Мирзиёева и усиление позиций государственного языка неминуемо повлечет за собой разрушение баланса языков, сложившегося при И. Каримове. На официальном уровне это проявляется в оценочных заявлениях крупных узбекских чиновников о том, что стремление узбеков отдавать детей в русские школы влечет за собой потерю национальной идентичности²⁷³. В повседневных отношениях возможно усиление лингвистического национализма. Вот мнение одного из респондентов: «В последние два года в учреждениях стали чаще требовать говорить на узбекском языке. Я могу объясниться на узбекском, но мне становится некомфортно» (татарин, 44 г., водитель; Ангрен, 2019 г.).

Суммируя все сказанное, отметим, что русский язык в Узбекистане, не имея официального статуса, является «укоренившимся» и занимает прочные позиции во многих сферах. В обществе сложился стойкий запрос на знание русского языка среди титульного населения и других автохтонных групп (в частности, таджиков). Государство, завершая и углубляя реформу графики узбекского алфавита, ориентируется на уже овладевшее латиницей молодое поколение узбекистанцев, которое через несколько десятилетий сменит поколение соотечественников среднего и старшего возрастов. Тогда и можно будет в полной мере оценить итоги языковой реформы в стране.

Широкое распространение компьютерных программ для перевода текстов с одной графики языка на другую, с одного языка на другой может существенно облегчить коммуникацию в условиях существования двух графических систем. Латинизация узбекского языка, его модернизация и доступность обучения этому языку для всех категорий населения, формирование национальной идентичности на основе двух ее социокультурных подвариантов (узбекоязычные и русскоязычные) – все это позволит в дальнейшем интегрировать различные группы населения Узбекистана в единую гражданскую нацию.

²⁷³ Алишер Кадиров – о «новом поколении узбеков», не знающих родной язык. 15.04.2021 (URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2021/04/15/kadirov-rus/>).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Гульнара Рахимовна Дадабаева – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений университета КИМЭП (Алма-Ата, Казахстан).

Главные области научных исследований: национально-государственное строительство в странах Центральной Азии в период независимости; интеграционные процессы и деятельность экономических организаций в регионе; советская литература как постколониальный феномен и др. Автор более 50 публикаций на английском, русском и казахском языках.

По теме книги опубликованы следующие работы:

- Русскоязычное население Алма-Аты: можно ли выстроить свое социальное пространство? // Центральная Евразия. 2018. № 2.
- The Imagined Nation-State in Soviet Literature: the Case of *Koshpendiler* // Nationalities Papers. 2015. Vol. 44. N1 (в соавторстве с Д. Шариповой);
- The Evacuation Policy of the Soviet Union During the Second World War // The Journal of Slavic Military Studies. 2020. Vol. 33. N3 (в соавторстве с Р. Жаркымбаевой и А. Абдыраимовой).

Наталья Петровна Космарская – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра изучения Центральной Азии и Кавказа Института востоковедения РАН (г. Москва).

Основные темы научных исследований – теория и история постсоветских диаспор (на примере армян в России и русскоязычных в Центральной Азии); городские трансформации в городах Центральной Азии; трудовые миграции из региона в Россию и отношение принимающего населения к мигрантам; внутриэтнические конфликты в постсоветских странах; образы России в постсоветской Центральной Азии; русский язык и культура в постсоветских странах. Неоднократно проводила полевые исследования в Киргизии, Узбекистане, Казахстане и различных регионах России. Автор более 100 публикаций на русском и английском языках. Последние работы, касающиеся тематики книги, включают:

- «Russian Culture» in Central Asia as a Trans-Ethnic Phenomenon // Global Russian Cultures. Ed. by K. Platt. Univ. of Wisconsin Press, 2019 (в соавторстве с А. Космарским);
- Праздновать или скорбеть? Память о войне и отношение к Дню Победы в современном Казахстане // Несломленный народ: от общей победы к общей исторической памяти. Под ред. М.А. Липкина, Б.Г. Аягана. М.: ИВ РАН, 2021;
- Between Emotions and Pragmatism. The Russian Language in Kazakhstan and the «Factor of Russia» // The Politics of the Russian Language Beyond Russia. Ed. by Ch. Noack. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2021 (в соавторстве с И. Савиным).

Игорь Сергеевич Савин – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения Центральной Азии и Кавказа Института востоковедения РАН (г. Москва).

Основные темы научных исследований: взаимодействие разных видов коллективных идентичностей и солидарностей (общегражданских, этнических, религиозных) на постсоветском пространстве; предупреждение и урегулирование этнических и межобщинных конфликтов в странах Центральной Азии и России; перспективы интеграции жителей центральноазиатских государств в России; историческая память и российская идентичность в разных регионах России. Провел многочисленные полевые исследования в странах Центральной Азии и регионах России. Автор более 150 публикаций на русском и английском языках. Публикации последних лет включают:

- Историческая память и российская идентичность на Северном Кавказе (редактор и автор статьи). М.: ИВ РАН, 2017.
- Взгляд на историю межэтнических отношений в Казахстане. Инд. монография. М.: ИВ РАН. 2018.
- Роль России в обеспечении национальной безопасности стран Центральной Азии. Инд. монография. М.: ИВ РАН, 2019.

Юлия Николаевна Цыряпкина – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой всеобщей истории Алтайского государственного педагогического университета (г. Барнаул).

Основные темы научных исследований: история формирования переселенческого сообщества в Туркестане во второй половине XIX – начале XX в.; русский язык в советской и постсоветской Центральной Азии; идентичность русскоязычного населения постсоветского Узбекистана; религиозная идентичность и «ситуативная

религиозность» русскоязычного населения; «память о социализме» в Узбекистане. За последние десять лет организовала и провела шесть социологических экспедиций в различные города Узбекистана. Автор более 90 публикаций, в том числе двух монографий и одного учебного пособия, на русском и английском языках. Последние публикации:

- Orthodox Christianity in the Islamic Context of post-Soviet Uzbekistan: Religious Consciousness and Traditions // Eight Essays on Russian Christianities. Ed. by I. Mikeschin. Saint Petersburg: Saint Petersburg Center for the History of Ideas, 2020;

- «Эпоха социализма» в исторической памяти постсоветского Узбекистана // Исторический курьер. 2020. № 5;

- Русскоязычное культурное пространство в Узбекистане и «фактор России» // Дневник Алтайской школы политических исследований. 2017. № 33.

Научное издание

**ОТНОШЕНИЕ К РОССИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
(история, политика, культура)**

Корректор *Сидоркина Н.А.*
Верстка *Макеева Н. В.*

Подписано 15.12.2021
Формат 60×90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 12,63. Уч.-изд. л. 10,1
Тираж 500 экз. Зак. № 482

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом И. В. Федулов
E-mail: ivran.izd@gmail.com

Отпечатано в ПАО «Т8 Издательские Технологии»
109316, г. Москва, Волгоградский пр-т, 42, корп. 5
тел.: 8 (499) 288-74-01
e-mail: www.t8print.ru